

К.С. Гаджиев

*Имидж государства в конфликте
идеологии*

**“Андалус”
Москва, 2007**

Гаджиев К.С.

Имидж государства в конфликте идеологий. М.: Андалус, 2007.

– 128 с.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ.
Проект №06-03-02070а*

ISBN 50282-01931-0

© Гаджиев К.С., 2007

© Оформление. ИПЦ “Андалус”, 2007

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей небольшая книга представляет собой попытку выделить и анализировать роль идеологии в современном мире, важнейшие факторы, формы, направления и пути трансформации идеологии в условиях глобализации и институционализации полицентрического миропорядка. Эта проблема приобрела особую значимость в условиях кризиса традиционных магистральных течений общественно-политической мысли и идеологии, в результате чего возникли и получили широкую популярность разного рода идеи о конце истории, конце идеологии, окончательной и бесповоротной победе либерализма во всемирном масштабе и т.д.

Дополнительную актуальность и значимость этой проблеме придает тот факт, что в современных условиях неуклонно растет значение так называемой мягкой силы, в которой ключевую роль играют новейшие невооруженные средства и методы продвижения и защиты национальных интересов. Все более отчетливые очертания приобретает обострение борьбы разных моделей жизнеустройства, образов жизни, новых идеологических течений. Все более возрастающую роль играют такие составляющие национальной мощи как производство, освоение и распространение знаний и информации, способность национальной культуры к экспансии и завоеванию доминирующего положения в культурном пространстве других народов и регионов и т.д. В комплексе этих составляющих ключевую роль в последние десятилетия отводится целенаправленно разработанным и тщательно отшлифованным имиджам ведущих государств Запада, прежде всего США, которые предлагаются (можно сказать, навязываются) мировому сообществу в качестве наиболее совершенных и пригодных для всех стран и народов моделей жизнеустройства, экономической и политической организации общества.

В силу целого комплекса известных причин эта проблема приобрела особую значимость для России, которая на данном эта-

Имидж государства в конфликте идеологий

пе всё ещё находится на путях поиска своей национальной и геополитической идентичности. При этом важно учесть, что одним из направлений разработки и «продажи» имиджа того или иного государства на международной арене является создание контр-имиджей или отрицательных имиджей других государств, прежде всего, государств-оппонентов (или образов государств-врагов) по принципу «друг-враг», «мы-они», «наши-чужие» и т.д. В последние годы, особенно по мере возрождения России и восстановления ею своего статуса великой ядерной и энергетической державы в некоторых политических кругах и средствах массовой информации Запада именно по этому принципу предпринимаются усилия по созданию и пропаганде негативного имиджа нашей страны. Это, естественно, предполагает необходимость разработки форм, путей и средств противодействия этой политике. В качестве главной задачи данной монографии ставится выявление и исследование основных направлений, методов и средств разработки и распространения ведущими странами Запада, прежде всего США, собственных позитивных имиджей и, соответственно, негативного имиджа России. Центральное место отводится методологическим и концептуальным аспектам данной проблемы.

Глава 1

Идеология в глоболизирующемся мире

Еще Ф. Ницше предупреждал, что XX век станет веком борьбы различных сил за мировое господство, осуществляемой именем философских принципов. Предупреждение Ницше оказалось пророческим с той лишь разницей, что все многообразие и сложность мировоззренческого начала были заменены идеологическим измерением, идеологические принципы взяли верх над философскими, в том числе политико-философскими принципами. Своего рода законченное выражение этот аспект получил в глобальном идеологическом, политическом и военном противостоянии двух социально политических систем в период холодной войны, которая была пронизана идеологическим началом. Казалось бы, с распадом двухполюсного миропорядка, основанного на системном идеологическом конфликте двух военно-политических блоков, такое понимание современного мира стало достоянием истории. Однако не может быть конца идеологии, равно как и конца истории. Каждое поколение людей будет творить свою историю, и каждое сообщество людей будет обосновывать свою модель общественно-политической самоорганизации, свой образ жизни, присутствующим ему комплексом ценностей, установок, принципов и т.д.

Мир политического невозможно представить себе без идеологии. С самого своего возникновения формы правления и проводимый власть предержащими политический курс нуждались в обосновании, оправдании, легитимизации. Идеология, не важно как она называлась в разные исторические эпохи, как раз и была призвана выполнять эту задачу. О её значимости свидетельствует хотя бы тот факт, что XX столетие называют веком идеологии, поскольку весь он прошел под знаком бескомпромиссной борьбы различных идеологических систем.

Данной проблеме посвящена большая литература, которая, к сожалению, сама в большей своей части оказалась пленницей этой борьбы и, поэтому, не всегда способна должным образом осветить суть интересующей нас проблемы. Разумеется, в данной главе не ставится и не может быть поставлена задача подвергнуть данную проблему всестороннему анализу. Рассматривается лишь

Имидж государства в конфликте идеологий

тот аспект, который связан с новыми формами её проявления, которые характерны лишь для так называемой «постконфротационной» эпохи миропорядка.

* * *

* * *

* * *

Любой исследователь в сфере социальных и гуманитарных наук, человек, интересующийся политикой, тем более, занимающийся ею, независимо от того, хочет он того или нет, в той или иной форме и степени подвержен влиянию идеологических пристрастий, споров и дискуссий и, соответственно, не может быть полностью свободным от определенной тенденциозности и идейно-политической ангажированности в трактовке важнейших политических реалий.

Конечно, идеален тот случай, когда исследователь как ученый, беспристрастен и преследует цель найти истину независимо от того, кому именно выгодны результаты его изысканий. Идеология же пристрастна и предвзята, поскольку она выражает интересы какого-либо класса или социальной группы. Подстраивание любой социальной и гуманитарной дисциплины к чьим бы то ни было вкусам и интересам неизбежно чревато ее выхолащиванием и вырождением. Но опыт почти всех развитых стран Запада, особенно стран с либерально-демократическими политическими системами, убедительно показывает, что научный анализ политических феноменов нередко вполне уживается с теми или иными идейными или идеологическими позициями исследователя.

Поэтому мы и говорим, что тот или иной мыслитель или исследователь по своим ориентациям, установкам, симпатиям, антипатиям является консерватором, либералом, социал-демократом, марксистом, радикалом и т.д. Весь вопрос состоит в степени и масштабах его ангажированности и тенденциозности. В основе такой классификации, несомненно, лежит и момент идеологической оценки. высказываемые у нас зачастую доводы и рассуждения относительно необходимости отказа от идеологии в пользу деидеологизации как неперемного условия строительства демократического государства лишены сколько-нибудь серьезных оснований, поскольку в современном мире политика как арена столкновения различных конфликтующих интересов, немислима без идеологии. Речь в данном случае должна идти, как представляется, не о новой деидеологизации, а об утверждении плюрализма идейно-полити-

ческих течений, подходов, методологических принципов, их сосуществования, терпимости и открытости в отношении друг друга.

Оставляя в стороне вопрос о причинах, условиях появления и эволюции идеологии в современном смысле слова, отметим лишь то, что её возникновение и институционализация теснейшим образом связаны с процессами вычленения и автономизации гражданского общества и мира политического как самостоятельных, хотя взаимозависимых сфер жизнедеятельности человеческих сообществ, усложнения и плюрализации социального состава общества, разложения универсального средневекового мышления, появления политико-философской мысли и ее диверсификации на различные направления и течения, отделения мировоззрения от государства, частным случаем которого первоначально стало отделение церкви от государства и т.д.

Идеология теснейшим образом связана также с формированием и институционализацией идей нации и национального государства. Более того, в течение последних двух-трех столетий идеология и национализм дополняли и стимулировали друг друга. Не случайно они возникли почти одновременно в качестве выразителей интересов поднимающегося третьего сословия или буржуазии, что в сущности на начальном этапе представляло собой одно и то же. Другое дело, что в XX в. оба феномена приобрели универсальный характер и стали использоваться для обозначения широкого спектра явлений. Появившиеся тогда понятия “буржуазный национализм”, “либеральный национализм”, “мелко буржуазный национализм”, “национал-шовинизм”, “нацизм” и т.д. по сути дела использовались в качестве идеологических конструкций для оправдания и обоснования политико-партийных и идеологических программ соответствующих социально-политических сил. Свою крайнюю форму эта тенденция получила в гитлеровской Германии, где национализм выполнял функции одной из двух главных несущих опор государственной идеологии.

В отличие от политической философии, идеология ориентирована на непосредственные политические реалии и действия, на политический процесс и руководствуется соображениями привлечения наивозможно большей поддержки предлагаемого той или иной силой политического курса. Поэтому естественно, что она носит более ярко выраженный тенденциозный характер. Все идеологии, независимо от их содержания, касаются проблем авторитета, власти, властных отношений и т.д. Они основываются на

Имидж государства в конфликте идеологий

признании определённой модели общества и политической системы, путей и средств практической реализации этой модели.

Именно в идеологии в наиболее обнаженной форме находит свое практическое воплощение, оправдание и обоснование конфликтное начало мира политического, или характерная для него дихотомия друг-враг. Для консолидации общества внешний враг имеет, пожалуй, не менее, если не более, важное значение, чем единство интересов ее носителей. Здесь внешний враг служит мощным катализатором кристаллизации этих интересов. Если врага нет, то его искусственно изобретают. Особенно отчетливо этот принцип проявляется в радикальных идеологиях, которые вообще не могут обходиться без внутренних и внешних врагов. Более того, сама суть этих идеологий выражается с помощью образа или образов врагов. Как отмечал германский исследователь О. Ламберг, эффективность идеологии в данном аспекте наиболее отчетливо проявляется в тех случаях, когда остальной окружающей мир видится как враждебная сила, провоцируя тем самым инстинкты обороны, страха, агрессивности у членов соответствующей группы. Каждая идеологическая конструкция содержит в себе развернутое представление об антипode или противнике. От образа противника во многом зависит степень интегрированности группы.

Следует отметить, что выделение любого течения из общей системы политико-философской или идейно-политической мысли, равно как и любая типологизация составляющих данную мысль течений предполагают ту или иную степень абстракции. Она, в свою очередь, теснейшим образом связана с редукцией, т.е. сведением к единому знаменателю множества противоречивых элементов или компонентов к какому-либо одному или нескольким базовым элементам. Характерна она и для рассмотренных выше политико-философских течений. Но в идеологии редукции принадлежит значительно большая, чем в политической философии, роль. Именно с её помощью достигается большая компактность идеологии, ее простота и доступность для среднего человека определенной ориентации.

Но степень такой редукции варьируется в зависимости от степени открытости или закрытости конкретной идеологической системы: от минимальной в умеренных и центристских до крайней в радикальных и революционных. Существует своего рода закономерность, в соответствии с которой степень радикальности той или иной идеологической конструкции прямо пропорциональ-

на степени редукции основных ее элементов. С феноменами редукции и закрытости связан принцип обеспечения чистоты идеологии, который состоит в недопущении ее «засорения» чуждыми элементами, в результате чего императивы соответствия общественно-политическим реальностям приносятся в жертву верности принципам, независимо от того, сохранили они убедительность и эффективность или нет.

Известно, что любая идея, какой бы совершенной она ни была, доведенная до абсолюта, превращается в свою противоположность или, иначе говоря, в настоящий абсурд. И, естественно, попытки ее практической реализации не могут не обернуться далеко идущими негативными последствиями. Если теоретически допустить, например, возможность жизнеустройства, строго следуя нормам и установкам Евангелия, то не приходится сомневаться, что оно рано или поздно развалится. Ни одна армия в мире не способна эффективно функционировать, во всех случаях строго следуя букве собственного же устава. Или же в экономической сфере общеизвестен эффект так называемых забастовок “по-итальянски”, которые приводят в буквальном смысле слова к параличу производства (например, работы железнодорожного транспорта) лишь потому что все работники работают, scrupulezno соблюдая установленные правила и нормы.

Именно такова участь всех радикальных идеологических конструкций. Наглядный пример этого дают тоталитарные идеологии. Так, постулируя возможность самостоятельного существования и реализации какого-либо одного элемента общества вне его связи с остальными элементами, или вопреки им, тоталитаризм по сути дела осуществил изъятие одного единственного “изма” из общего контекста множества “измов” и редукцию всей сложности, многообразия и полноты реальной жизни к единому знаменателю. К этому единственному “изму” примеривалась и сводилась вся действительность, отсекая от нее и по сути дела ликвидируя все неугодные институты, организации, ценности, идейно-политические течения, религии, классы, сословия и т.д.

Когда отдельный человек или приверженцы какого-либо учения проникаются уверенностью в том, что они овладели окончательной истиной, своего рода универсальным ключом к решению всех проблем и достижению гармонии, они вскоре выражают и вырабатывают уверенность в близкой достижимости царствия правды и справедливости. В итоге, даже передовые по своему пер-

воначальному замыслу социально-философские и идейно-политические системы оказываются замкнутыми системами, базирующимися на неподвижной основе и пытающимися стянуть реальную жизнь в прокрустово ложе отвлеченных и искусственных одномерных конструкций. Массовизация, демократизация любой идеи ведут к потере ею способности саморазвиваться, к приспособлению к усредненной психологии массы, энтропии познавательных интенций, прогрессирующей потере научности и достоверности. Превратившись в господствующую, надев, как говорится «официальный мундир», любая идея сама себя сковывает, принимает тон официального оптимизма и уже не допускает какой-либо критики существующей системы. Пропорционально растет ее нетерпимость и закрытость, постепенно превращаясь в некое подобие религии.

Поэтому не случайно, что тоталитарное государство (как в СССР, так и в нацистской Германии) использовало всю свою мощь для утверждения мифологической версии своей идеологии в качестве единственно возможного мировоззрения. Она была превращена по сути дела в своего рода государственную религию со своими догматами, со священными книгами, святыми, апостолами, со своими бого-человеками (в лице вождей, фюреров, дуче и т.д.), литургией и т.д. Здесь государство представляет собой чуть ли не систему теократического правления, где верховный жрец-идеолог одновременно является и верховным правителем. Это, по удачному выражению Н.Бердяева, «обратная теократия». Марксизм, по сути дела рассматриваемый как завершение всей мировой философии, был выведен из-под критики, а его положения сделаны критериями оценки всех остальных философских систем. Тем самым Маркс приобретал как бы статус святого отца церкви, а его произведения – статус священного писания, не подпадающие под общепринятые правила и нормы рационального критического анализа. Что касается ленинизма, то он приобрел атрибуты фундаментализма с его фанатизмом, буквализмом и эсхатологизмом.

Статус религиозной веры с существенными элементами мистицизма и даже спиритуализма приобрела фашистская идеология, особенно в ее нацистской ипостаси. Ее священными книгами стали работа Х.С.Чемберлена «Основы девятнадцатого века», которую гитлеровская газета «Фёлккишер беобахтер» в 1925 г. назвала «евангелием нацистского движения», «Миф двадцатого века» А.Розенберга и др. Разумеется, над всеми ними стоя-

ла «Майн Кампф» А.Гитлера, предлагавшаяся в качестве идейно-политической платформы «тысячелетнего рейха». Показательно, что почти во всех немецких семьях она выставялась на почетное место в доме, считалась почти обязательным дарить ее жениху и невесте к свадьбе и школьнику после окончания учебы. Касаясь отношения широких масс к самому Гитлеру, газета «Франкфуртер цайтунг» писала в 1934 г.: «Из масс поднимается почти не воспринимаемый, но весьма влиятельный коллективный флюид. Это есть тот поток, который производит «германское чудо». Этот поток встречается с невидимыми волнами, которые исходят от самого Гитлера. Эта игра обмена душевными силами заменила в Германии партийный парламент ... Не в голосованиях, а в живых, определяемых чувством связей между вождями и последователями, укрепляемых такими встречами с народом, находится политический центр тяжести нового государства»¹.

Принцип редукции, как правило, обуславливает некоторые специфические особенности идеологии. В методологическом плане она призвана играть в сфере политики ту же роль, что система догматов – сфере религии. И там и здесь вера – в первом случае секулярная, а во втором религиозная – играет центральную роль. «Рим – владыка, если богов чтит: от них начало, в них и конец найдем», писал древнеримский поэт Гораций, имея на то более чем достаточно оснований. Падение с пьедесталов или смерть богов часто знаменует собой упадок и смерть старой и восхождение новой цивилизации. Как правило, народы не долго переживают исчезновения своих богов. Глубоко был прав Г. Лебон, когда писал: «нет ничего более разрушительнее, чем прах умерших богов»². Банально звучит утверждение, что идеи и люди их воплощающие, руководят миром. Причем, зачастую не имеет значения истинны они или ложны. На судьбы народов глубокое влияние оказывают не только войны и революции, опустошительные следы которых рано или поздно изживаются, но и перемены в основных идеях, понятиях и верованиях, которые связаны с тем, что основополагающие элементы самой цивилизации осуждены на преобразование. Настоящие революции, чреватые опасностью для существования того или иного народа – это революции, происходящие в его мысли³.

Человеку по самой своей природе свойственно то, что У. Джеймс назвал волей к вере. Наполняя сокровенные глубины человека, вера возвышает его над самым собой, движет им. Ему

невозможно жить без веры, руководствуясь, подобно животному, одними только инстинктами и материальными потребностями. Не случайно Аристотель подчеркивал, что человек может быть чем-то большим или меньшим, чем животное. Основополагающая доминанта веры – уверенность в существовании трансцендентного, именуемого Богом, Предвечным, Началом всего сущего, или каким-либо иным названием. Поэтому прав был Папа Иоанн Павел II, который говорил: “Там, где человек не опирается более на величие, которое связывает его с трансцендентностью, он рискует допустить неограниченную власть произвола и псевдоабсолютов, которая уничтожает его”.

Проводя четкое различие между религией, как формой веры в сверхъестественное, и религиозностью, как сферой воображаемого, Дж. Дьюи усматривал смысл и назначение последнего в том, чтобы задать перспективу различным фрагментам человеческого существования. Здесь уместно привести так называемую теорему Томаса, которая гласит: “если люди определяют ситуации как реальные, они реальные по своим последствиям”. Если верна эта мысль, то глубоко прав В. Набоков, который говорил, что “жизнь подло подражает художественному вымыслу”. Иначе говоря, жизнь человека подстраивается под те или иные идеи, мифы, вымысли, если он верует в их реальность и действенность.

И действительно, в истории слишком часто бывало так, что, казалось бы, совершенно нелепые идеи вызывали сильнейшие потрясения, подрывавшие устои казавшихся вечными империй, если люди верили этим идеям. В значительной мере это объясняется тем, что реальной материальной силой, разрушающей устои цивилизации, как правило, выступала масса. А массу можно привлечь не какими-либо сложными рациональными конструкциями, требующими специального аппарата доказательств и обоснований, а простыми, понятными, привлекательными, способными мобилизовать и стимулировать лозунгами, стереотипами, мифами, символами и т.д. С подрывом нравственных опор, на которых покоилась та или иная цивилизация, дело ее окончательного разрушения берет на себя масса или толпа, или как она названа в истории, варвары. В такие периоды, как отмечал Г. Лебон, философия численности становится «единственной философией истории»⁴.

Среди масс может получить живой отклик, например, призыв какого-нибудь доселе мало кому известного Петра Пустынника устремиться на Восток к гробу Господню, или фюрера в лице

Гитлера создать тысячелетний рейх, или вождя В. Ленина покончить с вековечной системой эксплуатации человека человеком и создать совершенное бесклассовое общество рабочих и крестьян. Что касается великих людей, которым человечество обязано своими открытиями и изобретениями, то они, как правило, не обладают качествами, необходимыми для обоснования религий или великих империй, во всяком случае, они ясно представляли себе сложность проблем, чтобы приложить к ним простые решения. Поэтому масса останется безразличной к ученым рассуждениям какого-нибудь Платона, Локка, Монтескье, Токвиля и др. мыслителей и политических философов. Здесь как нельзя к месту мысль Г. Лебона, который говорил: «гениальные изобретатели ускоряют ход цивилизации. Фанатики и страдающие галлюцинациями творят историю»⁵⁵.

Возникновение разного рода легенд и мифов в толпе, в массовом сознании обуславливается не только легковерием, но и теми искажениями, которые реальные факты и события претерпевают, став достоянием массы. Масса, как правило, мысля образами, не делает различий между объективным и субъективным, реальным и мифическим. Для ее сознания характерны односторонность и преувеличение. Немаловажную роль при этом играют внушение и заражение, возбуждающие стихийные порывы, возбуждая темные силы инстинкта и крови, способные в буквальном смысле слова перевернуть привычный ход вещей. Как показывает исторический опыт, в особенности опыт XX века, эти качества слишком часто стимулировали события, необратимые последствия которых накладывали неизгладимую печать на судьбы целых стран и народов.

Идеологию можно определить как некий строительный проект или эскиз, на основе которого конструируется политическая стратегия тех или иных социально-политических сил в лице партий, организаций, объединений, правительства и т.д. Идеология выполняет одновременно интегративную и разграничительную функции, первую, скажем, для сплачивания членов той или иной партии, а вторую – для разграничения этой партии от других партий. Она призвана придавать значимость институциональным отношениям между людьми как субъектами политики, объяснить, обосновать, оправдать или отвергать политические реальности в конкретных общественно-исторических условиях. Важнейшая функция идеологии состоит в том, чтобы разграничить то или иное

сообщество или группу от остальных сообществ и групп. В то же время большая часть идеологий основывается на определенном идеале, который независимо от степени его верности или ложности, строится, как правило, на противопоставлении действительности, какая она должна быть, действительности, как она есть. Извечная мечта людей о более совершенном социальном порядке получила свое конкретное выражение в многочисленных утопиях, эсхатологических по сути дела отвлеченных идеалах земного рая. В основе большинства таких идеалов лежит мысль о достижении фундаментальной гармонии между людьми, базирующейся на уничтожении всякого рода противоречий, соблазнов и грехов.

С определенными оговорками можно сказать, что в идеологии присутствуют два взаимосвязанных друг с другом компонента, один из которых в доведенной до логического конца и крайней формы, предполагает разрушение существующей системы, а второй – позитивную модель предполагаемого общественного или государственного устройства. Речь идет, прежде всего, о радикальных идеологиях левого и правого толка, наиболее типичными примерами которых могут служить большевизм и национал-социализм. Большинство же идеологических течений колеблется между этими полюсами, предлагая свои проекты или программы в качестве альтернатив политическому курсу других политических сил в рамках существующей системы. Естественно, всегда в выигрышном положении находятся те, кто противопоставляет будущее гипотетическое совершенное общество существующей системе со всеми ее недостатками и проблемами.

Для правильного понимания сущности идеологии необходимо иметь в виду еще один момент. Зачастую – в данном случае не является исключением и вполне респектабельные идеологические конструкции – идеология привилегированных или господствующих групп, слоев, классов основывается на их глубоком убеждении в законности и абсолютной легитимности своего привилегированного или же господствующего положения, что они просто не в состоянии трезвыми глазами смотреть на реальное положение вещей, в том числе и на глубокие изменения, возможно, происшедшие в собственной стране и окружающем мире. Соответственно, они готовы отстаивать свои позиции любыми, в том числе и насильственными средствами.

В свою очередь, те группы, сословия, классы, которые недовольны существующим положением вещей и выступают за его

изменение, склонны впадать в другую крайность. Разумеется, степень такого недовольства может быть разной у разных категорий граждан и диапазон их программ может варьироваться от требований перестройки тех или иных аспектов социально-экономической и политической жизни до радикального слома существующей системы. Сторонники радикальной или революционной идеологии могут быть настолько одержимы сознанием своей правоты и законности предъявляемых ими требований, что вольно или невольно подгоняют многообразие жизненных ситуаций и процессов к собственному видению мира и тем самым также теряют способность трезво оценивать реальное положение вещей. В результате, особенно в тех случаях, когда власть имущие не хотят и не могут идти на какие бы то ни было серьезные уступки, нередко революция, радикальный переворот может рассматриваться в качестве универсального ключа к решению всех проблем. Все это свидетельствует о правоте К. Манхейма, по мнению которого «в слове «идеология» имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его»⁶.

Здесь действует та же вечная антиномия между реальным и идеальным, проявляющейся в конфликте между стремлением одной части общества к сохранению существующего положения вещей и установкой другой его части к коренному изменению этого положения. Но, как бы ни были совершенны господствующие институты, законы и правовые системы, с течением времени они теряют свой первоначальный смысл и перестают отвечать коренным интересам большинства населения соответствующей страны. Новые реальности могут требовать изменения содержания старых или создания новых законов и норм. Но власть имущие, несмотря на очевидность происшедших в реальной жизни изменений, склонны всеми силами защищать их. В результате возникает конфликт между устаревшими законами и новыми реальностями.

В рассматриваемом контексте политика представляет собой арену столкновения различных идеологических систем, идеологических течений и направлений. Однако констатация этого факта сама по себе еще мало что объясняет. Дело в том, что при всей его верности знаменитая формула “политика есть искусство возможного” сохраняет правомерность и в современных условиях. С одной стороны, “искусство возможного” ставит определенные

пределы идеологизации политики, с другой стороны, идеология, в свою очередь, определяет возможные пределы, за которые та или иная политическая партия или правительство при проведении своего политического курса может выйти без ущерба основополагающим принципам своего политического кредо.

По-видимому, называя двадцатое столетие “веком идеологии”, мы допускаем определенное упрощение ситуации. Дело в том, что господствовавшие в тот период основные идейно-политические течения – либерализм, консерватизм, социал-демократизм, марксизм, национал-социализм и т.д. – функционально выполняли в сущности ту же роль, что и великие религиозные системы – католицизм, протестантизм, ислам и др. – в прошлом. С данной точки зрения они являлись своеобразными секулярными религиями. Но религиозное начало проявлялось в них по-разному и в разных дозах. Тем не менее, идеология в собственном смысле слова в качестве одного из определяющих факторов мировой политики в наиболее завершенной форме проявила себя именно в XX веке.

В целом XX век с точки зрения судеб ряда стран и народов, можно назвать периодом затянувшегося, перманентного смутного времени, затронувшего все стороны и аспекты человеческого бытия. Именно в такие времена переломов и бедствий создается наиболее благоприятная почва для появления разного рода мечтаний, утопий, проектов о совершенном устройстве мира. Поэтому неудивительно, что конец XIX – начало XX веков так богат проектами, идеями, учениями, предлагавшимися в качестве руководства к поискам путей переустройства существующей общественно-политической системы. Именно это обстоятельство во многом способствовало политизации и идеологизации политико-философской мысли, ее подчинения императивам системного конфликта. Разделительная линия в этом конфликте была проложена еще в начале века в процессе формирования и более или менее четкого разграничения двух магистральных направлений политико-философской мысли: реформистский в лице либерализма, консерватизма и социал-демократизма, и революционного – в лице ленинизма и фашизма, каждое из которых имело свои национальные, региональные и системные разновидности.

Ряд ведущих стран, такие как США, Великобритания, Франция, Швеция, Дания, Голландия и др. избрали путь постепенных социально-экономических и политических преобразований капитализма. Причем, при всех существовавших между ними раз-

ногласиях, приверженцами реформистского пути преобразования общества выступили все главные социально-политические силы, признававшие основополагающие принципы рыночной экономики и политической демократии. В целом речь идет о тех силах, которые в основу своих социально политических программ положили установки и принципы идейно-политических течений либерализма, консерватизма и социал-демократизма.

Революционно-тоталитарный путь избрали Россия, Италия, Германия и целый ряд других стран Европы и Азии, для которых была характерны слабость, неразвитость или полное отсутствие институтов, ценностей, норм гражданского общества, правового государства, конституционализма, парламентаризма и других атрибутов либеральной демократии. Как по своим целям (радикальная замена существующей общественно-политической системы совершенно новой системой), так и по использованным при этом методам (революционный переворот, насильственное свержение существующей власти) оба главных течения тоталитаризма представляли собой революционные движения, поскольку предлагали радикальное изменение существующей системы путем насильственного переворота. С той лишь разницей, что социалистическая революция, осуществленная в России, во всяком случае, в теории носила “прогрессивный” характер, поскольку руководствовалась идеалами всеобщего равенства, социальной справедливости, интернационального единства всех народов и др. Что касается фашистских переворотов, совершенных в Италии, Германии, Испании и некоторых других странах, то они носили “консервативный” характер, поскольку в их основе лежали праворадикальные идеи национализма, расизма, имперской великодержавности, апология насилия и т.д.

Как писал А.Н. Уайтхед, «когда корабль человечества снимается с якоря, это иногда приводит к открытию Нового Света, а иногда перед ним маячит призрак кораблекрушения»⁷. Так и с революцией, которая не всегда приводит к тем целям, для достижения которых она была задумана и осуществлена. Нередко в ней разрушительное начало превалирует над созидательным. Как это ни покажется с первого взгляда парадоксальным, революция может играть роль инструмента перехода к новому качеству общества лишь в том случае, если за ней последует «реставрация», которая на поверку оказывается отнюдь не возвратом к статус-кво ante, а отказ от наиболее радикальных разрывов и наиболее оди-

озных форм политической практики. Революция без «реставрации» имеет собственную логику, суть которой состоит в сведении всего и вся к единому знаменателю, упрощению, унификации, в процессе которых с общественно-политической арены тем или иным способом удаляются один за другим все «лишние» элементы, классы, сословия, группы, круг которых прогрессивно сужается по мере «прогресса» революции. Постепенно ликвидируются любые возможности для каких бы то ни было споров, дискуссий, оппозиционных взглядов. Создается видимость разрешения всех конфликтов и противоречий. В итоге наступает паралич социума, превратившегося в замкнутое пространство, не терпящего «возмущений» как изнутри, так и извне. В силу присущей такой перманентной революции внутренней логике власть народа превращается во власть от имени народа, а затем – во власть над народом.

* * *

* * *

* * *

Триумф идеологии в XX веке привел к существенным изменениям в межгосударственных отношениях. Как известно, Вестфальская, а затем Венская международно-политические системы базировались на принципах национального суверенитета и легитимности. Они не предписывали той или иной стране форму правления и внутренней социальной организации. В эти системы на равных правах входили, с одной стороны, самодержавная Россия, монархия Габсбургов и либеральная Англия, т.е. авторитарные и либеральные режимы. Согласие касалось лишь того, что допустимо и недопустимо во внешнеполитическом поведении государств. Таким образом, одним из важных условий для законного или легитимного международного порядка считалось более или менее жесткое разграничение между установленной тем или иным государством формой правления и его поведением на международной арене. Каждый участник международных отношений был вправе установить у себя любой социальный и политический режим пока он ведет себя на мировой арене в соответствии с общепризнанными правилами поведения. Тем самым в рамках одной и той же системы межгосударственных отношений допускалось сосуществование различных политико-идеологических систем.

Положение вещей радикально изменилось в XX веке, когда борьба за умы людей стала важной составной частью международной политики. Проанализировав это положение, известный аме-

риканский исследователь Г. Моргентау в предисловии ко второму изданию своей получившей популярность книге “Политика между нациями; борьба за власть и мир” подчеркивал, что “борьбу за умы людей в качестве нового измерения международной политики следует добавить к международным измерениям дипломатии и войны”. При этом Моргентау сетовал на то, что “эта борьба за умы людей нанесла последний фатальный удар той социальной системе международного общения, в рамках которой в течение почти трех веков народы жили вместе в постоянных ссорах, но под общей крышей разделяемых всеми ценностей и всеобщих стандартов действия... Под руинами той крыши оказался похороненным механизм, который поддерживал стены того общего дома народов, а именно баланс сил”⁸. В первые десятилетия XX в. развернулся бескомпромиссный конфликт между тремя главными альтернативными политико-идеологическими направлениями перестройки современного мира: социал-реформизмом, фашизмом и большевизмом. В ходе второй мировой войны в результате военного разгрома Германии и ее союзников фашизм как сколько-нибудь эффективная и дееспособная альтернатива перестал существовать. В качестве главных противоборствующих альтернатив сохранились социал-реформистский капитализм и революционный социализм (коммунизм). В результате свою законченную форму идеологический конфликт принял после второй мировой войны между двумя блоками, возглавлявшимися США и СССР.

Особенность второй мировой войны в данном контексте состояла в том, что традиционный комплекс факторов, лежащих в ее основе, возможно, впервые со времен религиозных войн XVI в., дополнялся идеологическим компонентом. Она представляла собой одновременно войну за территориальное господство и идеологическую войну, призванную навязать противной стороне определенный образ жизни, систему ценностей, форму жизнеустройства, политический режим и т.д. Обоснованность этого тезиса отнюдь не опровергается тем фактом, что одна из воюющих тоталитарных держав (СССР) находилась в союзе с либерально-демократическими странами (Великобританией, США и несколько позже Францией).

Во-первых, это была война не на жизнь, а на смерть между двумя непримиримыми тоталитарными режимами – большевистским и нацистским, в основу политической стратегии которых явно или неявно была заложена установка на глобальную экспансию и

Имидж государства в конфликте идеологий

мировое господство. Здесь необходимо сделать ту существенную оговорку, что для народов Советского Союза эта война являлась именно Великой Отечественной войной против неприкрытой нацистской агрессии.

Во-вторых, это была война западных демократий против фашистских и милитаристских режимов Германии, Италии и Японии, которые стремились к мировому господству. По множеству причин западные демократии в Советском Союзе нашли естественного союзника в борьбе с общим врагом. В идеологическом плане этот союз облегчался тем, что коммунистический интернационализм, проповедовавший равносущность пролетариев всех стран и народов, все же был ближе к либеральному интернационализму с его лозунгами свободы и прав всех людей, независимо от их национальной, социальной и культурной принадлежности, нежели идеологии нацизма с ее откровенным национал-шовинизмом и расизмом.

Во время холодной войны идеологический конфликт приобрел самодовлеющее значение. Сила, военная мощь оказались поставленными на службу распространения образа жизни, мировидения, собственной легитимности двух противоборствующих сверхдержав и военно-политических блоков. Холодная война представляла собой уже масштабную идеологическую войну, в которой вопрос о территориях затрагивался постольку, поскольку речь шла об уничтожении или установлении на территории того или иного государства соответствующего режима – социалистического или капиталистического. Иными словами, холодная война была своего рода противоборством на эффективность и выживаемость между противостоящими политическими и экономическими системами. Возможность идеологического или системного конфликта была заложена в самой парадигмальной инфраструктуре евро- (или западо-) центристской цивилизации. Он вытекал в частности из аугсбургского принципа *cujus regio, ejus religio*, т.е. принципа, согласно которому в стране господствует та вера, которой придерживается ее правитель. Из него можно было сделать вывод, что правитель или правящий режим вправе учредить в подчиненных ими странах ту вероисповедную систему, которая, по их мнению, соответствует букве и духу “истинного” учения. В XX веке место вероисповедания заняла идеология, которая приняла форму демократического национализма, национал-социализма и марксистского интернационализма.

Как отмечал К. Манхейм, признание сущностно (inherently) идеологического характера всей мысли, того факта, что “мысль всех партий во все эпохи носит идеологический характер”, способствовало разрушению “доверия человека к человеческой мысли вообще”. Идеологизация внешней политики и созданные на ее основе стереотипы, которые после второй мировой войны неизменно подкреплялись трудными, порой драматическими отношениями между Востоком и Западом, создавали переизбыток взаимной подозрительности, недоверия и даже враждебности, способствовали возведению “железного” или иных занавесов, стен психологического противостояния.

В период биполярного миропорядка сами понятия “Восток” и “Запад” приобрели идеологическое измерение и по сути дела, перестав быть чисто географическими, превратились в идеолого-политические образования. Именно идеологическое измерение служило одним из стержневых элементов, составляющих ось двухполюсного мира. Именно оно в значительной мере обеспечивало тот стратегический императив, который заставлял большинство стран сгруппироваться вокруг того или иного из двух полюсов. По этому признаку расположенная на Дальнем Востоке Япония стала частью Запада.

Идеологизированная внешняя политика, по крайней мере в теории, имплицитно предполагает изменение существующего баланса сил в пользу той или иной противоборствующей стороны, отказ от осторожного, реалистического и прагматического стиля дипломатии, основанной на равновесии сил между великими державами. Сущность и вместе с тем уникальность конфликта между двумя блоками состояла в том, что в концептуальном плане он помимо всего прочего представлял собой глобальное идеологическое, политическое и военное противостояние двух социально политических систем, он носил межсистемный характер и был пронизан мировоззренческим, идеологическим началом.

Вторая мировая война имела одной из своих целей кардинальное перераспределение мирового баланса сил между крупнейшими военно-политическими державами того времени. С этой точки зрения особенность холодной войны состояла в том, что в качестве реальных претендентов на участие в противоборстве за первые роли в новом миропорядке остались две сверхдержавы – США и СССР. Иначе говоря, понятие “холодной войны” подразумевало не просто напряженные отношения между двумя сторонами, не прос-

Имидж государства в конфликте идеологий

то соперничество, а чуть ли не священную войну, в которой одна из двух соперничающих систем должна одержать победу, а другая – исчезнуть.

Очевидно, что в условиях биполярного мира и холодной войны оборона от внешней угрозы составляла лишь одну из функций двух главных военно-политических блоков. Значительно важнее внутренние, “сдерживающие функции”. Для США после войны – это сдерживание в орбите своего влияния союзников, цементирование так называемого атлантического мира, укрепление связей Западной Европы с Северной Америкой. А для руководства СССР – контроль над соцлагерем, его ограждение от воздействия со стороны чужой системы. Не случайно, каждая из двух систем именно себя считала выразительницей и защитницей чаяний и интересов народов и, соответственно, обосновывала неизбежность своей победы и обреченности противной стороны. Разработав идеологическое обоснование своих позиций, США объявили себя защитницей свободного мира, а СССР – в свою очередь себя – оплотом мира, демократии и социализма. В результате, конфликт между двумя блоками приобрел широкомасштабное измерение, которое по-своему узаконивало разделение мира на два противоборствующих блока, двухполюсную структуру международных отношений в мировом масштабе. Глобальные устремления сверхдержав и характерная для них тенденция интерпретировать развитие событий во всех регионах земного шара в терминах противоборства привели к тому, что биполярность приобрела качество сущностной характеристики установившейся в послевоенные десятилетия международной системы.

В биполярном мире ситуация была довольно проста: каждая сторона более или менее точно знала откуда происходила угроза и какая угроза. Конфронтационность в отношениях друг с другом обеспечивала как СССР, так и США основу глобальной внешнеполитической стратегии. Как не без основания отмечал обозреватель газеты “Нью-Йорк таймс” Т.Фридман, Кремль служил “путеводной звездой внешней политики США. Политическим деятелям достаточно было посмотреть, куда отклоняется стрела компаса (выяснить, на чьей стороне Москва), и тут же определить, чью сторону следует занять США”. Аналогичной была ситуация и с СССР.

Такое положение вещей держало в постоянном напряжении весь мир, в котором два противоборствующих полюса разыг-

рывали своеобразную игру с нулевой суммой, в соответствии с которой весь мир по сути дела был разделен на сферы интересов. В этой игре войны и конфликты в любом регионе земного шара рассматривались как составная часть глобальной борьбы двух сторон друг против друга. В глазах обеих сторон каждая из этих войн (или конфликтов) имела значимость не только и не столько с точки зрения решения той или иной конкретной проблем, сколько с точки зрения выигрыша или проигрыша Востока или Запада. При этом, любой выигрыш одной из сторон в каком-либо регионе планеты или отдельно взятой стране рассматривался как проигрыш другой стороны. Подобный подход не приемлет взаимных уступок и компромиссов или существенно затрудняет их достижение.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что именно идеологическое измерение служило одним из интегральных компонентов, скреплявших ось двухполюсного мира. Именно оно в значительной мере обеспечивало тот стратегический императив, который заставлял большинство стран сгруппироваться вокруг того или иного из двух полюсов.

* * *

* * *

* * *

Кардинально иная ситуация сложилась с распадом Советского Союза и окончанием холодной войны. Казалось бы, с распадом двухполюсного миропорядка, основанного на системном идеологическом конфликте двух военно-политических блоков, такое понимание современного мира стало достоянием истории.

Развалилась идеолого-политическая ось двухполюсного мира, потеряло смысл само идеолого-политическое понятие “Запад”. Разрушение идеологических мифов, диктовавших международно-политическое поведение ведущих стран в течение большей части послевоенного периода означает эрозию и подрыв идеологической базы того противостояния, которое привело к расколу мира на два противоборствующих лагеря. Человечество вступило в эпоху неопределенности, безверия, разочарований и потери иллюзий. Старые боги оказались развенчаны и низвергнуты с пьедесталов, секулярные идейно-политические конструкции и утопии, равно как и великие религиозные учения прошлых эпох, какими мы их знали на протяжении всего XX столетия, во многом перестали выполнять роль мобилизующих идеалов.

Они либо исчерпали себя, либо потерпели банкротство,

либо существенно ослабли. Развенчание многих радикальных, социалистических и коммунистических утопий нашего времени стало свершившимся фактом. Но взамен них не разработаны и не предложены какие-либо масштабные положительные идеи, которые могли бы служить в качестве объединяющего и мобилизующего людей идеалов. Проблема состоит в том, что люди перестают верить как реформаторам, так и революционерам. Великие программы, великие табу и великие отказы более не воодушевляют и не вызывают страха. Они становятся недееспособны из-за полного безразличия к ним.

С крахом идеологического по своей сути советского государства развенчалась и коммунистическая утопия, или же, наоборот, с развенчанием утопии обрушилась и империя. Крах марксизма-ленинизма можно рассматривать как одно из важнейших событий конца XX века. Этот крах и связанное с ним признание неудачи советского эксперимента выбили почву из-под большинства социальных учений современного мира. Левизна и все без исключения левые идейно-политические течения оказались ввергнутыми в глубочайший кризис. В последние три-четыре десятилетия левые, особенно коммунисты, очутились перед альтернативой: либо, сохранив приверженность единственно верной истине, еще более ужесточить свои идеологические позиции и оказаться на обочине общественно-политической жизни, либо, согласившись с общепринятыми правилами игры, открыться в отношении остальных идеологических и политических течений и тем самым попытаться держаться на поверхности. Однако, как показывает исторический опыт, любой утопический проект, любая утопическая доктрина по сути дела подписывает себе смертный приговор, как только она переходит на принципы открытости и терпимости в отношении других идейно-политических течений.

Дискредитация ленинского мифа, несомненно, лишает всякой актуальности и перспективы миф о социалистической революции и обществе, основанном на принципах всеобщего социального равенства. Несомненно и то, что этот крах вовсе не есть свидетельство совершенства западного пути общественно-исторического развития и западной модели общественно-политического устройства. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в то время как весь незападный мир как будто принимает принципы рыночной экономики и политической демократии, на самом Западе усиливается интенсивность критики наследия Просвещения и

его детищ в лице индивидуализма, прогресса и политической демократии. К тому же Запад не раз давал козырные карты в руки вождей и идеологов обоих вариантов тоталитаризма и различных форм авторитаризма. Проблема состоит также в том, что в целом Запад еще не сумел выдвинуть сколько-нибудь убедительный альтернативный миф или идеологическую систему.

Все это как бы возвестило об окончательной смерти всякой идеологии. На идеологическом спектре как бы образовалась огромная черная дыра. Это дало повод некоторым псевдопророкам заявить о «конце истории», «конце идеологии» и наступлении новой эры прагматического либерализма. Появились разного рода идеи о конце идеологии, конце истории, пост-экономическом и даже пост-человеческом обществе и т.д. Под вопрос поставлена сама возможность или правомерность каких бы то ни было идеально-программных, политико-идеологических построений в качестве мобилизующих идеалов. При таком положении вещей возникает множество вопросов: способна ли демократия эффективно ответить на вызовы новых исторических реальностей? Может ли либерализм, консерватизм или какой-либо иной “изм” заполнить тот вакуум, который образовался после очевидной несостоятельности традиционных идеологических систем? Какие именно факторы и приоритеты определяют основные векторы развития человечества? и т.д.

При поисках ответов на эти и другие вопросы необходимо исходить из признания того, что идеологии отнюдь не станут достоянием истории, они сохраняют функции и роль фактора, оказывающего существенное влияние на характер и направления общественно-исторического развития. Каждое поколение, каждое сообщество людей по определению не может не творить собственную историю, не может не создавать собственную модель общественно-политической самоорганизации, свой образ жизни с присущим ему комплексом ценностей, установок, принципов и т.д. Другое дело, что в разных общественно-исторических условиях они принимают разные очертания. Идеологии, призванные служить в качестве связующих скрепов человеческих сообществ, не могут насовсем исчезнуть, что неизбежно появятся новые идеологические конструкции или мифы, которые заполнят образовавшийся вакуум.

Нынешняя ситуация в данной сфере характеризуется преобладанием импровизации и фрагментарности, отсутствием

сколько-нибудь цельных и последовательных теорий и идеологий. Мировые процессы приобретают настолько быстрые темпы, что сама реальность становится как бы эфемерной, постоянно ускользающей, неуловимой, теряется ясность очертаний социальных и политических феноменов, их границы становятся аморфными, зыбкими. Возрастает роль вероятностных, событийных начал, динамизма и неустойчивости, необратимости и индетерминизма. В результате усиливается чувство неопределенности, непредсказуемости и случайности мировых процессов. Люди оказываются неспособны эти изменения вовремя осознать и адекватно на них реагировать. Более того, многообразие возможностей, открываемых научно-техническим прогрессом, стирает четкую грань между практически возможным, вероятным и возможным. В определении реального статуса того или иного государства увеличивается значение полицентричности миропорядка, многофакторности и динамичности происходящих в нем процессов.

В то же время лишенные идеологических оснований в традиционном смысле слова глобального масштаба сдвиги порождены сочетанием множества социальных, экономических, культурных, технологических и иных факторов, различные комбинации которых способны вызывать непредсказуемые ситуации. Эти последствия накладываются на целый комплекс факторов, которые в совокупности способны усиливать конфликтный потенциал как внутри отдельных обществ, так и между различными народами, странами, культурами, конфессиями и т.д. Постиндустриальная революция, урбанизация, информатизация, рост грамотности породили специфическую культуру и массы люмпенов физического и умственного труда, оторванных от корней и земли, и способных поддерживать любой миф, обещающий все блага мира. В то же время динамика секуляризации породила тип человека, для которого главным мотивом деятельности, главным жизненным кредо стало удовлетворение собственных, прежде всего материальных, потребностей и желаний.

Это самовлюбленный человек, который, как удачно отметил С. Даннелс, является продуктом развития свободы, не корректируемой ответственностью. Он отрицает все, что ограничивает утверждение личности; восстает против институтов, процессов социализации, обязательств, т.е. против всего того, что составляет саму ткань любого общества; осуждает общество, считая его ответственным за все ошибки, пороки, духовную нищету и пр. Он

не признает ни дисциплину, ни авторитет отца, семьи и традиций, ни самоограничений. Для него идеальным является гедонистическое общество, где все поставлено на службу удовлетворения потребностей, на службу наслаждений. Именно это, возможно, имел в виду американский исследователь П. Бергер, когда говорил о “повсеместно распространившейся скуке мира без бога”. Нельзя не согласиться с теми авторами, которые называют эти феномены свидетельством прогрессирующего накопления старческих признаков.

Поскольку потребности постоянно воспроизводятся, люди не могут окончательно удовлетвориться своим положением. Поэтому не случайно, что приверженцы постмодернизма назвали современное западное общество “неудовлетворенным обществом” (*dissatisfied society*). Как писали представители этого течения А. Геллер и Ф. Фехер, это понятие призвано осветить специфику современного западного общества в контексте производства потребностей, восприятия потребностей, распространения потребностей и удовлетворения потребностей. Современные формы производства, восприятия и распространения потребностей усиливают неудовлетворенность, независимо от того удовлетворяется реально или нет та или иная конкретная потребность.

Ослабление, расшатывание инфраструктуры традиционной базовой культуры, имеют своим следствием измельчение, атомизацию, эфемерность ценностей, норм и принципов, определяющих моральные устои людей. В результате понятия родина, вера, семья, нация, теряют свой традиционный смысл. Это приводит, с одной стороны, к усилению терпимости и открытости в отношении чуждых культур и нравов, с другой стороны, ослаблению чувства приверженности собственным традициям, символам, мифам. Более того, в условиях неуклонной космополитизации и универсализации все более отчетливо прослеживается обострение чувства безродности, отсутствия корней, своего рода вселенского сиротства. Как отмечал М.Хайдеггер, “бездомность становится судьбой (современного) мира”.

Результатом всех этих процессов и тенденций становится феномен, суть которого состоит в том, что реальность как бы выходит за пределы возможностей исследователя «поймать», ощутить и изучить, сколько-нибудь объективно проанализировать ее, без чего невозможно принять решения, соответствующие этим изменениям. В результате, сегодня многие традиционные методы

анализа и теоретические подходы к мировым реальностям в значительной степени потеряли свои познавательные потенции.

Важно учесть и то, что наше время не благоприятно для полёта гуманитарной мысли. Компьютеризация гуманитарного знания оказывается путем, ведущим к его обеднению, упрощению, потере трагического мироощущения и насаждению квантитативного, сугубо бухгалтерского отношения к мировым реальностям. Не случайно восхождение и утверждение гегемонии компьютера совпали с прогрессирующим захирением гуманитарного мировидения. Именно благодаря компьютеру в сознании современного человека удивительным образом сочетаются вместе всезнание и неосведомленность, чувство всемогущества и вопиющей неуверенности. Всевозрастающий эзотеризм научных знаний ведет к тому, что каждый может ориентироваться только в собственной узкой сфере. Широкое распространение образования парадоксальным образом сочетается с фрагментацией, диверсификацией, расчленением знаний и потерей способности целостного, всеохватывающего мышления. Но это не значит потерю потребности людей в целостности, органичности восприятия мира.

Немаловажную роль в этом контексте играют средства массовой информации. Проникая во все сферы общественной жизни, они содействовали вульгаризации и заземлению культуры, доведению массовой культуры и различных сменявших друг друга вариаций авангардистского искусства – будь то в музыке, театре, кино, литературе и т.д. – до каждой семьи, до каждого человека. Тем самым они способствовали подрыву многих традиционных ценностей, ассоциируемых с буржуазной цивилизацией, таких как этика призвания, бережливость, трудолюбие и др. и выдвигению на передний план стяжательство, показное потребительство, гедонистический образ жизни, вседозволенность, подрывающих сами основы современной цивилизации.

Впервые в истории человечества электронные средства массовой информации, которые функционируют в соответствии с рыночными принципами конкурентоспособности и эффективности, определяют ценности и модели социальных ролей. Те культурные стереотипы, социально-психологические образы действительности, установки и т.д., которые создаются средствами массовой информации, становятся неким аналогом светской религии, «по существу заменяющей историческую традицию, национальные культуры, настоящие религии, семьи и друзей». Причем, они ли-

шены отличительных признаков левизны и правизны в традиционном смысле этих понятий, поскольку у них нет сколько-нибудь ясно сформулированной программы. Главное для них эффективность, рейтинг. Средства массовой информации «попросту доставляют все, за что кто-нибудь заплатит, – все, что дает наибольшую прибыль. Если правые радиокomentаторы имеют высокий рейтинг, они будут в эфире. Если же левые радиокomentаторы получают более высокий рейтинг, то правые будут удалены из эфира»⁹.

При таком положении вещей возникает множество вопросов: смогут ли люди, общества, сообщества выжить и действовать в долгосрочной перспективе? Где найти те идеи или идеалы, которые способны служить в качестве духовных скрепов новых инфраструктур? Не поисками ли ответов на эти и другие вопросы вызван всплеск новых религиозных движений, засвидетельствованный во всех индустриально развитых странах? И не противоречит ли этот всплеск процессу секуляризации современного общества? Не оказалась ли перспектива окончательного преодоления религии в процессе модернизации и связанной с ней секуляризации сознания ложной? И, действительно, на первый взгляд парадоксально выглядит сам феномен “возвращения священного” и “нового религиозного сознания” в секуляризованное общество. Но парадокс ли это? Не переоценили ли мы степень секуляризованности общества и ее необратимости? Не является ли “возвращение священного” обратной стороной секуляризации? и т.д.

Как выше указывалось, несмотря на все попытки демифологизации, развенчания сакрального, секуляризации, и в современных условиях мифы, большей частью секулярные, постоянно производятся и воспроизводятся. При распаде мифологии прогресса и эрозии влияния традиционных религиозных и идеологических систем место коллективных идеалов и мобилизующих мифов, образно говоря, недолго остаются вакантными. В данном контексте парадокс современного секуляризованного мира состоит в том, что, отвергая традиционные религии и идеологии в качестве руководящих систем ценностей, норм, ориентаций, ожиданий и т.д., он в то же время создает условия для формирования разного рода новых утопий, мифов, идеологий, которые функционально выполняют роль тех же традиционных религий и идеологий. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в современных условиях как идеологии национал-социализма и большевизма, правого и левого радикализма, так и более уважаемые конструкции консерва-

тизма и либерализма, возрождаются, мимикрируя и приспосабливаясь к новым реальностям.

Создается благоприятная почва для формирования и распространения, с одной стороны, всякого рода органицистских, традиционалистских, фундаменталистских, неототалитарных, неоавторитарных идей, идеалов, устоев, ориентаций, с другой стороны, универсалистских, космополитических, анархистских, либертариистских, антиорганицистских и т.д. идей, установок и т.д., не признающих целостности, дисциплины, ответственности и т.д. При таком положении вещей для многих дезориентированных масс людей национализм, различные формы фундаментализма могут оказаться подходящим, а то и последним прибежищем. Не случайным представляется всплеск так называемых “возрожденческих” движений в исламском и индуистском мире, национализма и партикуляризма почти во всех регионах земного шара.

Важно отметить, что фундаментализм с его ударением на идеи возврата к “истокам”, разделением мира на “наших” и “чужих” бывает не только исламским, как это нередко изображают, но также протестантским, православным, либеральным, большевистским и т.д. Все они представляют собой своего рода реакцию против тенденций нарастания сложности и секуляризации социального мира. В этом контексте следует рассматривать всякого рода традиционалистские движения. В условиях растущей интернационализации и космополитизации особое звучание приобретает мысль американского поэта Э. Паунда о том, что “традиция – это красота, которую мы оберегаем, а не оковы, которые нас удерживают”. Нельзя считать традицию принадлежащей всецело прошлому, ограниченной во времени и пространстве и не имеющей ничего общего с сегодняшним днем. Традиция, воплощая сам дух народа, призвана внести универсальный смысл в историческое бытие данного народа, в его место и роль в сообществе всех остальных народов.

При всем том представляется не совсем корректным рассматривать религиозный фундаментализм, национализм, расизм, нетерпимость во всех ее проявлениях только через призму истории, как некие реликты прошлого, несовместимые с настоящим, тем более с будущим. Зачастую, когда не совсем четко представляют себе природу проявления этих феноменов в современных реальностях, они изображаются в качестве неких возрождений или пробуждений давно преодоленных тем или иным сообществом

феноменов. Говорят, например, о возрождении религиозного фундаментализма, национализма, традиционализма и т.д. В результате они предстают в качестве неких фантомов, не имеющих почвы в современном мире.

Важно отметить также то, что фундаментализм с его ударением на идеи возврата к “истокам”, разделением мира на “наших” и “чужих” бывает не только исламским, как это нередко изображают, но также протестантским, православным, либеральным, большевистским и т.д. Все они представляют собой своего рода реакцию против тенденций нарастания сложности и секуляризации мира.

Однако при этом часто предается забвению тот факт, что каждая эпоха вырабатывает и исповедует собственные “измы”, например, собственные либерализм, консерватизм, радикализм и т.д., хотя часто и присовокупляют к нем префикс “нео”. В действительности же в большинстве случаев мы имеем дело с совершенно новыми явлениями, порожденными именно современными реальностями, хотя к ним и применяются названия, ярлыки и стереотипы, заимствованные из прошлого. Чтобы убедиться в этом достаточно сравнить между собой консерватизм конца XX века с его прототипом прошлого века, или классический либерализм XIX в с современным социальным либерализмом, которые во многих основополагающих аспектах радикально отличаются друг от друга.

Глава 2

Имидж государства как инструмент идеологической борьбы

Особенность современного этапа мирового развития состоит в том, что процесс изменений и сдвигов наряду со сферой экономики глубоко затронул политическую, социо-культурную и духовную сферы, идеи и образы мысли, экологию и т.д. Товары, капиталы, люди, знания, образы, оружие, так же как и преступность, культура, наркотики и т.д., стали легко пересекать государственно-территориальные границы. Наблюдается все более четко проявляющаяся тенденция к интенсификации трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей. Транснациональные сети, социальные движения и отношения проникли почти во все сферы человеческой деятельности. Существование глобальных систем торговли, финансов и производства связало воедино процветание и судьбу домохозяйств, коллективов и целых наций и народов по всему миру.

Более того, научно-технический прогресс второй половины XX в. имеет своим результатом качественную модификацию самих географических факторов функционирования и развития обществ. Наряду с территориальным и воздушным пространствами, обладающими четко осязаемыми физико-географическими характеристиками, можно говорить о мировом экономическом, культурно-цивилизационном, информационном, экологическом и др. пространствах. Глобальные средства массовой информации, особенно Интернет, существенно сокращают значение традиционных промежуточных институтов и субъектов во всех важнейших сферах жизни людей.

В этой связи интерес представляет тот факт, что имеют место процессы глобализации не только по горизонтали, но и по вертикали, интеграции и конвергенции. По горизонтали имеет место интеграция на каких-либо общих основаниях, например, рыночной экономики, свободной конкуренции, новейших информационных, телекоммуникационных и иных технологий и т.д. Конвергенция по вертикали предполагает единение на основе синтеза важнейших социо-культурных, этно-национальных, духовных и иных составляющих различных стран, народов, регионов. Здесь имеется в виду конвергенция экономики с политикой, политики с

экономикой, а их, в свою очередь, с социо-культурной и политико-культурной сферами. Происходит политизация экономики, экономизация политики, социализация политики и экономики, все они, в свою очередь, во все более растущей степени пронизываются экологическим и, что особенно важнее, информационно-культурно-идеологическим началом.

Таким образом, государственно-территориальные границы становятся все более прозрачными, или, как говорят, транспарентными, разворачиваются процессы взаимопроникновения культур, верований, укладов жизни и т.д. Размываются так называемые разломы цивилизаций, цивилизации переходят друг в друга, в результате чего на Западе становится много Востока и на Востоке – много Запада. Эти процессы в буквальном смысле способствуют расширению горизонта самых отсталых общин, коллективов, народов, позволяют отдельно взятому человеку или группе в самых отдаленных уголках земного шара как бы «преодолеть» географические барьеры, получить доступ к социальному или иному опыту других народов, который был для него просто недосыгаем в недавнем прошлом.

Тем самым они дают людям новые формы видения мира, новые стили жизни, стереотипы поведения и т.д. Проникая в самые сокровенные области жизни каждого человека, они способны аннигилировать расстояния, территориальные границы и физические преграды для осуществления экономической, культурной, экологической, политической или иной деятельности. Несомненно, это затрагивает местные, национальные и региональные образы жизни людей, углубляет эрозию национальной идентичности и приверженности местным, страновым, этническим, национальным началам. Результатом этих трансформаций является культурная и информационная глобализация, которая способствует тому, что французский социолог С. Московичи назвал «глобализацией масс». «Разрыв социальных связей, быстрота передачи информации, непрерывная миграция населения, ускоренный и раздражающий ритм городской жизни, – писал Московичи, – создают и разрушают человеческие сообщества¹⁰. Будучи разрозненными, они воссоздаются в форме непостоянных и разрастающихся толп. Связывая людей в громадные наднациональные сообщества с гигантскими ядрами огромных городов и рынками, они побуждают жить, потреблять и мыслить однотипным образом

На этом фоне стали популярными рассуждения о «мак-

дональдизации» или гомогенизации культур, которая происходит под флагом модернизации, вестернизации, европеизации, американизации и т.д. И действительно, на протяжении всего XX столетия наблюдалась тенденция к возрастанию роли культурного, информационно-идеологического компонента в мировой политике, прежде всего во внешнеполитической стратегии великих держав. Беспрецедентно возросло влияние культуры на общемировые социально-экономические процессы, на характер межгосударственных отношений, она стала одним из действенных инструментов внешней политики и эффективным средством борьбы за национальные интересы, дальнейшего распространения и утверждения во всех уголках земного шара политических институтов, ценностей, установок. Понятия «культурное доминирование», «культурная гегемония», «культурное господство» заняли соответствующее место в геополитическом лексиконе, усиливая идеологическую составляющую глобального информационного пространства. Культурная экспансия стала одним из ключевых атрибутов имперской власти, важнейшим инструментом рекламирования и распространения соответствующих ценностей, институтов, образа и философии жизни.

Еще А. Грамши разработал теорию культурной гегемонии, в которой была предпринята попытка обосновать тезис о том, что для победы в борьбе за политическую власть необходимо, прежде всего, завоевать гегемонию на культурном пространстве. Такая постановка вопроса приобрела особую значимость и актуальность в условиях информационно-телекоммуникационной революции, при которой на передний план выходит так называемое «гуманное» или «несмертельное оружие». На смену традиционным формам и методам массовой идеологической пропаганды приходят глубоко разработанные, многоуровневые и диверсифицированные PR-технологии, оказывающие глубокое влияние не только на рациональном, но и, прежде всего, на эмоционально-психологическом, подсознательном, иррациональном уровнях. Речь идет в частности об экономическом, информационном, идеологическом, психотронном и иных средствах защиты и продвижения национальных интересов, обеспечения национальной безопасности, завоевания престижа, влияния государства на международной арене. Информационно-идеологическое оружие базируется на новейших технологиях, способных манипулировать сознанием широчайших слоев населения, разрушать традиционные и создать новые фор-

мы, средства и механизмы идентификации личности, коллектива, нации.

Для отражения этого факта в военно-политической, научной и публицистической литературе появился термин «мягкая сила» (soft power), охватывающая весь комплекс ресурсов и преимуществ государства, не связанных с военной силой, называемой «жесткой силой» (hard power)¹¹. Если «жесткая сила» имеет своей целью наказать и запугать противника с помощью оружия, то «мягкая сила» призвана привлечь его на свою сторону или, во всяком случае, нейтрализовать его мирными, бескровными средствами. В основе «мягкой силы» лежат культура и ценности, идеи, символы, мифы и т.д. Стало очевидно, что в современных условиях важнейшие характеристики и приоритеты мировой политики не всегда формируются, определяются и трансформируются при помощи бомб и штыков, через военные триумфы и капитуляции. Кардинальные перемены порою заявляют о себе безо всяких видимых сенсаций. В этом плане soft power стала одной из ключевых составляющих мощи и возможностей государства.

Впрочем, «мягкая сила» в разных формах и сочетаниях отнюдь не является изобретением нашего времени. Пропаганда, обман, дипломатия, разного рода легенды, мифы, подложные документы вроде «Завещания Константина» и т.д. использовались властью имущими для завоевания и защиты своей власти с незапамятных времён. К слову, американцы завоёвывая Средний и Дальний Запад использовали не только винчестер и кольт, но не менее эффективно – также разного рода побрякушки и огненную воду.

В реалиях последних десятилетий преобладающую экономическую и военную мощь не всегда и не обязательно можно конвертировать в военно-политический контроль над тем или иным регионом или страной. Большие размеры не всегда и не обязательно гарантируют эффективность, успех или победу. Абсолютная мощь порой оборачивается большой неэффективностью и недееспособностью. Гигант на ногах из ядерного или сверхточного оружия оказывается не более дееспособным, нежели гигант на глиняных ногах. Об этом свидетельствует опыт США во Вьетнаме и Ираке, всего Запада и СССР в Афганистане и т.д.

В данной связи уместно напомнить, что СССР, казавшийся могущественной и несокрушимой империей, пал без единого выстрела. Он проиграл Западу холодную войну во многом именно в силу того, что в условиях развертывания информационно-теле-

Имидж государства в конфликте идеологий

коммуникационной революции в руках западных стран оказалось более мощное информационно-идеологическое оружие. Значительную роль в распаде советской системы и социалистического лагеря в целом сыграло постепенное размывание железного занавеса и проникновение западных идей, ценностей, установок, стилей жизни. Этот аспект принимал все более возрастающие масштабы по мере развертывания во второй половине 70-х годов информационно-телекоммуникационной революции, сделавшей неэффективными, несостоятельными и даже контрпродуктивными традиционные методы и средства пропаганды и контрпропаганды.

Ныне мировое информационное пространство превращается в поле битвы за влияние, власть, престиж, в арену глобальной войны идей, различных моделей общественного устройства и образ жизни, доктрин, имиджей и авторитетов за передел мировых рынков, за мировое лидерство, за Трон грядущей планетарной власти. Американская идея, европейская идея, азиатская идея; американская, континентально-европейская, скандинавская, японская, китайская модели капитализма – вот некоторые из существующих ныне взаимодействующих, взаимно дополняющих друг друга и одновременно соперничающих между собой векторов развития современно мира. Они оказывают все более возрастающее влияние как на перспективы развития человечества в целом, так и на судьбы отдельно взятого человека, его место и роль в общественно-исторических процессах, в частности.

В современном мире культурная экспансия превратилась в один из ключевых атрибутов имперской власти. Культуру, которая содержит в себе значительный идеологический заряд, эффективно можно использовать для рекламирования и продвижения ценностей, институтов, образа жизни. Вместе с культурной продукцией экспортируется не только развлечения, но и философия жизни. Этот факт приобретает особую значимость и актуальность на фоне глобальной информационно-культурной и информационно-идеологической экспансии Запада, осуществляемой по мировым телекоммуникационным сетям, через средства массовой информации для утверждения своего финансового и информационно-культурно-идеологического доминирования. Наибольшую активность в этом направлении проявляют США, которые, претендуя на статус непререкаемого лидера современного мира, стремятся установить свое господствующее положение на мировом информацион-

ном пространстве, да и не только. Как утверждал американский политолог Д. Роткопф, США должны одержать победу в битве за мировые информационные потоки, подобно тому, как некогда Великобритания завоевала господство над морями¹².

Существует мнение, согласно которому, ключевую роль в глобализации сыграла политика государств, входящих в «Большую восьмерку» и контролируемые ими международные институты – Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ) и Всемирная торговая организация (ВТО)¹³. Говорят о некоей «неолиберальной», «американской», «европейской» или иной глобализации. Однако, как представляется, глобализация – это объективный процесс, результат глубинных сдвигов в самой инфраструктуре основных направлений и тенденций социально-экономического, информационно-телекоммуникационного, экологического, демографического, социокультурного, политического, мировоззренческого и т.д. развития современного мира. Ее суть и неизбежность, в конечном счете, не зависят от воли, интересов, симпатий или антипатий носителей тех или иных идеологических, идейно-политических, мировоззренческих и иных ценностей, принципов, установок и т.д. Они могут лишь тормозить, ускорить, в той или иной степени изменить какие-нибудь ее аспекты и векторы развития, стремиться поставить ее на службу своих интересов и т.д., но они не способны отменить реальность этого феномена. Поэтому нет и не может быть какой бы то ни было «неолиберальной», «неоконсервативной», «марксистской», «американской», «европейской» или какой-либо иной глобализации. Можно говорить лишь о соответствующих этим понятиям трактовках глобализации.

В то же время нельзя отрицать тот факт, что от глобализации и информатизации важнейших сфер общественной жизни в значительно большей степени выигрывают наиболее развитые страны, перед которыми открываются широкие экономические, политические, культурные и иные возможности для расширения и укрепления своей мощи, статуса и влияния в мире. Для менее развитых стран наряду с новыми возможностями они порождают новые трудно разрешимые проблемы. К тому же великие индустриально развитые государства прилагают усилия к тому, чтобы направить основные векторы глобализации на обеспечение собственных интересов. К примеру, в американской печати приводилось следующее характерное высказывание одного высокопоставленного чиновника: «Если Америка хочет, чтобы функционировал

Имидж государства в конфликте идеологий

глобализм, она не должна стесняться вести себя на мировой арене в качестве всемогущей сверхдержавы, каковой она на самом деле и является. Невидимая рука рынка никогда не действует без невидимого кулака. Макдоналдс не может расцветать без Макдоналд-Дуглас, производителя F-15. И невидимый кулак, который поддерживает безопасность технологий Силиконовой долины, называется армия, флот, ВВС США»¹⁴.

* * *

* * *

* * *

Одним из важнейших инструментов реализации как мягкой силы в целом, так и названных идей и моделей является имидж государства.

В эпоху все более совершенствующихся информационно-телекоммуникационных технологий, когда неизмеримо возросло значение так называемой символической коммуникации, сам по себе объект имиджа может не иметь особого значения. Говоря о коммуникации, имеются в виду не только писаное и произносимое слово, но также знак, символ, сигнал, которые служат в качестве не столько зеркального отражения реальной действительности, сколько средств, с помощью которых люди пытаются понять и интерпретировать эту действительность. При этом зачастую значимость приобретают не столько реальные действия, будь то отдельно взятого человека, коллектива, организации, государства, сколько то, как они оцениваются и воспринимаются, в каком контексте они подаются и т.д. Особенно в политике значимость приобретает не только то, о чем говорится, но и то, что и как об этом говорится. Язык – одновременно средство и общения и контроля. С помощью простой замены или перестановки слов один и тот же факт можно изобразить совершенно по-разному. Например, можно сказать об Оресте, убившем свою мать за измену и убийство отца: «Орест – мститель за своего отца», но можно сказать и иначе: «Орест – убийца своей матери». Эта особенность языка создает возможность с его помощью не только информировать аудиторию, но и манипулировать ее сознанием, трактовать информацию в пользу заинтересованной стороны. Например, в зависимости от симпатий или антипатий говорящего можно сказать: «Буш – инициатор борьбы с международным терроризмом» или же, наоборот, «Буш – агрессор и виновник ничем не оправданной агрессии против суверенного Ирака».

Поэтому важно не только то, какова та или иная страна на самом деле, но и то, как ее изображают, и какое она производит впечатление в окружающем мире. Здесь широко используется тот факт, что в современном мире для множества людей реальный мир заменяется виртуальным миром, где определяющую роль играют разного рода образы, изображения, комментарии, комментарии на комментарии и т.д. Именно в этом контексте используется имидж государства, созданного на потребу политической стратегии для «продажи» внутри страны и за рубежом. Для внутреннего пользования имидж служит средством политической мобилизации, идейного, психологического единения и сплочения нации, укрепления или смены базовых социальных ценностей и т.д. Вне главное его предназначение состоит в обеспечении легитимности внешней политики государства в глазах как своих граждан, так и мирового сообщества. Особенно настойчиво имиджи используются для экспорта превратно понимаемой демократии и империализма прав человека.

Стремление в лучшем свете выглядеть в глазах окружающих – вполне естественно для людей. Сегодня существуют целые отрасли, работающие на удовлетворение желания людей выглядеть красиво и привлекательно – индустрия моды, парфюмерия, косметика, пластическая хирургия и прочее. Такое же желание присуще отдельно взятым группам, коллективам, фирме, корпорации, сообществам людей, народу, нации, государству и т.д. Поэтому, естественно, что на создание, тиражирование, «продажу» соответствующих имиджей, на имиджевую рекламу и т.д. прилагаются огромные усилия и расходуются все более ощутимые средства.

Имидж государства определяется множеством факторов, такими как основополагающие экономические, социальные, политические, этно-национальные, демографические, конфессиональные и иные характеристики, геополитический статус, политика на международной арене и многое другое. Вместе с тем, для имиджа первостепенное значение имеет информационно-технологический аспект, при котором речь идет о формах, средствах и путях его распространения. Здесь особо важное значение приобретает учет социо-культурных, политико-культурных и иных характеристик и особенностей страны или региона, на которые предположительно адресован имидж государства. Его внешние данные или, как принято говорить, его упаковка и «товарные характеристики» строят-

ся на причудливом сочетании реальных характеристик, спонтанно возникающих и/или целенаправленно создаваемых мифах, символах, стереотипах о различных сторонах внутренней и внешнеполитической жизни и деятельности государства и имеет своей целью формирование у мировой общественности положительного или, наоборот, негативного представления о данном государстве. Отдельные составляющие имиджа могут формироваться на основе случайных впечатлений приезжающих, из рассказов друзей, из прочитанного в средствах массовой информации и художественной литературе, увиденного по телевидению и т.д. Но часто они создаются и тиражируются целенаправленными усилиями самого государства, для чего используется комплекс средств, каналов и механизмов информационно-идеологического обеспечения внешнеполитического курса соответствующего государства.

Можно выделить ряд обобщенных характеристик международного имиджа государства. Это, во-первых, простота и схематичность, которые достигаются путем отсечения ненужных с точки зрения его создателей граней и признаков, в то же время выпячивания тех характеристик, которые способны или, во всяком случае, призваны оттенить специфичность и уникальность. Во-вторых, насыщенность информацией, несущей большую эмоциональную нагрузку посредством ограниченного набора символов. В-третьих, динамичность, предполагающая способность быстро и оперативно переваривать и подавать в соответствии с предназначением имиджа постоянно изменяющиеся внутренние и внешние реалии. В-четвертых, закамуфлированная идеализация, предусматривающая подачу с помощью определенного комплекса качеств, выдаваемых в выгодном обрамлении, но не противоречащим установкам и меняющимся психологическим ожиданиям целевой аудитории. Немаловажное значение для успешного маркетинга имиджа имеет его информационно-технологическая составляющая. Речь идет о формах, средствах и путях его «продажи» или распространения, где ключевую роль играют рекламные и PR-технологии. Необходим также учет социо-культурных, политико-культурных и иных характеристик и особенностей страны или региона, на которые предположительно адресованы соответствующие имиджи.

Неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются национально-го-

сударственные символы и идеалы. Они выступают своеобразными связующими элементами политической культуры. Символ представляет собой концентрированное зримое выражение основной идеи явления или понятия, основанное на его структурном сходстве с этими последними. В качестве государственных символов выступают эмблемы, гербы, флаги и другие атрибуты, воплощающие прежде всего идею национально-государственного единства и величия. Они являются специфическими средствами общения между людьми, помогающими им узнать их принадлежность к конкретной социальной общности, усвоить пронизывающий эту общность идеал. Они – современные тотемы – знаки, с помощью которых народы отличают себя друг от друга или подтверждают границы своей “идентичности”. Но, тем не менее, сами по себе символы, не связанные с реальной действительностью, с центральной идеей, господствующей в общественном сознании, не могут правильно объяснить подлинные механизмы и мотивы, которые определяют и регулируют поведение отдельных индивидов и социально-политических группировок.

Имиджу присущ значительный элемент мифологического. Любой миф, любой имидж рано или поздно теряет свою привлекательность, если он постоянно не подтверждается фактами. Причем, эти факты не обязательно могут быть реальными. Необходимы специально инициируемые имиджевые акции, в том числе и со стороны государства, широко освещаемые в нужном свете всеми вовлеченными информационными службами.

Естественно, имидж нужен государству не просто для того, чтобы произвести на остальной мир хорошее впечатление. Благоприятный имидж страны как в глазах ее собственных граждан, так и международной общественности представляет собой важнейший капитал, способствующий укреплению геополитического статуса государства на мировой арене, обеспечению его безопасности от внешних и внутренних угроз, защите и продвижению национальных интересов. На основе имиджа складываются репутация, представление о соответствующем государстве, оценка его внутренней и внешней политики. Позитивный или негативный международный имидж государства играет большую информационно-воспитательную роль для граждан страны, в первую очередь, для подрастающего поколения.

От имиджа государства в значительной степени зависят эффективность и успех его внешнеполитического курса. Поэтому

Имидж государства в конфликте идеологий

совершенствование имиджевых и репутационных характеристик государства занимает немаловажное место в его внешне-политической стратегии. Можно говорить о специальной имиджевой политике, рассматриваемой в качестве важного инструмента достижения политических и экономических целей государства на международной арене. В этом плане имидж приобретает значимость одного из важнейших ресурсов мягкой силы государства, призванной продвигать национальные интересы. Получили распространение понятия «имидж государства», «маркетинг имиджа», «раскрутка имиджа», «национальный брэнд» и др., призванные представлять государство на международной арене как некоего информационно-имиджевого продукта.

* * *

* * *

* * *

Чтобы убедиться в этом, достаточно отметить, что США вкладывают огромные силы и средства в создание и распространение своего позитивного имиджа за рубежом. В этих целях широко используются сложившиеся в национальном сознании США на протяжении всей их истории идеи об американской исключительности, предопределения судьбы (*manifest destiny*), Америки как «Града на холме» в пример всем другим народам мира и т.д.

С самого начала формирования американского национального самосознания, казалось, что сама природа и мировоззрение эпохи предназначили английские колонии в Северной Америке для “великого эксперимента”. Подобно ранним утопиям в воображении европейцев XVII-XVIII вв. Америка представлялась сказочным островом, отделенным от остального мира недоступными морями и океанами. Пуритане и другие ранние поселенцы как бы надеялись найти здесь “землю обетованную” для практического осуществления истинного закона Божия, для повторения истории Ветхого завета. Пуританские историки и духовные вожди представляли дело таким образом, будто первые поселенцы пересекли океан, боролись против индейцев, осваивали дикую природу и т.д., преследуя цель претворить в жизнь принципы, предписанные колонистам самим Проведением. Они проводили прямую аналогию между своим собственным переселением в Северную Америку и легендарным переселением избранного народа из “падшего Египта” и изображали Америку как “землю обетованную”, якобы специально избранную самим богом для воссоздания “нового Сиона”.

“Града на Холме” в пример всем другим народам мира. “Никогда на земле, – утверждал, например, Т. Принс, – не было народа, который по своей истории так напоминал бы древних израильтян, как народ Новой Англии”¹⁵. От успеха этого предприятия, утверждали колонисты, зависело ни больше ни меньше как выполнение самой божественной воли. Взоры всего мира, говорил один из руководителей пуритан Дж. Уинтроп, будут обращены на них. Их примеру последует весь христианский мир.

С завоеванием независимости вера в особую судьбу и миссию Америки стала важнейшим компонентом формирующегося американского национализма и национального самосознания. В народной мифологии война за независимость оценивалась не иначе как кульминационный пункт библейского “исхода”. Новая республика рассматривалась как эксперимент, призванный создать новые институты для коренной перестройки и переделки мировой истории. Обосновывая тезис о том, что Америка занимает исключительное место в мировой истории, автор Декларации независимости США и третий президент Т. Джефферсон в 1785 г. предлагал изобразить на государственной печати США сынов Израиля, идущих вслед за лучом солнца.

В середине XIX в. попытка обосновать идею об особой миссии и избранности Америки, была предпринята в так называемой доктрине “предопределения судьбы” или “явного предназначения” (*manifest destiny*). В определенном смысле эта доктрина была интегральной частью американской разновидности национализма, который в тот период и в Европе стремительно набирал силу. В ней были синтезированы специфические американские религиозные, социо-культурные, политико-культурные, социально-психологические, экономические и иные идеи и концепции, а также библейские легенды и мифы о новом земном рае, под которым, разумеется, подразумевалась Америка. Главный смысл этой идеи состоял в обещании свободы, демократии, материального достатка и прочее. не только самим американцам, но и представителям других народов в самых отдаленных уголках земного шара, если только они согласны принять американские ценности. Эту установку четко и ясно сформулировал талантливый американский писатель того периода Герман Мелвилл, который писал: «Мы, американцы особые, избранные люди, мы — Израиль нашего времени; мы несем ковчег свобод миру... Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы свершим нечто великое; и это великое мы ощущаем в своих ду-

шах. Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас... Мы достаточно долго скептически относились к себе и сомневались, действительно ли пришел политический мессия. Но он пришел в нас»¹⁶.

В дальнейшем сама мысль о том, что Америка рано или поздно может разделить судьбу прежних великих держав и стать равной среди других наций, для нее была неприемлема. В учебниках по географии середины XIX в. с пренебрежением говорилось о “ленивых и никчемных” народах Востока, о “неполноценных” латиноамериканцах и народах Европы, неспособных сбросить бремя своего прошлого и следовать американскому примеру.

Для развития и обоснования этих устремлений широко применялись лозунги, заимствованные из миссионерской мифологии. В частности, многие говорили о необходимости усиления американской мощи на том основании, будто она служит делу расширения границ “свободного рынка” и, стало быть, самой свободы. Как справедливо отмечал известный американский историк так называемой ревизионистской школы У. Уильямс, идея американской экспансии как средства распространения принципов свободы и демократии не только объединяла “экономические и философские силы, создавшие империю, но также породила психологический настрой, который сами участники движения быстро окрестили как “явное предназначение” Америки вести и реформировать мир”¹⁷. Это в конечном итоге подготовило почву для превращения концепции “града на холме” первых поселенцев-пуритан XVII в. в концепцию особой миссии Америки стать мировым лидером. Само за себя говорило, например, название книги “Новый Рим, или Соединенные Штаты мира”, опубликованной в 1853 г. некими Т. Пеше и Ч. Генном. Они утверждали, что в ближайшем будущем США станут центром, вокруг которого все нации объединятся в единый народ

Разумеется, подобные доводы являлись крайним выражением американской национальной идеологии. Но фактом является то, что в тех или иных формах они оказывали влияние как на внешне-политическую стратегию, так и внешнеполитическую мысль США. В новейшее время универсалистские, миссионерские, а также экспансионистские, гегемонистские компоненты доктрины американо-американской миссии отчетливо прослеживаются как в убежденности американцев в превосходстве общественно-политических институтов и морально-этических ценностей США, в совершенс-

тве амери-канской системы и непогрешимости американской внешней политики, в многочисленных общественно-исторических концепциях, изображающих США в качестве образца для всех других народов, так и в программных документах и конкретных политических действиях, правящих кругов страны. Попытки научного обоснования этих установок были предприняты профессором Колумбийского университета, президентом США В. Вильсоном в начале XX века. Он в частности считал долгом Америки сеять семена свободы, демократии и справедливости (разумеется, в американском их понимании) по всему миру.

Наиболее концентрированное выражение подобные установки нашли в лозунге “американского века”, сформулированном в 1943 г. газетным магнатом Г. Льюсом. В статье под тем же названием он утверждал, что “XX в. должен стать в значительной степени американским веком”. Преследуя свои частные интересы и интересы всего человечества, утверждал Льюис, легионы американских капиталистов, учителей, врачей, агрономов, и инженеров, поддерживаемых американской мощью, должны взять на себя бремя белого человека, неся с собой повсюду “стабильность” и “прогресс” американского образца”¹⁸. Звучали призывы о том, что принципы Нового курса Ф. Рузвельта должны быть перенесены на весь остальной мир, предлагалось превратить Новый курс, предназначенный для реформирования Америки в Новый курс для всего мира. После второй мировой войны, из которой США вышли в статусе самой могущественной державы капиталистического мира, правящие круги этой страны по сути дела претендовали на то, чтобы претворить в жизнь лозунг “американского века”, перестроить мир по американскому образцу.

Оправдывая имперско-гегемонистские устремления уже в декабре 1945 г. в своем выступлении в Белом доме тогдашний президент США Г. Трумэн заявил: “Хотим мы этого или нет, но мы должны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром”. Характерно, что “доктрина Трумэна” рассматривалась многими как “всемирный эквивалент Доктрины Монро”. Определяя задачи американской внешней политики, Д.Эйзенхауэр в таком же духе говорил: “Постоянной базой руководства миром ради достижения человеческих устремлений – мира и справедливости в условиях свободы должны быть Соединенные Штаты”¹⁹. «История и наши собственные достижения, – провозгласил пре-

зидент Л. Джонсон в 1965 году, – возложили прежде всего на нас ответственность за защиту свободы на Земле»²⁰. А вице-президент при администрации демократа Л. Джонсона Г. Хэмфри патетически заявлял: “В завтрашней Америке я вижу истинную столицу мира”.

Идея “американской исключительности” и особой миссии Америки в мировой истории и сопутствующий ей постулат о советской угрозе в качестве важнейших компонентов идеологического обоснования внешнеполитического курса в той или иной степени и масштабах использовался всеми администрациями США. В частности они нашли отражение в важнейших внешнеполитических доктринах и программах Вашингтона – от “доктрины Трумэна” и “Плана Маршалла” до “доктрины массивированного возмездия” и “отбрасывания коммунизма”, “реальной политики” Никсона-Киссинджера и риторики Дж. Картера относительно “защиты прав человека”.

Но в силу целого комплекса причин использование этих установок приобрело беспрецедентные масштабы в первый срок пребывания у власти Р. Рейгана. Показательно, что Рейган с самого начал претендовал на некое “моральное перевооружение мира”, утверждая, что Америке предназначено руководить миром и даже спасти “больное человечество” от грозящих ему опасностей. «Я всегда считал, – говорил он в 1982 г. – что эта благословенная земля была необыкновенным образом отделена от других, что божий промысел поместил этот великий континент между океанами для того, чтобы его обнаружили люди со всех концов Земли, наделенные особой любовью к вере и свободе»²¹.

Оценивая эти доводы относительно лидирующей роли США, необходимо учесть следующее обстоятельство. Весь исторический опыт США свидетельствует о сложности, двойственности и противоречивости американского национального характера и сознания, нашедших свое наиболее адекватное выражение в феномене американизма, составляющего основу, субстрат американского национального сознания. Здесь мы находим в тесном переплетении и взаимопроникновении такие, казалось бы, взаимоисключающие друг друга элементы как экспериментализм, реализм, прагматизм, ориентация на посюсторонний мир, даже заземленность, приверженность истории и т.д., и в то же время религиозный энтузиазм, морализм, мессианство, стремление «преодолеть» историю. Причем, при всех претензиях на мессианизм и богоиз-

бранность у американцев здравый смысл и реализм в конечном счете одерживали верх.

Американская идея формировалась и реализовывалась в специфических условиях евро-центристского (или, точнее, евро-американо-центристского) мира. Америка с самого начала была одновременно и результатом, и инструментом, и мощным стимулятором расширения и утверждения западной рационалистической цивилизации. Более того, как бы встав на её острие, она вобрала в себя и довела до логического завершения важнейшие системообразующие компоненты, ценности, нормы и мировоззренческие установки этой цивилизации. Не случайно, для многих поколений людей во всех уголках земного шара Америка служила в качестве притягательного маяка, указывающего путь к освобождению от материальных тягот и политической несвободы. Быстрые успехи в освоении громадного североамериканского континента, стремительное развитие передовой индустрии и сельского хозяйства, невиданное в истории повышение материального благосостояния большинства населения, быстрое достижение статуса мировой державы усиливали убеждение в особой судьбе Америки, отличной от судеб других стран и народов.

В течение определенного времени Америка более или менее успешно выполняла эту миссию. Однако, как и всякая идея в форме то ли идеала, то ли миссии, американская идея также имеет свои периоды восхождения и апогея (или звездного часа), после прохождения которых она не может не клониться к закату. Таким звездным часом для нее стал период холодной войны. В биполярном мире США приобрели значимость своего рода фирменного знака качества западного мира. Более того, в условиях не прекращавшейся военно-политической конфронтации, не раз достигавшей грани перехода в горячую войну, знаменитая статуя свободы в нью-йоркской гавани служила как бы символом свободного мира. Чем плотнее сгушались тучи холодной войны на небосклоне двухполюсного мира, тем ярче становилось сияние этого символа для множества людей во всех уголках земного шара.

Казалось бы, с распадом СССР и так называемого социалистического лагеря наступил звездный час американского века. Получило широкую популярность (не только в США, но и среди части пишущей братии на всех континентах, в том числе и в России) убеждение в окончательном утверждении во всемирном масштабе *Rex Americana*. Разумеется, для претензий на мировое

лидерство у американцев есть, на первый взгляд, веские и достаточные основания экономического, военно-политического, геополитического, идеологического, психологического характера. Былой главный противник потерпел крах и пребывает на пепелище истории. Америка же осталась самой мощной экономической и военно-политической державой мира, способной диктовать свою волю всем без исключения государствам, регионам, народам.

Справедливости ради следует напомнить, что еще до окончания двухполюсного миропорядка часть американского интеллектуального и политического истеблишмента стала сознавать, что в современном мире США уже не способны – да им это и не нужно – играть роль единственной сверхдержавы, призванной единолично определять основные направления развития современного мира. Об этом свидетельствует, в частности, появление в последние два-три десятилетия целой серии работ, в которых в разных формах и аспектах обосновывался тезис о восхождении и неизбежности упадка великих империй, в том числе и Соединенных Штатов Америки, которые многими авторами рассматриваются именно как империя. Немалый интерес представляют работы Р. Мида, Д. Каллео, П.Кеннеди, П. Бьюкенена и др., в которых в той или иной форме обосновывается тезис о том, что Америка, достигнув апогея своего восхождения в период холодной войны, примерно к 80-м годам прошлого столетия начала движение по наклонной, ведущей в конечном счете к упадку. Разумеется, это дискуссионный вопрос, требующий самостоятельного исследования, но здесь отметим реальность тенденции к постепенному сокращению относительного веса и влияния США в современном мире в пользу других стран и регионов, прежде всего Западной Европы, Японии, Китая и Восточной Азии в целом.

Нельзя сказать, что эти реальности не осознаются во властных структурах страны. «Мы, американцы, – говорил, например, бывший Государственный секретарь США Л. Иглбергер, – должны понять, что не можем продолжать стоять у руля мировых событий, как это делали до недавнего времени». Ему вторил другой бывший Государственный секретарь Г. Киссинджер, по мнению которого «крушение советского коммунизма знаменовало интеллектуальную победу американских идеалов, но, по иронии судьбы, поставило Америку лицом к лицу с таким миром, появления которого она на протяжении всей своей истории стремилась избежать»²². Здесь маститый автор и искушенный в международных делах го-

сударственный и политический деятель прежде всего имел в виду новый всплеск национализма, который интенсифицировал противоречия и конфликты на международной арене. Это, по мнению Киссинджера, ставит под сомнение реализацию американского идеала мирового порядка, в частности вильсоновскую идею коллективной безопасности, обеспечиваемой, разумеется, по руководством Соединенных Штатов. С этой точки зрения можно согласиться с Киссинджером в том, что, хотя Америка останется великой и могущественной державой, но державой, с которой уже будет кому конкурировать.

Однако другая, значительно большая, часть американской интеллектуальной и политической элиты из создавшейся после распада СССР ситуации не преминула сделать вывод о наступлении однополярного мирового порядка, где на вершине мировой власти в гордом одиночестве пребывает одна единственная сверхдержава в лице США. Так, бывший президент США республиканец Дж. Буш-ст по мере распада СССР не переставал повторять, что «и сегодня в быстро меняющемся мире лидерство Америки незаменимо». Стоя на пороге нового столетия, утверждал бывший государственный секретарь США при президенте-демократе Б. Клинтоне У. Кристофер, дальновидная приверженность принципу американского лидерства и вовлеченности в мировые дела должна служить руководством внешней политики США. «Если мы не будем руководить, то никто не будет», – утверждал он. Еще более определенно эту мысль выразил бывший лидер республиканского большинства в сенате Р. Доул, который, в частности, сказал, что никогда раньше «Америка не была в таком одиночестве на вершине глобального лидерства».

* * *

* * *

* * *

В этом направлении значительное место отводится идеолого-информационно-культурной экспансии, где ключевую роль призван играть позитивный имидж Америки. О значимости этого фактора во внешнеполитической стратегии Вашингтона свидетельствует существование широкого комплекса учреждений и организаций, ответственных за реализацию внешней культурной политики. Среди них ключевое место занимает Бюро по делам образования и культуры (Bureau of Educational and Cultural Affairs) в структуре Госдепартамента, которое инициирует и способствует

осуществлению множества программ, таких как Фулбрайтская программа, предоставляющая гранты аспирантам, исследователям, преподавателям и руководителям; программы для России, стран СНГ, восточноевропейских и балканских государств, которые предусматривают предоставление стипендий; программы по изучению США, призванные улучшить знания о Соединенных Штатах зарубежных студентов посредством организации летних семинаров, форумов и т.д.; образовательные партнерские программы, нацеленные на поддержание контактов между американскими и зарубежными учреждениями в сфере среднего и высшего образования и многие другие. Для интенсификации и совершенствования деятельности в этом направлении специальным законом 1998 г. осуществлена реорганизация знаменитой ЮСИА, которая переведена в состав Государственного департамента. Немаловажную роль в этом направлении выполняет Голливуд, по сути дела превратившийся в один из важнейших институтов формирования и экспорта имиджа США и американского образа жизни.

О той роли, которую руководство США придает «мягкой силе», свидетельствует открытое письмо 163 сенаторов и конгрессменов, направленного в связи с подготовкой бюджетного запроса на 2008 финансовый год, который начался 1 октября 2007 года, президенту США Дж. Бушу. Американские законодатели предложили значительно повысить расходы на внешнеполитическую пропаганду, «продвижение демократии» и другие виды внешнеполитической деятельности. Как отмечалось в письме законодателей, «многие из этих программ, включая гуманитарное и экономическое содействие, публичную дипломатию, международное вещание и программы поддержки экспорта, являются основными инструментами, при помощи которых американские дипломаты, бизнес и неправительственные организации продвигают фундаментальные американские ценности – свободу, демократию и свободные рынки».²³ По данным Конгресса, бюджет 2007 г. на эти цели составил 35 млрд. долл. При этом сравнительно небольшую часть названной суммы составляют собственно расходы на содержание 30 тыс. сотрудников Госдепа и 250 дипломатических миссий в 180 странах мира. Основная же часть средств предназначалась на разработку и продвижение благоприятного имиджа США за рубежом, содействие демократии, проведение в жизнь программ помощи. За счет федерального бюджета содержится пропагандистский аппарат – от «Голоса Америки» до «Радио и ТВ Марти», а также многочислен-

ные центры информационных ресурсов за границей. Продвижение демократии – это помощь некоммерческим организациям, образовательные, культурные обмены, работа с иностранными СМИ.²⁴

В качестве одного из средств повышения эффективности использования мягкой силы администрация президента Дж. Буша-младшего приступила к реализации амбициозного проекта: добиться прорыва в изучении иностранных языков в школах и университетах страны. Программа нацелена главным образом на стимулирование интереса к таким языкам, как китайский, арабский, хинди, в том числе русский. По имеющимся данным, для достижения поставленной цели правительство США выделило на изучение названных языков из бюджета 2007 финансового года 114 млн. долл. Это свидетельствует о растущем осознании необходимости умения вести диалог в многоликом и разноцветном мире на понятном каждому конкретному народу языке.

Трудно оспорить тот факт, что влияние западной, прежде всего, американской культуры прослеживается во всех уголках земного шара. Так, по имеющимся данным, более половины показываемых по европейскому телевидению фильмов сделаны в США, а американские медиа-корпорации владеют примерно 60% каналов распространения видео продукции в Европе. В португальскоязычной Бразилии по-английски звучат три четверти транслируемых по радио музыкальных произведений. Даже в Японии на английском языке исполняются до 50% передаваемых по радио песен²⁵. В итоге для многих людей во всех уголках земного шара Америка превратилась в буквальном смысле в объект вожделения, в своеобразный мираж, мечту, а американский образ жизни – в пример для подражания.

Несомненное преимущество американской культуры с точки зрения возможностей распространения и популяризации состоит в том, что английский язык стал языком международных научных связей, коммерции, авиации, Интернета, по сути дела языком межнационального общения. С его помощью осуществляется мощная экспансия американской культурной продукции – кинофильмов, теле- и радио-программ, поп-музыки, шоу-бизнеса и т.д. – во все уголки земного шара. “Мак-Дональдс”, «Кока-кола», «Пепси», “Пицца Хат”, рок, рэп, фильмы, сникерсы, блю-джинсы и многое другое, ставшие по сути дела мировыми брэндами, используются для экспорта американского образа жизни. Голливуд – одно из важнейших средств формирования имиджа этого госу-

дарства на мировой арене. «Во благо ли, во зло ли, – писал Э. Тоффлер, – но несметное множество людей по всему земному шару жаждет приобщиться к Западу, а особенно к его американскому варианту — образу жизни, социальным установкам, модам, идеям и новшествам. Выказывалось предположение, что всемирная притягательность американской массовой культуры исходит из ее многонациональных истоков, питаемых еврейским обаянием Вуди Аллена, негритянской уморительностью Билла Косби, своеобразностью итальянских характеров вроде Коломбо или кинорежиссера Мартина Скорсезе, японским самообладанием «Пэта» Мориты в «Каратисте», кубинским темпераментом Десы Арнас и воплощением истинного американца Клинтон Иствудом»²⁶.

Все это дает основание согласиться с мнением об американском доминировании в мировом культурном пространстве и «культурном империализме» США. Необходимо отметить, что они довольно эффективно используют свой имидж для экспорта превратно понимаемой демократии и инструмента империализма прав человека. Здесь культура и искусство стали важнейшим инструментом политики. В этом контексте, например, «300 спартанцев», «Рэмбо» и другие широкомасштабные блокбастеры можно рассматривать как продукты, созданные по лекалам вывернутого наизнанку социалистического реализма и поставленные на службу внешнеполитической стратегии США. Их успеху способствует тот факт, что в них символический мир киберпространства органически сливается с миром реальным. Более того, для мирового общественного мнения виртуальная картина оказывается более реальной, чем действительная реальность. Ведь нельзя отрицать, что рэмбоизация национального самосознания Америки была достигнута именно благодаря замене позорных поражений на реальных полях сражений, например, в Юго-Восточной Азии грандиозными псевдо-победами виртуальных героев—одиночек на кино- и телеэкранах над «плохими парнями» не только в пределах земной ойкумены, но и на бесконечных просторах вселенной.

Разумеется, фильм «300 спартанцев» – это, прежде всего, очередной блокбастер Голливуда, главная цель которого заработать большие деньги. Но в то же время нельзя не согласиться с членом Палаты лордов британского парламента, профессором Уорвикского университета Р. Скидельским, который, обосновывая мысль о знаковом предназначении фильма как некоего послания, писал: «Царь Леонид готов противостоять армиям всей Азии, которые при-

шли уничтожить “надежду всего мира на разум и справедливость”. Посланник с поля битвы, обращаясь к сенаторам Спарты, говорит, что три сотни умрут, чтобы спасти мир от “холодного, мрачного и безысходного будущего”. Но и сейчас Западу угрожают темные силы родом из той же части мира, и сейчас, как и тогда, есть героические лидеры, готовые встать на защиту свободы. Не так ли?»²⁷. Здесь курьезность ситуации состоит в том, что в качестве оплота «разума и справедливости» выбрана Спарта, которая была построена на муштре и рабстве, и государственному устройству которой в чем-то не были чужды черты и атрибуты гитлеровского режима.

* * * * * * * * *

Согласно закону противоречия и по аналогии с противопоставлением «мы-они», «свои-чужие», «друг-враг», имидж обязательно должен быть подкреплён контр-имиджем противника, поскольку образ внешнего врага служит мощным стимулятором достижения его консолидации и эффективности. Суть и предназначение имиджа, как и любой идеологической конструкции, частью которой он является, проявляются с помощью образа или образов врагов. Как и любая такая конструкция, он, естественно, содержит в себе представление об антиподе. В данной связи уместно напомнить, что в течение почти полувека антисоветизм и антикоммунизм служили в качестве осевых установок не только во внешнеполитической стратегии Вашингтона, но и в сфере внутривнутриполитической борьбы. Антикоммунизм и антисоветизм играли роль стимулирующего, мобилизующего фактора консолидации как американской нации, так и западного мира вокруг США.

Любое государство, использующее имидж в качестве идеологического средства укрепления своих позиций на геополитической арене, в том числе и в сфере культуры, неизбежно склонно предпринимать все возможные усилия для противодействия попыткам конкурентов или партнеров формировать собственные позитивные образы. Очевидно, что предъявляемые Вашингтоном претензии на роль единственного центра принятия решений по всем сколько-нибудь важным вопросам мировой политики, единоличного вершителя судьбами всего мира, мирового полицейского и т.д. невозможно обосновать и, как говорится, успешно «продать» остальному миру без наличия общего врага, якобы представляющего угрозу безопасности всего мира.

И действительно, если Америка перестанет быть защитницей свободы и демократии против всевозможных врагов, то, что будет с идеей американской миссии и особой роли США в мировой истории? Если признать, что Россия или какое-либо иное государство может быть таким же «хорошим» как и США, то, естественно, отпадает необходимость в единственно правильном моральном компасе для всего остального мира. Поэтому, в условиях, создавшихся после исчезновения с геополитической авансцены главных врагов в лице СССР и коммунизма, руководители США ищут новых достойных их врагов по всему земному шару. Другой вопрос, какому именно государству или группе стран или каким социально-политическим силам эта роль будет отведена.

11 сентября 2001 года Америка получила разом цель, смысл и мечту и, наконец, так необходимого ей врага, способного объединить нацию. Президент США Дж. Буш-мл назвал американскому конгрессу и народу имена врагов. Это У. бин Ладен, талибы и международный терроризм. Поскольку и бин Ладен и талибы ассоциируются с международным терроризмом, борьба именно с этим последним объявлена главным приоритетом американской внешнеполитической стратегии, а за ним внимание сфокусировано на так называемых странах «оси зла» или «странах изгоев», в число которых включены Ирак (во всяком случае до американо-английской агрессии в эту страну), Иран и Северная Корея, а также Сирия (Ливия в самое последнее время выпала из этой колоды, возможно, вскоре к ней присоединится Северная Корея), которых США обвиняют в поддержке международного терроризма и попытках создать оружие массового уничтожения. Правда, в зависимости от конкретной ситуации на международной арене к этой категории может быть включена любая страна, режим которой по той или иной причине не нравится Вашингтону.

Создается впечатление, что руководство Соединенных Штатов прилагает все усилия для максимального использования борьбы с терроризмом не только для его искоренения, но и для реализации своих далеко идущих геостратегических целей, не всегда имеющих с ним какой-либо связи. По сути дела была поставлена задача на полную катушку использовать сами по себе действительно чудовищные преступления 11 сентября как весьма удобный повод для осуществления новой глобальной стратегии США, точно так же как был использован так называемый инцидент в Тонкинском заливе для эскалации войны во Вьетнаме.

Не случайно, у многих, не ангажированных, наблюдателей складывается впечатление, что США нуждаются в международных террористах, Ираке, «государствах-изгоях» для оправдания своей геополитической стратегии. Об обоснованности этого тезиса в какой-то степени свидетельствует глобальный характер начатого после этих событий фронтального идеологического и военно-стратегического давления США практически во всех регионах земного шара. Предусматривается, что эта борьба будет вестись всеми доступными средствами – политическими, экономическими, военными и диверсионными. О серьезности и реальных последствиях этой стратегии для отдельных стран, да и всего мирового сообщества воочию свидетельствует агрессия против Ирака.

Впрочем, в зависимости от конкретной ситуации на международной арене к этой категории может быть включена любая страна, режим которой по той или иной причине не признает американские ценности и идеалы или американскую модель миропорядка. Для США на данном этапе в силу целого комплекса факторов речь не в последнюю очередь идет о России.

Особенность сегодняшней ситуации состоит в том, что Россия, развиваясь в условиях постсоветского общества, потеряла имидж мирового лидера, сверхдержавы, который внезапно сменился на некий неопределенный имидж государства, которое имеет высокий потенциал, но не имеет возможности его реализации. Важно учесть и то, что Россия на протяжении практически всей своей истории не могла похвастаться наличием привлекательного имиджа в глазах остального мира. Чаще всего она внушала окружающему миру страх, обеспокоенность и недоверие своими невероятными размерами, непредсказуемостью векторов, содержательных характеристик общественно-исторического развития. Не случайно говорят о загадочной русской душе, непредсказуемости политических шагов руководства России.

Столетиями слова-символы, ассоциирующиеся с Россией, оставались и остаются неизменными – «водка», «мороз», «медведь», «балалайка», «Ванька-встанька» и т.д. Об этом наглядное представление можно составить на основе результатов одного социологического опроса, проведенного в 2003 г. по заказу российских властей в ряде западных стран. На поставленный перед респондентами вопрос назвать десять понятий, с которыми у них ассоциируется Россия, перечень их ответов располагался в следующем порядке: коммунизм, КГБ, снег и мафия... Единственная

позитивная ассоциация – культура и искусство – оказалась на последнем месте. Согласно результатам другого опроса, проведенного в августе 2005 года, единственными «брендами», приходившими на ум иностранным респондентам, когда их просили назвать какие у них возникают ассоциации, когда говорят о России, оказались автомат Калашникова и «коктейль Молотова»²⁸.

Очевидно, что современное восприятие России в мире во многом носит на себе следы того подхода, который на Западе сложился в отношении к СССР еще в период “холодной войны”. Название фильма Н. Джюисона 60-х годов “Русские идут!”, отражающий реалии холодной войны, став нарицательным, превратилось в символ враждебности и угрозы вторжения СССР на территорию США. Как известно, Р. Рейган назвал СССР «империей зла», а канцлер ФРГ Г. Шмидт — «Верхней Вольтой с атомными ракетами». Всплеск благожелательного интереса к России пришелся на конец 80-х годов прошлого столетия и был связан с началом перестроенных процессов в стране и, в первую очередь, с именем М.С. Горбачева и его внутренней и внешней политикой, основанной на так называемом «нового мышления». Эйфория по поводу демократических преобразований, царящая в то время внутри страны, выплескивалась далеко за ее пределы и способствовала формированию нового имиджа России в целом. Именно в тот период интерес к России, русскому языку и вообще всему русскому возрос многократно.

Однако романтический образ России довольно быстро начал тускнеть, чему есть множество весьма серьезных причин. Даже в тех случаях, когда признается наличие демократических преобразований в России, многие все же склонны рассматривать ее как некую “паршивую овцу в порядочном стаде” развитых демократических стран, куда ее вынужденно взяли в надежде на перевоспитание. Поэтому каждый новый шаг в плане повышения международного статуса России дается ей с большим трудом. Зачастую бессознательно, а порой и вполне осознанно, Россия рассматривается и представляется как угроза безопасности Запада в целом и США в особенности. В своем докладе для Конгресса США «Современные и будущие угрозы США» глава Национальной разведки США Дж. Негропonte утверждал, что растущее экономическое и политическое могущество России становится угрозой интересам Америки и Запада в целом. «Развивающаяся экономика и видимые политические успехи внутри страны и за рубежом повысили

уверенность России, позволили увеличить расходы на оборону и придали Кремлю смелости в преследовании политических целей, не всегда соответствующих целям западных институтов», – заявил Негропonte в письменном отчете сенатскому Комитету по разведке²⁹. Министр обороны Р. Гейтс и глава комитета начальников штабов П. Пейс на одном из слушаний в комитете по вооруженным силам палаты представителей конгресса США впервые открыто заявили, что Россия представляют несомненную военную угрозу для Соединенных Штатов.

После распада двухполюсного миропорядка и развала СССР перед ведущими странами Запада встал императивный вопрос о том, какое место занимает Россия в современном мире в целом и в отношениях с западными странами, в частности: союзник, партнер, клиент, противник или просто враг, потерпевший поражение в холодной войне? Из содержания ответа на него вытекает другой не менее важный вопрос о том, какими именно должны быть отношения Запада с Россией.

В целом, было бы ошибкой считать, что США и Запад стремятся к развалу, дезинтеграции России, утрате Москвой контроля за нынешней российской территорией. Да это и не стыкуется с реальностями ядерно-космического века, века транснационализации и глобализации. К тому же у Запада и России целый комплекс совпадающих жизненно важных интересов, которые подробно проанализированы в отечественной и зарубежной политической науке. Здравое и реалистически мыслящие руководители Запада не могут не понимать, что Россия своим существованием обеспечивает некий баланс сил и тем самым играет позитивную геополитическую функцию обеспечения стабильности на мировой арене.

Верность этого тезиса подтвердился тем фактом, что после террористической атаки 11 сентября 2001 года, когда почти весь мир незамедлительно осудил террористическую атаку на здания «близнецы» в Нью-Йорке и Пентагон в Вашингтоне и заявил о своей безоговорочной солидарности с Америкой, на государственном уровне первой это сделала Россия, выразив поддержку и соболезнование российского народа народу Соединенных Штатов и продемонстрировав свою заинтересованность в добрых отношениях с Западом в целом и США в частности. Она предоставила афганскому Северному альянсу оружие для борьбы с талибами и дала согласие на присутствие американских военных контин-

гентов в ряде стран СНГ. Примерно так же были восприняты в России взрывы в мадридских поездах 11 марта 2004 года. Со своей стороны, трагедия Беслана 1 сентября 2004 года значительной частью политического и интеллектуального истеблишмента, а также общественностью Запада была воспринята как своя собственная.

Не случайно распад СССР, приведший к долговременным непредсказуемым последствиям для всего мирового сообщества, тогдашний государственный секретарь США Дж. Бейкер назвал «величайшим вызовом», перед которым оказалась Америка на исходе XX столетия. Озабоченность судьбами России и возможными последствиями тех или иных перспектив ее развития со всей определенностью высказывали и представители администраций Б. Клинтона и Дж. Буша-мл. Мы не знаем, писал в одной из своих статей бывший государственный секретарь США У. Кристофер, какой именно страной станет Россия в XXI в., «но мы знаем, что будущее России будет оказывать глубокое влияние на нашу безопасность и безопасность наших европейских союзников».

Поэтому, естественно, что правящие круги великих держав безопасность своих стран теснейшим образом увязывают с перспективами России, как важнейшего игрока на геополитической арене. Как утверждал, например, тот же У. Кристофер, если русский эксперимент потерпит неудачу и Россия вновь погрузится в анархию или деспотизм, Америка также не сможет добиться своих целей. Как бы признавая обоснованность этих доводов, бывший президент США Б. Клинтон декларировал необходимость «стратегического союза» или «нового демократического партнерства» с посткоммунистической Россией.

При оценке положения России на международной арене значительная часть западных исследователей исходят из признания того факта, что, хотя русские и переживали в 90-е годы большие трудности, они, как говорится, не вышли из игры и более того, в последние годы подтвердили свой статус великой военно-политической державы. П Лавалль не без оснований подчеркивал: «Смотреть на Россию свысока и демонстрировать ей пренебрежение контрпродуктивно». Поэтому продолжал он, «Запад должен оставить пустые надежды в отношении России. Россия выбрала свой собственный путь развития»³⁰. В этом же духе рассуждала газета *The Christian science monitor*: «ни одна из сторон не должна упускать из виду: предпочтительнее, чтобы Россия была в одном лагере с Западом и сотрудничала с ним, а не пребывала в изоляции от него»³¹.

Интерес представляют рассуждения бывшего помощника госсекретаря США Э. Джоунс, которая, выступая перед подкомитетом конгресса США по отношениям с Европой 3 марта 2004 года подчеркивала, что Америка и Россия по ряду вопросов разделяют «единые жизненно важные интересы: это война с терроризмом, противодействие распространению опасного оружия в Северной Корее и Иране, борьба с торговлей людьми, борьба с эпидемией ВИЧ/СПИДа» и т.д.»³². Даже те исследователи и политические деятели, которых ни при каких обстоятельствах нельзя причислить к доброжелателям России, вынуждены признать незаменимую роль России в обеспечении баланса сил на международной арене.

Можно сказать, что с началом перестройки отношения СССР как с остальным миром в целом, так и Западом в частности, при всех возможных здесь оговорках, развивались по восходящей, в позитивном ключе. Более того, у широких слоев западной общественности наблюдалась в буквальном смысле эйфория относительно перспектив демократии, прав человека, свободы слова и т.д. в России. И сегодня в Европе существует множество политических деятелей, экспертов и журналистов, которые считают, что дружественные, партнёрские отношения с Россией – это судьба сегодняшней Европы и стремятся объективно поднести своей аудитории происходящие в нашей стране процессы. К примеру, если Париж и Берлин считают, что противоречия между Западом и Россией преодолимы, то Вильнюс и Варшава так не уверены.

Поэтому хотел бы отметить, что было бы не совсем корректно изобразить оценки и отношение западных СМИ и общественности к России в исключительно черно-белых тонах. В рассматриваемом контексте затрагивается лишь тот их пласт, который вносит существенную лепту в формирование негативного имиджа нашей страны.

* * *

* * *

* * *

При всем том, для правильного понимания реального положения вещей необходимо не забывать тот факт, что распад СССР и окончание холодной войны отвечают жизненным интересам этих стран и что любая политика России или какого-либо иного государства, направленная на экономическую, политическую и военную консолидацию постсоветского пространства, этим интересам противоречит. Иначе и быть не может, поскольку обратное не

стыкуется со всеми канонами взаимоотношений между великими державами, конкурирующими между собой за власть, влияние и статус на геополитической арене. Перед западом открылись беспрецедентные с геополитической точки зрения возможности для проникновения в важные для него, но ранее практически закрытые регионы Восточной Европы и постсоветской Центральной Азии и Закавказья. Поэтому вполне естественно, что Запад в целом и США в особенности прилагают все усилия к тому, чтобы сделать изменения, происшедшие в России и СНГ, необратимыми.

Именно интересы этих сил представляют те круги, которые, начиная с конца 90-х годов, развязали в западных средствах массовой информации неуклонно набирающую накал и масштабы информационную войну против России. Об обоснованности этого тезиса свидетельствуют в частности заголовки статей о России в ряде зарубежных изданий: «Политика потемкинских деревень в России» (Christian Science Monitor); «Нераспространение по-русски — потемкинская деревня» (National Review,); «Экономический рост потемкинского пошиба» (Welt am Sonntag); «Потемкинский валовой внутренний продукта» (The Wall Street Journal); «Потемкинская демократия» (The Washington Post); «Потемкинская Россия» (Le Monde); «Григорий Явлинский: „Россия построила потемкинскую деревню”» (Die Welt); «Елена Боннер: Владимир Потемкин» (The Wall Street Journal).

Здесь нет надобности сколько-нибудь подробно останавливаться на серии всем известных пиар-кампаний от злополучного эпизода с ЮКОС до так называемого «дела Литвиненко». Достаточно напомнить, что разного рода организации, называющие себя защитницами прав и свобод человека, свободы слова, демократии и т.д. отводят России место среди десятка самых отсталых африканских стран или же ближе к Северной Корее, Туркмении и Эритрее. Известная своими крайне ангажированными оценками американская организация Freedom House в 2005 году переместила Россию из группы «частично свободных» в категорию «несвободных». Тем самым, она оказалась единственной страной с отрицательной динамикой демократизации и попадает в разряд одиозных режимов, известных злоупотреблениями в области прав человека, таких, как Пакистан и раздираемый войной Ирак. Ее положение в рейтинге всего на несколько позиций выше наиболее репрессивных политических систем Китая, Кубы и Северной Кореи. В данной связи можно согласиться с известным французским писателем

русского происхождения М. Дрюоном, который отмечал, что «во французской прессе, и вообще в западной, существует своего рода ментальный ревматизм во всем, что касается России»³³. Такой же «ментальный ревматизм» характерен и для многих представителей СМИ других западных стран.

Постепенно миф о советской угрозе плавно преобразовался в миф об угрозе, исходящей от России. Россию во все более растущей степени стали обвинять в недостаточной активности в проведении демократических преобразований в стране, а то и в полном отходе от демократических норм и установлении авторитарных принципов государственного управления и даже восстановлении советской формы власти. Начиная с середины 90-х годов минувшего века постепенно на передний план стали выходить мотивы относительно формирования в России преступного и коррумпированного государства. На теле- и киноэкранах не прекращаются фильмы, в которых Россия изображается в уничижительных, черно-белых мрачных тонах, как царство вечной мерзлоты и полярной ночи, откуда исходит угроза миру, прежде всего Соединенным Штатам, а её народ как сборище голодных оборванцев, слоняющихся по улицам с факелами и плакатами «Дайте нам хлеба!» («Святой», «Полицейская академия-7», «Назад в СССР»). Русские спецназовцы, одержимые стремлением к мировому господству, только и занимаются захватом самолетов, ядерных кнопок, убийствами неугодных политиков и их родных («Самолет президента», «Миротворец», «Честная игра»). В фильме «Москва на Гудзоне» тема дефицита туалетной бумаги в России вылезает семь раз. Как пишет Д. Горелов, «туалетную бумагу русские скрипачи дарили русским писателям на день рождения, за нею стояли длинными очередями на морозе, отогреваясь у костров, ее добычу праздновали на студеных кухнях плюшками и хороводами».

Поэтому естественно, что Россия не имеет права не заботиться о своем внешнем облике. Можно утверждать, что задача создания позитивного образа для России не менее важна, чем продвижение российского оружия на мировом рынке или удержание на высоком уровне цен на углеводородные ресурсы. Частью процесса глобализации и информационно-культурной агрессии является подспудная и явная эрозия, а то и разрушение национальной идентичности. В данном контексте центральным для России является вопрос о самоидентификации, определении ее роли и места в мировом сообществе. Признав это, необходимо исходить из того

очевидного факта, что для граждан России, так и для отечественной науки и интеллектуального сообщества особую значимость приобрела проблема национальной идентичности. Возникла острая потребность, прежде всего, в имидже, ориентированном на внутреннего потребителя. Ибо залогом успеха имиджа России за рубежом является вера самих россиян в ее судьбу, предназначение, миссию. Для внутреннего пользования имидж служит средством политической мобилизации, идейного, психологического единения и сплочения нации, укрепления или смены базовых социальных ценностей.

Из вышеизложенного можно убедиться в том, что в условиях, когда для множества людей реальный мир заменяется виртуальным миром, зачастую важнее и значимее оказываются не столько сами реальности той или иной страны, сколько то, что граждане и не граждане, как говорится, «твердо знают» о ней. Причем, убежденность в верности этого «знания» заставляет окружающих поверить, будто дело обстоит именно так. К примеру, как правильно подметил А. Горянин, у нас люди «твердо знают», что Иван Грозный был кровавым тираном, что Петербург «построен на костях», что в России для показа иностранцам всегда были и есть «потемкинские деревни» и т.д. и т.п. На поверку оказывается, что в этих, казалось бы, само собой разумеющихся «истинах» много мифологического, в смысле надуманного. К примеру, по подсчетам известного историка Р. Г. Скрынникова, при Иване Грозном было казнено и убито от трех до четырех тысяч человек. Однако по числу убиенных русского царя значительно превзошли такие европейские правители как Людовик XI, Ричард III, Генрих VIII, Филипп II, герцог Альба, Мария Кровавая и др. Имя английской королевы Елизаветы I, которая умертвила 89 тыс. человек, носит американский штат Вирджиния (на том основании, что она, будто, была целомудренной), а среди 109 фигур на памятнике Тысячелетию России в Новгороде, не нашлось места для Ивана Грозного, но зато выгравированы имена князей Литовской Руси Кейстута и Витовта³⁴.

Убежденность граждан страны в правильности такой оценки так или иначе убеждает и окружающий мир в том, что дело обстоит именно так. Здесь прав И.Р. Метке, по мнению которого создание и популяризацию негативного имиджа России едва ли можно объяснить «тупостью, а то и злонамеренностью иностранных наблюдателей, хотя это и не исключено. Российские пропаган-

дисты забывают о том, что этот имидж все-таки в первую очередь создается у них дома»³⁵. Парадоксом является тот факт, что при всех разговорах о чуть ли не полном подчинении властями средств массовой информации, наибольшее количество материалов, в той или иной степени дискредитирующих Россию, ее деловые и промышленные круги, появляется в самой России. Как справедливо отмечал Ж. Сапир, реальность двойных стандартов западных СМИ «умалывает тот факт, что нынешний имидж России отражает и двойственные представления о стране, сложившиеся у самих россиян. Вот уже почти два века русский взгляд на Россию колеблется между ханжеской самовлюбленностью и яркой самокритикой. Нередко именно в российской прессе западные коллеги черпают элементы для поддержания мрачного имиджа страны»³⁶. Дополнительную лепту и нюансы в эту кампанию вносят бывшие российские граждане, тем или иным путем оказавшиеся за океаном и зарабатывающие хлеб насущный всякого рода инсинуациями в адрес своей исторической родины. Как правило, они выступают как соавторы и главные источники информации для составления всякого рода страшилок о России. Весьма показательны в этом отношении выступления нашего соотечественника, бывшего шахматиста, ныне члена редколлегии Wall Street Journal Г. Каспарова, который в одной из статей в том же журнале писал: «Одно из ужасающих сходств путинской России и Германии 30-х годов как раз и заключается в этих двуличных речах в стиле Оруэлла... Сегодня мы должны сказать «нет» Владимиру Путину, и мы должны сказать «нет» фашизму. Если Соединенные Штаты и европейские державы не желают помочь нам в этой новой борьбе, пусть хотя бы остаются в стороне от схватки и прекратят помощь силам фашизма»³⁷. Для людей, хоть понаслышке знакомых с реальным положением вещей, но не ангажированных абсолютно, такие оценки настолько абсурдны, что не нуждаются в комментариях.

Нельзя отрицать тот очевидный факт, что за пореформенный период в России произошло много безобразного и заслуживающего всякого порицания. Так же нельзя представить дело таким образом, что родина должна быть вне критики и, поэтому ее нужно освещать только в светло-голубых тонах. Как говорится, критика критике рознь. Объективный анализ невозможен без выявления и критики действительных изъянов, недостатков, ошибок, провалов, повальной коррупции и т.д. Но здесь важно соблюдать меру, чтобы не превращать критику в самоцель и найти пути, формы, средс-

тва их преодоления. Невозможно эффективно решать стоящие перед Россией грандиозные задачи просто ура-патриотическими лозунгами и подачей ее образа в глянцево-обрамлении. Но все же нельзя выводить за скобки тот факт, что за менее чем два десятилетия Россия прошла путь в направлении формирования рыночной экономики, ценностей, отношений, институтов гражданского общества и политической демократии (хотя, признаем, в несовершенной, а то и зачаточной форме), который западные страны преодолели в течение нескольких поколений.

В самый благополучный период российского государства, когда делаются реальные шаги для решения социальных, экономических и политических проблем, для большей части пишущей братии стало своего рода *mauvais ton* – освещение тех позитивных перемен, которые происходят в стране в последние годы. До недавнего времени, во всем огромном потоке информации, исходящем с экранов телевизоров, страниц газет, интернетовских сайтов трудно было отыскать хоть малую толику действительно объективного, непредвзятого, позитивного материала о российских реалиях. И по сей день не прекращаются стенания относительно умирания России, ее неизбежном обезлюдении, заселении российских земель чужеземцами, духовном перерождении и т.д., постоянно воспроизводя в сознании людей чувство саморазрушительного кризиса. Как писал Ю. Олещук, «из разных источников в общественное сознание мощно закачиваются потоки негативной оценки собственной страны, словно гигантские и систематические отравляющие инъекции. Эти «закачки» разнятся между собой содержательно. Но дают общий, синтезированный эффект: страна никуда не годилась и не годится. Бездна плохого – куда ни глянь, о чём ни говори. Вот почему нам так присуще не видеть недостатки такими, как есть, а обязательно драматически их преувеличивать. Не считать судьбу страны трудной, тяжёлой и т.п., а безнадежно трагической. И по любому поводу впадать в беспросветное отчаяние»³⁸. И действительно, если мы сами безудержно заявляем, что построили криминальное государство, то с какой стати западники должны убеждать нас в обратном.

На первый взгляд, парадокс состоит в том, что вал негативной информации России набирал силу и обороты по мере ее выхода из системного кризиса, наращивания темпов роста экономики, восстановления властной вертикали внутри страны и ее статуса великой военно-политической державы на международной арене.

не. Вполне естественно, что Россия, как любая уважающее себя крупное, тем более, обладающее ядерным оружием государство стремится к восстановлению своего статуса великой державы (не буду говорить о статусе сверхдержавы, поскольку убеждён в том, что сам феномен сверхдержавности в современном мире неуместен). Это вполне естественно и в порядке вещей. Обратное противоречило бы принципу мировой политики, согласно которой сила рождает контрсилу, действие – контрдействие, агрессия – сопротивление агрессии и т.д.

Нужно признать, что Россия при всех пережитых и продолжающихся пертурбациях в течение сравнительно короткого времени вернулась на мировую авансцену в качестве равного великим державам актора. По всем важнейшим параметрам она сохраняет способность ответить на угрозы, исходящие ее безопасности, как от США, так и любой другой ядерной державы. Как говорится, политики и правительства приходят и уходят, а ядерные бомбы и ракеты, а также их носители остаются. В этом контексте можно согласиться с директором программ по России и Евразии Фонда Карнеги в Вашингтоне Э. Качинсом, по мнению которого важнейшей причиной возвращения к холодной войне является выход России на мировую арену с самостоятельной политической линией: «Стремительно укрепляется российская экономика, Москва защищает свои интересы в Европе, в Азии, на постсоветском пространстве, и это стало неожиданностью для всех ее партнеров, включая США. Кто мог предвидеть нынешнюю российскую ситуацию шесть лет назад, в 1999 году? Неготовность к такой ситуации стала причиной расхождений во мнениях руководства американской администрации по поводу того, как вести дела с Россией»³⁹.)

Оставаясь великой ядерной державой, она к тому же приобрела статус энергетической сверхдержавы. Одно это вполне достаточно, чтобы положение дел в ней не могло бы не затронуть интересы большинства стран современного мира. Естественно, западники, прежде всего американцы, не хотели бы, чтобы передача власти в России была осуществлена без их участия. Этот аспект приобретает все более растущую значимость, если учесть, что мировая политика вступила в полосу системного кризиса и наступила эпоха обострения борьбы за перераспределение все сокращающихся ресурсов, когда она во всевозрастающей степени определяется вопросами энергетической безопасности. Этим во многом объясняется тот факт, что тема энергетической безопасности с 2005

года становится направлением идеологического «главного удара» по России. В своем известном выступлении в Вильнюсе Р. Чейни открыто обвинил Россию в том, что она «использует нефть и газ для запугивания и шантажа соседей», заявив, что такую политику нельзя ничем оправдать.

Совершенно справедливое требование России платить за газ по общепринятым в Европе рыночным ценам подается как «газовый шантаж», «перекрытия трубы» Украине и т.д. «Россия размахивает газовой дубинкой, угрожая Европе отключить ее от топлива, если она не будет плясать под дудку Москвы». «Россия преследует “оранжевый” режим в Украине, повышая для этой страны цены на газ». «Русский медведь осуществил свою угрозу: со злобным рычанием он перекрыл огромными лапищами газовый вентиль бедной, свободолюбивой маленькой Украине, оставив 39 миллионов человек без тепла и горячей пищи морозной зимой» и т.д. Такими измышлениями пестрели многие западные СМИ в период украинско-российского газового кризиса. Россию стали обвинять в «энергетическом империализме», «энергетическом шантаже», использовании поставок энергоносителей в качестве инструмента давления на независимое государство. Раздувая в буквальном смысле истерику вокруг газового кризиса, ее вдохновители и исполнители не считали нужным говорить или говорили очень редко о том, сколько Украина платила за российский газ. И это игнорируя тот очевидный факт, что, несмотря на щедро финансируемую США и другими западными странами так называемую «оранжевую» революцию, Россия продавала Украине газ за цены, составляющие четверть от мировых.

Впрочем, на страницах Washington Post обозреватель Ч. Краутхаммер (Charles Krauthammer) раскрыл смысл позиции Запада в украинской ситуации. «Это прежде всего, – утверждал он, – связано с Россией, а потом уже с демократией: Запад хочет закончить то, что начал с падением Берлинской стены, и продолжить марш Европы на Восток: главный приз здесь – Украина»⁴⁰. Р. Холбрук, некогда выдвигавшийся администрацией демократов кандидатом в госсекретари, вернувшись из Киева, чуть ли не с ликованием говорил об «окончательном разрыве Украины с Москвой, и призывал Вашингтон «ускорить её принятие в НАТО, которая определяет ключевые зоны безопасности Америки в половине мира»⁴¹.)

При всем сказанном было бы не совсем корректно делать

вывод о каком бы то ни было едином антироссийском энергетическом или ином едином антироссийском блоке на Западе, особенно в Европе. Хотя нельзя отрицать, что такие попытки прослеживаются, о чем свидетельствует, например, призывы о создании так называемого «Энергетического НАТО», призванного, как утверждал сенатор-республиканец Р. Лугар на саммите НАТО в Риге в конце 2006 года, рассматривать применение пресловутого «энергетического оружия» против какой-либо из стран альянса как агрессию. Как справедливо отмечали П. Быков и А. Громов, «подобные идеи на Западе разделяют далеко не все, но для целого ряда политиков ненавистна сама мысль об открытой, демократической, самостоятельно развивающейся России. Им гораздо удобнее было бы иметь дело с авторитарным, изолированным от Европы режимом»⁴². Мощную информационную атаку западные СМИ приурочили к саммиту «Большой Восьмерки» в Санкт-Петербурге летом 2006 года, которую, кстати, Россия смогла более или менее успешно отразить. Еще в начале 2005 года в конгресс США сенатором-республиканцем Дж. Маккейном и сенатором-демократом Дж. Либерманом был внесен проект резолюции, призывающей Дж. Буша добиться приостановки членства России в «восьмерке», пока «российские власти не прекратят наступление на демократию и политическую свободу»⁴³.

Примечательна в этом отношении антироссийская истерия (иначе не назовешь), разразившаяся на Западе в результате так называемого «дела Литвиненко». По свидетельству прессы, в Лондоне обыватели, напуганные версией о том, что Литвиненко причастен к созданию так называемой «грязной» атомной бомбы, всерьез опасались, что она вот-вот взорвется прямо посреди британской столицы⁴⁴. Истерия сопровождалась своего рода «полонифобией» – по горячей линии местной службы здравоохранения за короткое время позвонили около четырех тысяч человек, уверенных, что стали жертвами злополучного изотопа.

Сенаторы Р. Лугар и Дж. Маккейн обозначили еще одно направление пропагандистского наступления на Москву – противодействие российским усилиям по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве. Во время своего визита в Грузию в августе 2006 года они открыто призвали к выводу российских миротворцев из зоны конфликта в Абхазии и Южной Осетии.

Особенно большую активность в распространении негативного имиджа России проявляют левые интеллектуалы Запада.

Одной из причин такого поворота на 180 градусов в отношении нашей страны видится в отходе большей части российской элиты и правящего класса от идей марксизма и социализма на рельсы рыночной экономики и выборе собственного пути построения политической демократии и правового государства. Иначе говоря, они рассержены на Россию за то, что она будто предала социализм и превратилась в «капиталистическую» страну. Впрочем, сегодня неприязнь к России, нередко перетекающую в форменную русофобию, по идейным или идеологическим соображениям характерна как для правых, так и для левых. Правым – в силу исторической инерции, левым – за ее предполагаемое «предательство»

Впрочем, в чем-то надо гордиться тем, что России предъявляют высокий счет. В противном случае можно было бы предполагать, что ее не воспринимают всерьез. Даже развернутая в западных средствах массовой информации антироссийской кампания в духе новой холодной войны служит косвенным доказательством того, что с точки зрения продвижения вперед и вверх по статусной лестнице рангов на геополитической арене у России в общем и целом все в порядке. Как правило, нет надобности разворачивать такие кампании, тем более широкомасштабные, против периферийных государств и народов. «Если бы Россия не была так важна, – писал английский *The Observer*, – мы осудили бы ее как “государство-изгой”. Если бы русские не были так богаты, мы натравили бы на них наше МВД, чтобы “окружить *Ruskies* и выслать домой”. Русские еще противнее в роли капиталистов, чем в роли коммунистов. Когда же закончится эта русская зима?”⁴⁵.

Вполне естественно, что Россия рассчитывает, что ее будут воспринимать на мировой арене как равноправного партнера, без привлечения которого сегодня нельзя решить ни одну более или менее серьезную мировую проблему. Однако фактом является то, что, хотя срок годности принципов и методов времен холодной войны давно истек, ее стереотипы оказались весьма живучими. При всех позитивных переменах, происшедших в пореформенный период в России, ее негативный имидж, сложившийся на Западе в течение многих поколений, никак не поддается положительной коррекции. После развала СССР Запад решил, что Россия надолго останется слабой и не будет способна играть сколько-нибудь весомую роль в мировой политике. Создается впечатление, что Запад все еще не готов и не хочет принять и понять Россию такой, какой она есть, во всяком случае, такой, какой она снова стала за последние годы.

Одна из важных причин такой ситуации состоит в том, что, как известно, в вопросах, касающихся места и роли в мировом сообществе тех или иных стран, особенно великих и имперских, немаловажную роль играет фактор исторической инерции. Этим фактором определяются в частности многие шаги, политические пристрастия, симпатии и антипатии людей, как граждан конкретного государства, так и его руководства. Исчезла Советская империя и, соответственно, советская угроза, но весьма трудно изживаются сформировавшиеся в течение нескольких поколений стереотипы, страхи, синдромы. Запад в целом, а США в особенности, настолько привыкли рассматривать Россию слабой и потерявшей способность встать с колен и отстаивать свои национальные интересы, что им весьма трудно осознать новое положение вещей и приспособиться к ним. Исходят из, как бы, само собой подразумевающегося постулата, согласно которому, поскольку Россия является государством, потерпевшим поражение в холодной войне, она должна признать себя таковым и, соответственно, вести себя как подобает побежденной державе.

США не устраивают такие действия руководства России как неодобрение силовой акции НАТО против Югославии, осуждение американо-британской агрессии против Ирака, геополитическая независимость в важнейших вопросах мировой политики и т.д. Камнем преткновения для обвинений России во всех смертных грехах стала политика российского руководства по укреплению российской государственности, ограничению возможностей западного влияния на внутреннюю политику страны, а также возвращения России к независимой и активной внешней политике. В этом контексте обращает внимание тот факт, что многие западные аналитики и журналисты убеждены в том, что Россия по самому определению не способна проводить реформы без помощи и руководства, во всяком случае, без контроля со стороны Запада. Утверждается, что просто по определению не может быть по-российски «одетого» демократа. Подводится «научное обоснование» идеи, согласно которой Россия в силу авторитарной исторической традиции не способна найти свое место в сообществе демократических государств. Как утверждал, например, небезызвестный американский специалист по России Р. Пайпс, «россияне не хотят демократии, а усилия по продвижению демократии в России – пустая трата времени и денег»⁴⁶. Сформулировав такую позицию более резко и, прямо скажем, в откровенно русофобском

духе, другой американский автор С. Вакнин писал: «Русские – неуправляемая толпа, подверженная пьянству и склонная к мелким преступлениям. Они становятся легкой добычей организованной преступности – такого домашнего варианта Коза Ностра, пронизывающей все и вся снизу доверху. Они неорганизованны и легко поддаются эмоциям. Им крайне нужен поводырь и жестокое и страшное руководство»⁴⁷. По мнению этого, с позволения сказать, «русоведа», В России демократия и закон противоречат интересам всех и каждого: «Продажные политики, бандиты в золотых цепях, агенты ФСБ с квадратными челюстями и в темных очках, грузинские и чеченские сутенеры и контрабандисты, отмывающие деньги банки, импортно-экспортные предприятия (которые незаконно импортируют товары, а экспортируют твердую валюту и украденные предметы искусства) – у всех у них схожие взгляды на эту дикую первобытную территорию»⁴⁸. Разумеется, таких крайних позиций придерживается лишь определенная часть западной обществственности. Но они существуют.

Другие аналитики, журналисты, политики, государственные деятели во все более растущей степени обвиняют российское руководство в недостаточной активности в проведении демократических преобразований в стране, а то и в полном отходе от демократических норм и установлении авторитарных принципов государственного управления и даже восстановлении советской формы власти. Как констатировал французский исследователь Ж. Сапир, «обвинение в «ресоветизации» России всплывает всякий раз, как только российское руководство пытается проводить политику, не отвечающую непосредственно интересам финансового мира»⁴⁹.

Поэтому неудивительно, что на Западе срабатывает двойные стандарты в оценке позиций по одинаковым по своей сути действиям правительств самих стран Запада, с одной стороны, и России, с другой. Как не без оснований отмечал посол США в СССР в период перестройки Дж. Мэтлок, «большинство американских ученых, аналитиков и журналистов применяют к России абстрактные стандарты, которые не применяются ни к одной другой стране мира... К тому же США постоянно меняют правила игры в отношениях с Россией»⁵⁰.

К примеру, считается само собой разумеющимся фактом в судебном порядке преследовать таких гигантов бизнеса как Энрон и Пармалат, а России никак нельзя в таком же порядке преследо-

вать ЮКОС. Или же Запад за предоставление независимости Косово, но категорически против самоопределения абхазов и южных осетин. Доводы же в обоснование такой позиции приводятся самые экзотические.

Меры и шаги России в направлении восстановления и укрепления своего статуса великой державы и защиты национальных интересов на Западе оценивают как неоимперскую стратегию, которая де ведет к гонке вооружений и возрождению холодной войны. Более того, в разворачивающейся тенденции к ремилитаризации политики западные СМИ склонны винить Россию. При этом как бы за скобки выводится тот факт, что в настоящее время США тратят на оборону в 20 раз больше, чем Российская Федерация. Военные ассигнования государств – членов НАТО в 40 раз больше российских. Если в ремилитаризации виновна Россия, то в таком случае как объяснить целенаправленную политику стран Запада, прежде всего США, которую в ряде случаев нельзя назвать иначе как провокационную. Речь идет, например, об отказе Вашингтона от договора об ограничении систем ПРО в декабре 2001 года, американо-британской агрессии в Ирак в марте 2003 года, беспрецедентном росте бюджета Пентагона (583 млрд. долл. в 2007 году, а Россия – на те же цели всего 85 млрд. долл.), безудержном расширении НАТО на Восток, все плотнее подбираясь к границам России, планах размещения элементов ПРО в Польше и Чехии и т.д. Список можно продолжить.

Здесь уместно проводить аналогию с большегрузным судном, которому, чтобы сделать крутой разворот необходимы, достаточно большое пространство и время. В разработке и реализации внешней политики задействовано большое количество людей и ресурсов, которые весьма трудно перестраивать и направлять в нужное русло. Нельзя забывать также о множестве сталкивающихся друг с другом интересов, которые также не просто удовлетворить или перестроить. Великая держава привыкает к своей роли вершить дела по своему усмотрению. Это, в свою очередь, способствует выработке привычек закрывать глаза на происходящие в мире изменения, или же делать вид, что в мире ничего не изменилось. К тому же не совсем по американскому сценарию развивается положение дел в мире. Фактический провал иракской авантюры, неудача казавшейся победившей оранжевой революции в Украине, неспособность остановить Иран на пути обладания ядерным оружием. Сближение Китая и России становится весьма

значимой проблемой для США и Запада в целом. Россия вместе с Китаем и другими восходящими государствами все активнее действуют – не без заметного успеха – в направлении формирования и институционализации полицентрического миропорядка, в которой для американской гегемонии по определению не остается места.

При таком положении вещей на Западе все происходящее в России нередко склонны рассматривать через призму недоверия и скептицизма. Более того, существует своего рода комплекс подспудного страха в отношении России. Об этом свидетельствуют постоянно повторяющиеся предупреждения относительно «чрезмерной энергозависимости» от России и необходимости поиска альтернативных источников энергии. Беспрецедентные золотовалютные накопления России воспринимаются как угроза «скупки ключевых отраслей немецкой и европейской промышленности». В этом контексте можно согласиться с Т. Грэмом, по мнению которого «страх перед нынешней Россией вызван не столько ее силой, сколько слабостью Запада и его неуверенностью в себе», снижающейся уверенностью Запада в своих способностях⁵¹.

Здесь интерес представляет парадоксальное, на первый взгляд, утверждение французского исследователя Э. Тодда. По его мнению, тайну внешней политики Америки «надо искать в сфере ее слабости, а не могущества. Блуждающая и агрессивная, напоминающая походку пьяницы стратегическая траектория «одиноким сверхдержавы» может быть удовлетворительно объяснена только на пути выявления нерешенных или неразрешимых противоречий и вытекающих отсюда чувств неудовлетворенности и страха»⁵².

Такая трактовка может показаться парадоксальной, неуместной и даже смешной, но только на первый взгляд. Конечно, в ней есть изрядная доля преувеличения, но в то же время есть и некоторая доля рационального зерна.

Произошли кардинальные сдвиги в системе распределения и геополитического баланса сил, сложившейся в период холодной войны. Суть этих сдвигов состоит в перераспределении геополитической мощи и энергии между государствами. Имеет место постоянно набирающая темпы во всемирном масштабе диффузия относительной и абсолютной мощи государств. Применительно к военной мощи такая диффузия проявляется в том, что при всей важности и приоритетности мер по предотвращению распространения ядерного, химического и биологического оружия, число их обладателей расширяется. Своего рода олигополия пяти ядерных

держав, несмотря на все их усилия, к настоящему времени уже расшатана.

Уже в период двухполюсного миропорядка в условиях противоборства двух блоков рядом с ними и в значительной степени с их благословения и при их материальной, финансовой и идеологической поддержке сформировался своеобразный параллельный анонимный субъект мировой политики, способный оказывать существенное влияние на магистральные тенденции геополитического развития. Сила и опасность этого своеобразного агрессивного «мирового подполья» состоит в том, что оно, действуя на стыке принципов рационализма и иррационализма, не признает какие бы то ни было установившиеся на государственном и надгосударственном уровнях общепринятые морально-этические и правовые нормы и ограничения.

В войне классического типа все более или менее ясно: кто свой и кто враг, кто наступает и кто обороняется, кто одержал победу, а кто потерпел поражение, какие именно силы стоят за каждой из воюющих сторон. Иное дело с войной против терроризма. В ней нет очевидных фронтов и строго очерченного круга участников, нет линии фронта, поскольку она идет чуть ли не повсеместно. В результате война с терроризмом оказывается войной с призрачным фронтом. В условиях, когда во все более растущей степени возрастают активность, роль и значение этого «мирового подполья» в ипостасях разного рода субнациональных и наднациональных террористических, криминальных и иных группировок и организаций, традиционные формы и средства сдерживания теряют в ряде случаев действенность и эффективность или просто перестают срабатывать.

В результате этих и связанных с ними процессов и тенденций уже в 70–80-х годах стало обнаруживаться, что сами принципы державности и сверхдержавности с точки зрения реальных возможностей одних государств навязывать свою волю другим постепенно претерпевают существенные изменения. Говоря словами Дж. Розенау, становится очевидным тот факт, что сверхдержавы не столь сверхдержавны, а малые страны не столь малы и слабы, какими они некогда были.

Несмотря на колоссальные успехи за последние годы в социальной, экономической, технологической, военно-технической и иных сферах силы и возможности Америки становятся все более рассредоточенными. Здесь нет надобности приводить множест-

во других общеизвестных фактов, которые свидетельствуют о неуклонном сокращении удельного веса экономической мощи США при одновременном восхождении других экономических держав. Отметим лишь то, что это один из множества аспектов происходящих в мире сдвигов. В итоге, ныне, как не без оснований заметил Г. Киссинджер, «бросать вызов Соединенным Штатам стало более безопасно»⁵³. Не могут США выполнить функции мирового полицейского и в силу стремительно растущего антиамериканизма в мировом сообществе. Постепенно обнаруживается, что геополитический триумф, достигнутый в непримиримой битве гигантов, постепенно теряет блеск и великолепие. Прежде всего, обращает на себя внимание, что бравада об однополярном миропорядке, на вершине которого якобы в гордом одиночестве восседает Дядя Сэм, во все более растущей степени не стыкуется с реальностями формирующегося нового миропорядка.

В современных условиях было бы сущей фантазией полагать что, скажем, Россия, Китай, Индия, Япония и другие страны просто откажутся от самоопределения и позволят кому бы то ни было решать за себя жизненно важные для себя вопросы. Обратной стороной попыток установления гегемонии станет противодействие гегемонии. Верно, что обеспечение международной безопасности и решение сколько-нибудь значимых для всего мирового сообщества проблем немислимо без США. Но ведь то же самое можно сказать и о России, Китае, Европейском союзе, террористах и т.д.

При всей обоснованности приведенных выше фактов повсеместного распространения западной культуры, имеет место широкое распространение по всему миру антизападных, прежде всего антиамериканских настроений. Это свидетельствует об ослаблении позиций Запада на идеологическом фронте. В этом плане можно согласиться с теми аналитиками, по мнению которых, самый ощутимый результат 11 сентября 2001 года – это потеря Западом не экономического и военного могущества, а утрата глобального идеологического лидерства. Косвенно эту реальность вынужден признать ни кто иной как З. Бжезинский, по мнению которого ныне возврат к началу 1990-х невозможен, прежде всего, в силу того, что процесс «политического пробуждения» развивающихся стран носит антизападный характер. «Антизападничество», констатировал он, стало «неотъемлемой частью меняющегося демографическо-го, экономического и политического баланса в мире». Этот аспект

Бжезинский оценивает как результат и показатель того, что «американское лидерство во многом утратило легитимность, доверие в мире к институту президентства в США подорвано, нравственная репутация Америки запятнана»⁵⁴.

* * *

* * *

* * *

Многие представители западных стран, посещающие Россию, на собственном опыте убеждаются в том, насколько имидж нашей страны, муслируемый на Западе, расходится с реальным положением вещей. Посол Швейцарии в России Вальтер Фечерин как-то заметил: «Я еще никогда не был в стране, имидж которой расходился бы в такой степени с действительностью. Репутация России значительно хуже, чем она есть на самом деле». Побывавший летом 2006 года в России Президент университета Virginia Commonwealth University Ю.П. Трейни счёл нужным заявить, что то, что он здесь увидел, «разительно отличается от той России, которую нам в Соединенных Штатах рисуют наши СМИ и политики. Приехав в Россию, я увидел растущее благосостояние, дух новаторства, прогрессивное образование и силу экономики, которая зиждется отнюдь не только на нефти и газе»⁵⁵. Примерно то же самое читается в брошюре Союза немецкой экономики в России, к которой в частности говорилось: «Если вы действительно начнете работать в России, вы забудете все, что когда-либо читали про Россию в немецких СМИ»⁵⁶. В аналогичном духе А. Стросс писал: «Несомненно, передовицы или материалы из рубрики «авторские статьи», публикуемые в ‘Washington Post’, из-за своей упорной, иррациональной враждебности к России выглядят просто скандально; то же самое можно сказать и об «авторских статьях» Wall Street Journal»⁵⁷.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что население западных стран имеет весьма ограниченное и смутное представление о происходящих в России событиях и процессах. Еще Ф.М. Достоевский, возмущаясь тем, что даже в самых образованных государствах про Россию распространяют «сущую нелепицу», удивлялся, что они проявляют так мало желания познакомиться с теми, кого все они испокон века ненавидят и боятся. Так, согласно опросу, проведенному в 2004 году в Германии, 43% немцев не знают ни одного российского писателя, а 67% — ни одного композитора⁵⁸.

В целом можно констатировать, что пока что не прослеживаются соответствующие современным реальностям имиджи России, ориентированные на мировую общественность. Здесь можно согласиться с профессором Колумбийского университета С. Сестановичем, который писал: «Когда на обложке журнала Economist появляется Путин, похожий на Аль Капоне, с газовой горелкой, странно напоминающей пулемет, понимаешь, что кремлевским пиарщикам предстоит много работы»⁵⁹.

В последние годы принимаются определенные меры для исправления данной ситуации. Речь идет в частности об открытии в 2005 году англоязычного телеканала Russia Today, ориентированного на Северную Америку, Азию, Африку и Австралию; запуск «Российской газетой» масштабного проекта подготовки специальных российских вкладок Trendline's Russia («Российские тренды») для ведущих газет мира: американского Washington Post, британского Daily Telegraph и китайского «Жэньминь жибао» в которых предполагается включить статьи об экономической, социальной, культурной и спортивной жизни России; издании журнала «Russia Profile», который выпускается в Америке и т.д.

В феврале 2005 года в России было создано Управление по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами при Администрации Президента Российской Федерации. При МИД РФ существует Российский центр международного научно-культурного сотрудничества (Росзарубежцентр), научными обментами занимается Российская Академия Наук, международные культурные проекты курирует Федеральное агентство по культуре и кинематографии. В 2006-м группу этих структур пополнила Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по международному сотрудничеству и общественной дипломатии.

Для выполнения задачи улучшения зарубежного имиджа нашей страны разработано и предложено множество проектов. За прошедший с того времени период в США и Европе были организованы множество художественных выставок российского искусства, международных форумов (как, например, («Валдайский клуб», «Диалог цивилизаций», «Петербургский диалог»), культурных проектов, запущен спутниковый канал, который вещает на английском языке для зарубежной аудитории и т.д.

При этом важно учесть, что в весьма насыщенном и характеризующемся высокой конкуренцией мировом информационном рынке весьма трудно завоевать свою нишу. Трудности усугубляют-

ся необходимостью пробиваться через клишированное представление о России, которое доминирует в ведущих западных СМИ. Необходимо выявить, что именно в России представляет интерес для зарубежной аудитории. Не менее важен вопрос об имидже самого телеканала и других СМИ, ориентированных на зарубежную аудиторию. Опыт телеканала «Аль-джазира» убедительно свидетельствует о том, что при соответствующих усилиях, подкрепленных профессиональными кадрами и средствами, можно завоевать свою нишу на конкурентном информационном рынке и доверие и привлекательность в глазах определенной части западной общественности. «Аль-Джазира» сумела завоевать авторитет благодаря альтернативной версии событий, разительно отличающейся от подхода американских СМИ.

В плане выстраивания доверительных отношений с зарубежной общественностью немаловажную роль играет так называемая публичная дипломатия. В ее реализации большую роль играют журналисты, аккредитованные в данном государстве, зарубежные неправительственные организации, она осуществляется через контакты между политическими партиями или организациями, а также через разного рода фонды, такие как фонды имени Конрада Аденауэра, Фридриха Эберта и т.д. «Особую категорию составляют студенты и представители творческих профессий, которым предлагаются обменные программы и стипендии. Классическим примером практики обмена учеными и молодыми лидерами является американская Программа Фулбрайта, которая уже несколько десятилетий играет роль моста между США и мировой интеллектуальной и политической элитой».⁶⁰

Важно учесть и такой момент. Чтобы борьба за имидж была успешной, нужно знать, с чем и за что бороться. Так, например, предположения о тотальной «русофобии» западного общества сильно преувеличены. В США, по данным Gallup, доля граждан, относящихся к России «благоприятно», в последние годы вдвое превышает долю относящихся «неблагоприятно» (это соотношение в целом лучше, чем отношение в России к США). В ведущих странах Западной Европы, по данным Harris Interactive, 58% опрошенных считают Россию скорее партнером, лишь 18% – источником угрозы: 56% поддерживали членство России в G8, а 45% – даже в ЕС.⁶¹

Это не исключает того, что те или иные конкретные действия нашего государства во внутривнутриполитической и внешнеполи-

тической сферах та или иная часть населения зарубежных стран может оценивать критически или отрицательно. Так, по данным Knowledge Networks, 68% американцев негативно оценили то, как Россия пользуется военной силой и угрозой ее применения. По данным World Public Opinion, несмотря на благожелательное отношение к России, большинство американцев (53%) считают, что она в целом негативно влияет на ситуацию в мире. По данным мартовского опроса GlobeScan и BBC World Service того же года, такая оценка характерна для 9 из 20 стран мира, в которых проводилось исследование. Позитивно влияние России в мире оценили жители Азии и Африки – нигерийцы, иранцы, индусы и китайцы, а также жители Саудовской Аравии и нескольких африканских стран⁶². Но, тем не менее, пока что нельзя говорить о системных усилиях российских властных структур, бизнеса, общественных организаций, направленных на доведение на постоянной основе объективной информации о реальном положении дел в стране, на более или менее привлекательную ее упаковку и маркетинг на западном информационном рынке, на нейтрализацию поток негативного имиджа России.

Следует отметить, что объективная оценка эффективности имиджевых кампаний в силу расплывчатости и неопределенности самого имиджа и его предназначения, представляет собой весьма трудную задачу. Немаловажным фактором, затрудняющим сколько-нибудь эффективное выполнение задачи создания позитивного имиджа является отсутствие сколько-нибудь четких сформулированных и более или менее общепринятых приоритетов и критериев его оценки. Эта задача тем более трудна в силу того, что пока что не проглядываются сколько-нибудь ясные контуры национальной идентичности России. Сами россияне все еще в должной мере не определили собственную национальную самоидентификацию.

Мы слишком легко усваиваем отрицательные мифы о себе, не всегда конструируемые не нами самими. Российская интеллигенция смотрит на свою родину, сами того не замечая, как бы сквозь чужие, изначально затуманенные очки.

Ныне только обозначаются контуры основных векторов формирования и утверждения облика и фундамента российской государственности, административно-политического и национально-территориального устройства России. Этот факт с особой остротой ставит вопрос о том, по какому именно пути пойдет Россия, какой именно облик приобретет административно-политическое и

национально-территориальное устройство России, окончательно ли определилась ее историческая судьба на путях демократии и федерализма, насколько крепок фундамент формирующейся новой государственности. В этом смысле, необходимо определить и понять, кто мы есть, прежде всего, куда мы хотим идти и куда в действительности идем? Необходимо стремиться формировать положительный международный имидж одновременно с поисками идеала, идейно-политических установок для внутреннего пользования.

В этом плане любое уважающее себя государство и его граждане не могут чураться пропаганды здорового национализма. Как говорится, национализм национализму рознь. Если под национализмом понимается любовь к своей Родине, то в таком национализме кроме хорошего ничего плохого нет. Возможно, прав английский журналист и исследователь А. Ливен, который утверждал, что основная проблема России сегодня – не недостаток демократии, а недостаток гражданского национализма⁶³. Такой национализм необходимо решительно различать от шовинизма и национального чванства. Такой национализм необходимо отличать также от этнизма, особенно применительно к многонациональным государствам. К примеру, индийский национализм, который стал знаменем национально-освободительного движения Индии, возник как отношение к этой стране как многонациональному, светскому государству. С данной точки зрения представляются весьма опасными всякого рода фобии в отношении разного рода «азерам», «хачикам», «чехам», «лицам кавказской национальности» и т.д., которые в последние два-три десятилетия получают все большее распространение в общественном сознании в значительной степени благодаря средствам массовой информации и деятельности властных структур. Здесь не могу не согласиться с А. Цыпко, который писал: «Русский национал-изоляционизм – это откровенная национальная измена, предательство по отношению к делу наших предков, которые завоёвывали Крым и Кавказ, прорубили через Балтийское море «окно в Европу». Это откровенное предательство по отношению к героям Полтавы, Измаила, Севастополя и т.д. Сегодня всё тот же национал-изоляционизм пытается вытолкнуть из России татар, чеченцев, башкир. И если дать волю этому самоубийственному стремлению, то от России не останется ровным счётом ничего»⁶⁴. Можно согласиться также с А. Громовым и И. Давыдовым, которое по этому вопросу высказываются более рез-

Имидж государства в конфликте идеологий

ко, полагая, что «главной чертой русского этнонационализма является его принципиальная и радикальная антинациональность. Можно даже без всякого парадокса сказать: антирусскость»⁶⁵.

* * *

* * *

* * *

Шансы войти в ряды ведущих мировых держав и сохранить такой статус имеют лишь те государства, которые располагают достаточными материальными и интеллектуальными ресурсами, научным потенциалом, общенациональной идеей, а также совпадающей с ней по социально-философской направленности национально-государственной доктриной или национальным идеалом. В таком идеале здоровый национализм не может не занимать одно из центральных мест в национальном идеале или национальном кредо.

Возникает вопрос: кем, где, как и на каких основаниях должна разрабатываться такой идеал? На этом пути не окажемся ли мы снова объектами еще одного грандиозного эксперимента? Очевидно, что просто ура-патриотическими лозунгами и подачей образа нашей страны в глянцево-обрамлении проблему также не решить. Государственно-бюрократический подход к формированию имиджевой стратегии дает наихудший результат. Естественно, нужно стремиться к большей свободе и демократии и под этим углом зрения допустима любая критика властей, вести бескомпромиссную и жесткую политическую борьбу за искоренение коррупции, лихоимства, непрофессионализма политиков и т.д. Крайний патриотизм, трансформирующийся в шовинизм, так же опасен, как и ненависть к своей стране. Но без разумного патриотизма невозможно построить тот стержень, который должен служить делу объединения государства. Поэтому представляются ущербными действия, способные разрушить его. Любое государство, в том числе и демократическое должно уметь защищать себя.

Необходима политика продуманной, не оторванной от реального положения вещей, стратегии освещения событий и процессов в стране в мировом информационном пространстве. В этом плане проблемой остаётся то, что ключевые политические шаги и меры осуществляются без соответствующего информационно-идеологического сопровождения. Это касается как внутристрановых, так и внешнеполитических проблем. К примеру, совершенно необходимые и, в конечном счете, неизбежные законодательные

меры по монетизации льгот вызвали недовольство определенной части населения, прежде всего, в силу того, что общественное мнение оказалось информационно и идеологически не подготовленным к их принятию. Как российская, так и международная общественность не получила внятного объяснения официальных властей причин и хода процесса по известному делу ЮКОСА. Сам процесс над Ходорковским и ЮКОСом был организован весьма неудачно, как показательный процесс в советском стиле.

Большой негативный резонанс, непонимание, критику в западном мире вызвало принятие Государственной Думой в декабре 2005 года закона о неправительственных, общественных объединениях (НПО). Как утверждал американский политолог О. Энкарнасьон, этот закон угрожает «повернуть вспять развитие гражданского общества и политического плюрализма, лишить независимые группы граждан возможности оспаривать действия правительства, реализовывать гражданские проекты в области защиты окружающей среды, прав человека, и в том числе различных меньшинств»⁶⁶.

При этом почему-то фактически игнорировался тот факт, что Россия, как справедливо констатировала британская журналистка М. Дежевски, «далеко не единственная страна, законодательными мерами запрещающая финансирование внутривнутриполитической деятельности из-за рубежа»⁶⁷. Проблемы не в последнюю очередь возникли из-за того, что должным образом не объяснили, что в других странах – скажем, во Франции, Израиле, США – деятельность НПО давным-давно регулируется законодательством. Не случайно оценка, данная нашему закону о НПО со стороны Совета Европы, была абсолютно корректной и позитивной.

В результате, мы сами даем в руки пишущей братии и политическим деятелям определенного уклона пищу для развязывания антироссийских идеолого-информационных кампаний. Как показали так называемые «революция роз» в Грузии и «оранжевая революция» в Украине, а также события в Киргизии, наша политическая наука, множество служб, именующиеся «политическими технологиями», так и политики продемонстрировали свою несостоятельность и неспособность даже в отдаленном приближении прогнозировать развитие ситуации на постсоветском пространстве и объяснить общественности их причины, чтобы как-то преградить Россию от нежелательных последствий подобного рода феноменов.

Имидж государства в конфликте идеологий

Разумеется, достижение поставленных целей в этом направлении в силу крайней насыщенности мирового информационного пространства и обострении конкуренции весьма трудная задача. Необходимо учесть, что создание, сохранение и «продажа» имиджей государства требуют огромных средств, усилий и времени. России необходимо расширить сферу имиджевой политики за счет инвестирования в долговременные образовательные и культурные программы. Анализ форм, путей и средств решения этой проблемы не входит в задачу данной работы. Но можно привести пример арабского телеканала «Аль-Джазира», который сумел завоевать авторитет благодаря альтернативной версии событий, существенно отличающейся от подхода американских СМИ.

* * *

* * *

* * *

На основе проведенного анализа можно утверждать, что имидж государства – представляет собой одно из ключевых составляющих и одновременно эффективный инструмент пропаганды, которая почти всегда представляет собой в той или иной форме «активизированную идеологию». На смену традиционным формам и методам массовой идеологической пропаганды приходят глубоко разработанные, многоуровневые и диверсифицированные PR-технологии, оказывающие глубокое влияние не только на рациональном, но и, прежде всего, на эмоционально-психологическом, подсознательном, иррациональном уровнях.

При оценке характера, направленности и эффективности такой идеологии необходимо принять во внимание следующий контекст. При всей примитивности аргументов сторонников концепции конца истории, можно согласиться в том, что мы действительно являемся свидетелями конца истории, в том смысле, что имеет место конец истории евро-центристского (или евро-американо-центристского) мира, созданного европейцами и американцами в их собственных интересах и интерпретируемого с их точки зрения. Да, конец истории евро-американо-центристского мира реальность, от которой никуда не уйти. Однако, признав, что знаменитая киплингская формула «Бремя белого человека» окончательно стала достоянием архива исторического лексикона, надо признать и то, что на мировую авансцену в качестве равновеликого субъекта истории уже выступил желтый человек. Одновре-

менно на этот статус все настойчивее претендует смуглый человек, который способен овладеть на Западе вслед за Argcelog много чем другим. Началась новая история полицентрического миропорядка. Западным, прежде всего, американским триумфаторам после первоначальной эйфории 90-х годов постепенно приходится осознать, что “конец истории” и «конец идеологии» так и не успел начаться. Так, что: Идеология умерла! Да здравствует идеология! Истории пришел конец! Да здравствует история!

По мере глобализации и появления на международной арене новых мощных акторов, подвергаются постепенной эрозии некоторые ценности, принципы и установки либерализма, в определенной степени служащего идеологической основой западной, прежде всего американской, версии глобализма и нового мирового порядка. Реальность состоит в том, что ни о какой гомогенизации, единении мира и культур, тем более макдональдизации, вестернизации, американизации речи нет и не может быть. Глобализация и информатизация ведут не только к гомогенизации, но одновременно к росту разнообразия, суть которого состоит в стремлении народов, коллективов, сообществ своей этнической, культурной, государственно-политической индивидуальности. Создается информационно-идеологическое многоголосие, в результате чего подрывается монополия Запада в этой сфере, он во все растущей степени ощущает информационно-идеологическое вторжение извне.

Само «человечество» представляет собой понятие абстрактное, метафорическое, объединяющее весьма разнородные, противоречивые, конфликтующие, воюющие друг с другом общности, преследующие разные, порой противоположные интересы и цели. У человечества в таком понимании не было, не могло быть, нет и не будет какой бы то ни было единой цели. Даже сугубо биологическое понятие «инстинкта самосохранения» представители разных национально-культурных традиций, народов, конфессий и т.д. трактуют по-разному.

Ни о какой гомогенизации, единении культур не может быть и речи. Дело в том, что информационные технологии способствуют, с одной стороны, интенсификации межкультурных взаимодействий, с другой стороны, дальнейшей диверсификации культур, что противоречит доводам относительно поглощения разнообразных культур некоей универсальной «глобальной культурой». Как представляется, ни общество в целом, ни культура не

могут гармонично интегрированными и унифицированными. Более того, в силу новых доселе невиданных возможностей и открытости неизменным спутником глобализации, как бы ее оборотной стороной стала фрагментация и дифференциация.

Имеет место, с одной стороны, конец евро-центристского мира, в котором доминирующие позиции занимают основополагающие параметры западной рационалистической цивилизации, и формирование единого мирового сообщества во всепланетарных масштабах. С другой стороны, мы являемся свидетелями диверсификации и дифференциации, которые составляют оборотную сторону глобализации и результатом чего является выдвижения на передний план национальных, религиозных, социо-культурных, политико-культурных и иных различий.

Универсальные ценности и установки сосуществуют с такими фрагментированными элементами как этно-национальные общности и культуры, кланы, корпорации, классы, характерные для них ценности, отношения установки и т.д. Не случайно ныне много говорят о “возвращении в Азию” Японии, “реиндуизации” Индии, “реисламизации” Ближнего Востока и даже о «девестернизации» всего Востока, понимаемого в самом широком смысле слова.

Глобализация не ведет к полному разрушению традиционных составляющих современного мира, не элиминирует связи между ними и новыми структурами, а модифицирует и в какой-то степени скрепляет ранее разъединенные элементы единого и взаимосвязанного мира. Поэтому, нельзя не согласиться с, на первый взгляд, парадоксальным утверждением Р. Робертсона и Х. Хондкера о том, что глобализация разрушает национальное государство, в то же время она укрепляет позиции национального государства как ведущего игрока в этом вопросе на мировой арене⁶⁸. И действительно, имеют место обе тенденции: единение мира без границ, с одной стороны, и укрепление национального государства, с другой.

Естественно, эти реалии не могут не служить препятствием на пути культурной, тем более, политической гомогенизации и гегемонии какой бы то ни было одной нации, одного государства или группы государств. По аналогии с тем, что первый человек возник в Африке или в Азии, всех людей нельзя назвать африканцами или азиатами, по факту широкого распространения американской культуры и английского языка всех современных людей нельзя считать

американцами. Более того, у многих народов она вызывает неприязнь и отторжение. Ее агрессивная экспансия воспринимается многими народами как своеобразный вызов их национально-культурной идентичности. Об обоснованности этого тезиса свидетельствует как бы внезапно вспыхнувший «карикатурный скандал», вызвавший яростную реакцию во всем исламском мире. Интерес представляется то, что повсеместное распространение американской культуры сопровождается стремительным ростом антиамериканизма почти во всем мире.

Здесь парадокс состоит в том, что Америка, которая существует в мире всего примерно 300 лет, взялась учить, как и на каких принципах должны жить народы, культуры, цивилизации, которые старше ее на несколько тысячелетий. При всех ее прямо таки потрясающих экономических и технологических достижениях, все же весьма проблематично, а вернее, просто непостижимо, что американская модель, сформировавшаяся в специфических геополитических и общественно исторических условиях примерно последних полтора-двух веков, может быть принята в качестве примера для подражания китайцами, иранцами, индийцами, цивилизации которых существовали на две-три тысячи лет раньше, чем родились Христофор Колумб и Америго Веспуччи, еще во времена похищения Европы – дочери финикийского царя.

Глава 3

О пользе и ущербности универсальных ценностей

На основе проведённого в предыдущей главе исследования можно сделать вывод о попытках определённой части западной, прежде всего, американской политической и интеллектуальной элиты придать весьма узкому комплексу либеральных идей и принципов, концентрирующихся вокруг прав человека, демократии и рыночной экономики, статус единственно верного учения в последней инстанции, одинаково пригодного для всех времён и народов. Предпринимаются попытки утвердить по аналогии с известной формулой максиму: «Западные ценности абсолютно верны, потому что их носители всесильны». В соответствии с этим учением, реалии современного мира пытаются трактовать в духе дихотомической формулы «или-или», где на одной стороне баррикад стоят носители так называемых универсальных ценностей (права и свободы человека – демократия – рыночная экономика), подаваемых в ипостаси единственно верного учения, а на другой стороне – другие народы и культуры, которые придерживаются иных ценностей, соответствующих их менталитету.

* * *

* * *

* * *

В свое время идеологи тоталитаризма объявляли все ценности, идеи и принципы неверными, если они хоть в чём-то не совпадали с их, так сказать, учениями. Теперь либералы-демократы пытаются убедить весь остальной мир в том, что они являются носителями единственно верного учения, пригодного для всех времен и народов. С сожалением приходится констатировать, что определенную лепту в этом направлении внесли некоторые весьма уважаемые представители либеральной общественно-политической мысли, которые пытаются анализировать мировоззрение мыслителей прежних исторических эпох, начиная от Античного мира, используя современный методологический инструментарий и критерии их принадлежности к тому или иному идейно-политическому направлению в современном их понимании. Речь идёт, например, о книге К. Поппера «Открытое общество и его враги»,

которая для либералов послевоенного Запада стала чем-то вроде евангелия⁶⁹.

По своей идеологической ангажированности и неразборчивости в выборе средств и приемов очернения противников (здесь я вывожу за скобки профессиональный уровень и морально-этические критерии) работа Поппера разительным образом напоминает труд известного марксиста «Материализм и эмпириокритицизм». В обоих случаях принципы научной объективности и профессиональной этики приносятся в жертву идеологической целесообразности. Здесь все, кто так или иначе не разделяет позиции либерализма XX века, огульно, без разбора, безраздельно причисляются к когорте тоталитаристов всех мастей. В их число включён весьма широкий круг мыслителей от Гераклита и Платона до Гегеля и, естественно, Маркса, без которых вся западная философская традиция, с её сложностью, многогранностью, богатством сводится к противостоянию между «нашими», т.е. сторонниками либерализма и открытого общества, с одной стороны, и их врагами, с другой стороны.

Главное остриё критики Поппера направлено против Платона. Если марксисты-ленинцы просто критиковали Платона за то, что он не осознал марксистское понимание общественно-исторического процесса как результата классовой борьбы, то Поппер посвятил довольно объёмистый первый том своего двухтомного труда зубодробительному разоблачению и развенчанию Платона как отца-основателя современного тоталитаризма и, соответственно, как главного виновника порождённых им бедствий на том основании, что он будто был врагом открытого общества и либеральных ценностей. У Поппера Платон – основатель современного коммунизма, фашизма, органической теории государства, теории классовой борьбы, биологической и расовой теории, историцизма, евгеники и множества других зловередных теорий. Никак не может устраивать Поппера и то, что Платон обосновывал мысль о примате общества и государства перед отдельным индивидом, о невозможности жизни человека вне общества и государства. И всё это говорится о человеке, жившем и творившем за два с половиной тысячелетия до возникновения всех названных феноменов.

Весь смысл книги Поппера – выяснение того, соответствуют ли идеи и принципы Платона идеям и принципам современного либерализма в том виде, как эти последние понимал сам Поппер. С сожалением приходится констатировать, что тот крайний пре-

зентизм и крайняя идеологическая ангажированность (я бы сказал – даже агрессивная идеологическая ангажированность), с помощью которых Поппер пытался развенчать и разоблачать величайшего мыслителя древности, представляют собой нечто, выходящее далеко за пределы научного анализа. По сути дела к Платону предъявляются требования и претензии, которые были бы уместны, в лучшем случае, скажем к Гегелю, Марксу, Кейнсу, но никак к представителю совершенно другой цивилизации, жившему два с половиной тысячелетия тому назад. К тому же тоталитаризм, по мнению подавляющего большинства серьезных исследователей, представляет собой феномен современности, точнее, XX века.

Как великий мыслитель Платон стремился вникнуть в великие тайны мироздания и, открывая великие истины, был вправе допустить и великие ошибки, которые порой бывают важнее маленьких истин, вроде тех, которые в наши дни пытаются предложить наследники Поппера всему остальному миру. Не случайно, христианство и даже ислам пытались обосновывать некоторые свои догматы, основываясь на идеях, заимствованных у него. Как справедливо подчеркивал А.Ф. Лосев, «Платон оказалась какой-то вечной проблемой истории человеческой культуры, и пока нельзя себе представить, когда, как, при каких обстоятельствах и кем эта проблема будет окончательно разрешена»⁷⁰.

Платон слишком крупная и значимая, слишком сложная, многосторонняя и трудно поддающаяся разгадке величина, чтобы можно было сводить все богатство, разнообразие, сложность, величие его воззрений к весьма редуцированной версии тоталитаризма. Здесь очевиден тот факт, что при причислении Платона, равно как и всей бесчисленной плеяды мыслителей далёкого и не столь далёкого прошлого к сонму тоталитаристов Поппер по сути дела руководствовался пресловутым принципом «или ты с современными либералами, или ты враг либерализма, стало быть, тоталитарист». Здесь всё понятно, как чёрное и белое. Других оттенков просто нет и быть не может.

Что касается оценки взглядов Платона по критериям закрытости-открытости, тоталитаризма-либерализма, то они в данном случае просто не приемлемы, поскольку открытое общество с его основополагающими атрибутами либеральной демократии, гражданского общества, правового государства и т.д. является историческим феноменом, возникшем в отдельных регионах западной ветви человечества в Новое время. Кстати, существенный

вклад в разработку теории гражданского общества и правового государства внёс именно причисляемый Поппером к тоталитаристам Гегель. Во времена же Платона по важнейшим критериям открытости-закрытости просто не могло быть речи о каком бы то ни было разграничении общества и государства, о противопоставлении человека, общества и государства. Как не без оснований подчёркивал Гегель, «что человек свободен сам по себе, по своей субстанции, что человек рожден свободным, этого не знали ни Платон, ни Аристотель, ни Цицерон, ни римские юристы, хотя это понятие есть источник права»⁷¹. С точки зрения системной или мировоззренческой парадигмы, воззрения Платона мало в чём расходились с идеями его учителя Сократа и ученика Аристотеля.

Примерно в таком духе можно оценивать некоторые положения выдвигавшиеся одним из ведущих представителей экономического либерализма Ф. фон Хайеком в его известной работе «Дорога к рабству». Подвергнув справедливой и обоснованной критике советский социализм как путь, ведущий к тоталитаризму или как говорил сам Хайек, к рабству, он обрушивается на любые формы коллективизма, плановых принципов ведения хозяйства, государственного вмешательства в экономическую жизнь, рассматривая их как неизбежную предпосылку перерождения в рабство. Сам Хайек и его сторонники наряду с советским социализмом к этой категории относили европейские социал-демократические модели организации социально-экономической системы, а также новый курс Ф.Д. Рузвельта, т.е. ту стратегию, с помощью которой, как справедливо отмечал А.М. Шлезингер-мл, капитализм был спасён от капиталистов.

Я весьма далёк от того, чтобы отождествлять этих деятелей с радикализмом, фундаментализмом, тем более, с тоталитаризмом. Более того, убеждён в том, что они сыграли немаловажную роль в развенчании и несостоятельности всех форм тоталитаризма в качестве приемлемой формы государственного устройства. Возможно, в тот конкретный период острой борьбы за ценности прав и свобод человека против ползучего наступления тоталитаризма характерный для их работ определённый радикализм был оправдан и допустим. Но фактом является то, что в нынешних условиях их установки, возможно, в сильно выхолощенной форме используются для конструирования фундаменталистских схем мироустройства на уровне крайне приземлённых, редуцированных, я бы сказал, арифметизированных принципов западного либерализма.

Ведь тоталитарные идеи и установки также возникли в результате такой же операции в отношении отдельных идей, исповедовавшихся приверженцами либерализма. В этом плане нельзя забывать, что левый тоталитаризм представляет собой феномен XX века, что это порождение Просвещения, западной рационалистической цивилизации, попытка реализации на практике неких универсальных ценностей и принципов интернационализма, своеобразно понимаемых идей свободы, равенства и братства всех народов. Именно идеи Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, лозунги «свобода, равенство, братство» Великой Французской революции породили классический либерализм, который создал условия для возникновения марксизма, в свою очередь, переродившегося в процессе последовательных трансформаций в ленинизм, сталинизм, маоизм и другие более мелкие варианты левой тоталитарной мысли.

По сути дела предпринимаются попытки установить монополию одной системы мировидения, которая представляет собой ни что иное как своеобразную форму секулярной религии. Всех тех, кто не приемлет ее, рассматривают как врагов цивилизованного мира. В сущности все, что не вкладывается в рамки западной либеральной парадигмы объявляется мракобесием, фанатизмом, реликтами ушедших миров, терроризмом и т.д.

Предъявляются претензии на то, чтобы распространить свои ценности и идеи, провозглашённые универсальными, по всему миру, всеми средствами, включая, когда это необходимо, и вооружённую силу. Эти ценности в понимании части западной интеллектуальной и политической элиты по сути дела превратились в орудие сильных для порабощения слабых. Здесь можно согласиться с И. Валлерстайном, который писал: «У сильных — сильных политически, экономически, социально — есть возможность выбора между агрессивной враждебностью к слабым (ксенофобия) и великодушным принятием “различия”. В любом случае они остаются привилегированными. Слабые — или, по крайней мере, более слабые — могут поправить (хотя бы частично) неблагоприятное положение, только настаивая на принципах группового равенства»⁷².

Как верно отметил М. Уолцер, «преступления в XX веке совершались как извращенными патриотами, так и извращенными космополитами. И если фашизм представляет первое из этих извращений, то коммунизм, в его ленинистской и маоистской версиях, представляет второе. Разве репрессивный коммунизм — это

не дитя универсализации Просвещения? Разве он не учит антинационалистической этике... Партикуляризм, который исключает более широкую лояльность, поощряет аморальное поведение, но так поступает и космополитизм, отвергая более узкую лояльность. И то, и другое опасно; спор нужно вести в иных терминах»⁷³.

Теперь же приверженцы либерально-демократического, рыночного фундаментализма рассуждениями и доводами об общих ценностях по сути дела маскируются защита и продвижение собственных интересов. Проталкивая свою истину, то бишь свои интересы допускается использование любых средств вплоть до самых современных вооружений, невзирая на то, что, как показал иракский казус, это может привести к сотням тысяч ни в чём не повинных жертв. Более того, поскольку носителям этого учения нужна одна только победа, война считается вполне законным и оправданным средством ее достижения. Здесь на передний план выступает другой принцип всех радикальных революционеров: «Цель оправдывает средства». Триадой ценностей «жизнь, свобода, частная собственность» оправдывают самые жестокие преступления государственного масштаба, подпадающие под категорию преступлений против человечества и, соответственно, подлежащие международному суду.

Здесь этот принцип по определению не может не быть ущербным, независимо от того, кем и как он применяется. Взятая сама по себе в чистом виде бесплодна как чистота помыслов йогов, проповедующих абсолютное воздержание, так и чистота революционеров, призывающих к сверхактивности в форме прямого действия с целью разрушения старого мира до основания и создания на его обломках нового совершенного мира. Как отмечал А. Камю, «оба эти типа людей, в равной степени далекие от реальности, воплощают два вида бессилия: бессилие добра и бессилие зла»⁷⁴.

Когда отдельный человек или приверженцы какого-либо учения проникаются уверенностью в том, что они овладели окончательной истиной, своего рода универсальным ключом к решению всех проблем и достижению гармонии, они рано или поздно проникаются уверенностью в близкой достижимости царствия правды и справедливости. В итоге, даже передовые по своему первоначальному замыслу социально-философские и идейно-политические системы оказываются замкнутыми системами, базирующимися на неподвижной основе и предусматривающими втиснуть

реальную жизнь в прокрустово ложе отвлеченных и искусственных одномерных конструкций. Массовизация, демократизация любой идеи ведут к потере ею способности саморазвиваться, реально оценивать положение вещей в мире, к энтропии познавательных интенций, прогрессирующей потере чувства реальности. Пропорционально растет ее нетерпимость и закрытость, постепенно превращаясь в некое подобие религии. И действительно, радикализм любого рода, как правило, приводит к саморазрушению, поскольку многообразие реальной жизни нельзя втиснуть в прокрустово ложе каких бы то ни было теорий, какими бы совершенными, на первый взгляд, они ни были. Если радикалы одерживают верх, они вдобавок сеют семена разрушения самого общества или же сами сознательно разрушают его. Как говорится, у слепой веры – злые глаза.

Феномены общественной жизни, человеческие деяния не всегда и не обязательно можно измерить и оценить некими объективно данными универсальными или общечеловеческими мерками. Их нельзя втиснуть в прокрустово ложе арифметической формулы дважды два – четыре. Здесь скорее часто, чем реже, результатом бывает иная, чем четыре, величина. Здесь не действует математическая истина, согласно которой две параллельные линии никогда не пересекаются. Они не пересекаются на бумаге, а в реальной жизни, где сталкиваются множество разнонаправленных, противоречащих, конфликтующих между собой интересов, устремлений, целей, идеалов, и т.д., они могут, да ещё как, пересекаться. Поэтому, человеческие деяния нельзя мерить какими бы то ни было точными формулами, принципами, ценностями, пригодными для всех времен и народов. В этой сфере наука кончается там, где исследователь ставит перед собой задачу, во что бы то ни стало найти именно соответствующую условиям той или иной формулы точную величину.

Иными словами, принципы, доведенные до абсолюта, могут оказаться пустыми или вырождаться в слепое упорство и слепую верность однажды заявленным кем-то и для чего-то идеям или ценностям. К примеру, максима «На том я стою!» в одних случаях можно трактовать как преданность какому-либо высокому нравственному принципу, а в других случаях – как кондовое упорство, не имеющее ничего общего с принципиальностью. В то же время любая идея, тяготеющая к универсализму, какой бы совершенной и гуманной она ни была, доведенная до логического конца, превра-

щается в свою противоположность и рано или поздно становится одним из составляющих той или иной формы тоталитаризма, хотя, возможно, и с человеческим лицом.

Из этого правила не является исключением даже такое, казалось бы, однозначно гуманистическое по своей ориентации экологическое движение, отдельные течения которого при защите своих позиций впадают в такой радикализм, что сближаются с религиозным фундаментализмом. Показательно, что некоторые представители самого экологического движения проявляют обеспокоенность тенденциями к появлению «зеленых аятолл» или «экофашистов», навязывающих человечеству собственный вариант спасения.

* * *

* * *

* * *

На Западе отчётливо должны понимать, что то, как его народы смотрят на себя и на остальные народы земного шара, не всегда и не совсем совпадает с мнением самих этих народов. Человеческие особи, равно как и человеческие сообщества, настолько индивидуальны и своеобразны, что не может быть каких бы то ни было универсальных ценностей, одинаково пригодных для всех народов, или всех человеческих сообществ. Разумеется, жизнь, права и свободы человека бесценны. Их разработка и принятие в качестве важнейших принципов и норм взаимоотношений людей стали величайшим достижением западного человечества, сыгравшим колоссальную роль в его социально-экономическом, общественно-политическом и технологическом прогрессе. Поэтому следует признавать, защищать, всячески способствовать утверждению во всемирном масштабе универсальных ценностей прав и свобод человека, справедливости, демократии, бороться против любых форм и проявлений тирании, деспотизма, тоталитаризма и т.д. Более того, можно согласиться с Т. Джефферсоном, который говорил, что древо свободы нуждается в том, чтобы его каждые двадцать лет поливали кровью тиранов. В этом смысле, возможно, совершенно справедливо были обезглавлены Карл I и Людовик XVI. Такие акты можно рассматривать как неизбежные спутники или издержки того созидательного разрушения, инструментами которого выступают разного рода революции.

Но нельзя допускать использование этих ценностей для экспорта демократического, рыночного и иных форм фундамента-

лизма. Во всяком случае, при нынешнем положении вещей, комплекс этих ценностей может быть предложен человечеству в качестве некоего идеала, а не единственного пути решения стоящих перед мировым сообществом проблем. Идеал можно сравнить с вогнутой линией горизонта, к которой человек стремится, но дойти до которой ему не суждено. Человек, человеческие сообщества могут или должны стремиться к совершенному жизнеустройству. Но в истории никогда не было, нет и никогда не будет во всем совершенного мироустройства.

Человек действительно является центром мироздания, в том смысле, что само мироздание как объект познания немислимо без познающего его человека. Под этим углом зрения человека действительно можно считать мерой всех вещей, особенно, что касается созданного им мира культуры. Но это не означает необходимость отказа от традиций, культур, менталитета остальных народов. Ведь с появлением теории относительности ни одному физика не пришла в голову мысль о необходимости отказа от ньютоновской картины мира, но были определены границы её применимости. Или же изобретение самолёта как средства передвижения не привело к отказу использовать в таком качестве автомобиль, а его изобретение, в свою очередь – к отказу от железнодорожного транспорта, а в определённых условиях – и от гужевого транспорта.

При наличии одной единственной и универсальной истины отпадает сам вопрос о свободе поисков истины. Здесь уместно напомнить позицию У. Джеймса, который говорил, что нам нужен мир не без убеждений, которые нам не нравятся, а мир, в котором люди признают, что их право на свои убеждения не даёт им права навязывать такие убеждения другим. Поэтому, декларируя и защищая свободу слова, нельзя забывать, что, например, свобода вероисповедания предполагает свободу исповедовать или не исповедовать религию. Это свобода всех без исключения религий, в том числе секулярной религии, свобода любого светского мировоззрения. Однако приверженцы новой религии используют превратно понимаемую свободу слова как свободу оскорблять представителей других народов и культур. Такая свобода в качестве универсальной ценности не стыкуется с интересами обеспечения жизнеспособности тех или иных сообществ и минимально необходимой для современных реальностей геополитической стабильности. Карикатурные провокации (иначе их не назовёшь), составленные на основе принципе безграничности свободы слова, являются по

сути дела одним из проявлений пропаганды расизма, превосходства одних народов (естественно, белых, якобы передовых и цивилизованных) над другими (небелыми, якобы отсталыми и нецивилизованными) народами. Поэтому представляется не случайным та яростная реакция во всём исламском мире, которую вызвал как бы внезапно вспыхнувший «карикатурный скандал». Такие скандалы льют дополнительную воду на мельницы разного рода новых бин Ладенов.

Отсюда вытекает, что нельзя доводить до абсурда любую идею или ценность, в том числе и формулу «человек мера всех вещей», права и свободы человека, демократию в западной упаковке и т.д. Полная, никем и ничем не ограниченная, свобода человека, рассматриваемого как меру всех вещей, означала бы перенесение на общество пресловутого закона выживания наиболее приспособленных к жизни, главное предназначение которого состоит в оправдании права сильного подчинить своей воле слабого. Избыточная, слишком восторженная вера в человека, и человек, предоставленный самому себе, при определенных условиях могут быть просто опасны. Если человек – мера всех вещей и нет над ним какого-либо другого начала, которое выше его самого, то, естественно, что его неотступно преследует соблазн сделать категорическим императивом руководства в жизни максимум: “Что хочу, то и делаю”. Говоря словами Ивана Карамазова, если бессмертия нет, «если бога нет, то все позволено», в том числе и покончить жизнь самоубийством, как это сделал Кириллов из «Бесов» М. Достоевского. Или же, как утверждал один из героев Г. Маркеса, солдат революции, «мы делаем революцию, чтобы можно было жениться хоть на собственной матери». Ведь можно захлебнуться такой свободой. Если бы каждому отдельно взятому человеку было бы позволено делать все, что он пожелает, то он тоже не был бы свободен, поскольку то же самое было бы вправе делать и остальные члены общества по отношению к нему самому. Если Дж. Бушу-мл позволено разрушить и дать на разграбление национальный музей древностей в Багдаде и расположить военные части на развалинах Вавилона, то почему Аль-Кайда должна быть лишена права атаковать какой-нибудь объект в Вашингтоне или Нью-Йорке?

Поэтому неправомерно говорить о некоей абстрактной свободе, естественной свободе, которая ни в так называемом “естественном”, ни в общественном или ином состоянии не существовала,

не могла и не может существовать. Негативно трактуемая свобода с ее отрицанием власти и авторитета неизбежно ведет к анархии, и в конечном счете к той или иной форме деспотизма, ибо свобода, не знающая пределов, как правило, рано или поздно превращается в свою противоположность. При этом нельзя забывать и тот факт, что государство, облаченное ничем не ограниченной властью, способно стать безжалостным левиафаном, признающим только свою власть и использующим все средства вплоть до превращения всех своих подданных в бессловесных рабов. Причем, государство, вернее, те, кто стремятся к неограниченной власти, нередко действуют именем свободы, используя при этом существенные характеристики самого человека, в том числе и человека, претендующего на неограниченную свободу.

Верно, что человек мера всех вещей, поскольку жизнь дается человеку один единственный раз. Он появляется в этом мире с обязательным обратным билетом в Небытие. Это верно как к Платону, так и к Чикатило. Платон – человек, Чикатило – тоже человек. Возникает сакраментальный вопрос: могут ли оба они на равных основаниях претендовать на то, чтобы называться мерой всех вещей? Это же вопрос, правда, как говорится, в совершенно иной упаковке можно поставить применительно к Саддаму Хусейну и Джорджу Бушу-мл. Тем более, по многим параметрам при всех различиях ценностного и т.д. плана они отнюдь не выглядят антиподами. Во всяком случае, и на том, и на другом достаточно крови множества ни в чём не повинных людей – на первом тысячу, в худшем случае десятков тысяч, а на втором – сотен тысяч людей. Просто Хусейна нарекли чудовищем на том основании, что, будучи слаб, он потерпел поражение и в результате устроенного победителями фарса суда, был убит, а Буша назвали борцом за свободу и справедливость на том основании, что, будучи сильнее Хусейна, одержал над ним победу.

* * *

* * *

* * *

Необходимо отметить, что предлагаемые в качестве универсальных и обязательных для всех народов ценности прав человека, политической демократии и рыночной экономики являются частным случаем более фундаментальной, действительно универсальной, действительно общечеловеческой ценности, облеченной в форму Золотого правила или категорического императива. Что-

бы объяснить эту мысль, считаю целесообразным сделать краткий экскурс в историю морально-этической мысли.

Золотое правило – одна из древнейших нравственных заповедей человечества. Наиболее распространенной его формулировкой является следующая: “Поступай всегда по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе” или “не делай другому того, чего не желаешь себе”. Норма золотого правила встречается с древнейших периодов писаной истории человечества у многих народов. В письменной форме оно, по-видимому, было сформулировано в «Поучениях писца Ахикара», Ахикаром, служившем при ассирийском царе Синахерибе (705–681 до н.э.), который наставлял своего сына, говоря: «Сын, что тебе кажется плохим, ты не должен также делать товарищам». Эта формула в различных формулировках повторяется во множестве и множество раз в многочисленных документах от Ветхого завета, сочинении Конфуция «Лунь Юй» («Не делай другим того, чего не пожелаешь себе» (XV, 24), «Махабхараты» («Те поступки других, которые человек для себя не желает, что самому неприятно, пусть не делает другим людям» (Кн. XII, гл. 260), мыслителей Античности (Один из Семи мудрецов – Фалесу на вопрос: «Какая жизнь самая лучшая и справедливая?» ответил: «Когда мы не делаем сами того, что осуждаем в других» и т.д.)

Самую развернутую и адекватную его формулировку мы находим в Евангелиях от Матфея и Луки: «Итак, во всем как хотите, чтобы с Вами поступали люди, так поступайте и Вы с ними, ибо в этом закон и пророки (Мф, 7,2); «И как хотите, чтобы с Вами поступали люди, так и Вы поступайте с ними» (Лк, 6,31). Эти формулировки, резюмировавшие основной смысл этического учения Иисуса, развернутую в Нагорной проповеди, предопределили важное место золотого правила в истории европейской философии и культуры.

В Новое время Т. Гоббс утверждал, что Золотое правило – это «закон объемлющий все прочие законы», а Дж. Локк рассматривал его как «самое непоколебимое нравственное правило и основа всякой общественной добродетели». Примерно аналогичной позиции придерживался И. Кант, который, впрочем несколько видоизменил норму золотого правила в своем учении о категорическом императиве. Категорический императив (лат. imperativus – повелительный) – базовое понятие этики И. Канта, означающее общезначимое нравственное предписание, имеющее силу безу-

словного принципа человеческого поведения. Суть его в формуле: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»⁷⁵. В этом смысле, как считал Кант, нравственность может и должна быть абсолютной, всеобщей, общезначимой, то есть иметь форму закона. Согласно так понимаемому категорическому императиву, Я всегда должен поступать только так, чтобы Я также мог желать превращения моей максимы, или моего личного принципа во всеобщий закон.

Поэтому неудивительно, что Золотое правило стало универсальной нравственной формулой человечества. Исторически это правило фигурировало под разными наименованиями: краткое изречение, принцип, основной принцип, заповедь, поговорка, предписание и т.д. Как бы вынося за скобки природные, социальные, профессиональные и иные характеристики, Золотое правило рассматривает человека всецело как морально-нравственного субъекта, ответственного за все свои действия, направленные на другого человека – такого же морально-нравственного субъекта, ответственного за свои действия.

Правовые нормы, начиная от талионного права и кровной мести (что, собственно говоря, является одной из форм практического использования норм талионного права) до современных форм правового регулирования взаимоотношений основаны на норме Золотого правила. При определённом толковании положение талионного права «зуб за зуб» «жизнь за жизнь» мало чем отличается от призыва «не убий». Но человек, которому дозволено все, в том числе нарушение Золотого правила, категорического императива, согласно которому моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека и т.д., не вправе и не может быть мерой всех вещей.

Очевидно, что норма Золотого правила выработана человеческим гением и мудростью в течение тысячелетий, а нормы прав и свобод человека, правового государства и рыночной экономики представляют собой творения, сформулированные западным человечеством в течение последних двух-трёх столетий, в конкретных социо-культурных, политико-культурных реальностях евро- или точнее, западо-центристского мира, на основе особой, характерной только для него мировоззренческой парадигмы для защиты своего образа жизни, своей модели жизнеустройства, своих ценностей принципов, институтов и т.д.

* * *

* * *

* * *

До сих пор философы объясняли мир таким, каков он есть, задача состоит в том, чтобы изменить его. Именно этот знаменитый тезис К. Маркса взят на вооружение современными либерально-демократическими, рыночными фундаменталистами. Они предлагают принимать мировые реалии не такими, какие они есть на самом деле, а какими они должны быть, т.е. отказаться от мира реального и принимать виртуальный, идеальный мир, сформулированный в кабинетах разного рода мечтателей, поставивших своей целью теми или иными рецептами осчастливить человечество. При этом упор делается не просто на изменение отдельных неудобных Западу политических режимов, а ценностные системы, на которых зиждутся мировоззренческо-парадигмальные составляющие жизнеустройства народов.

Политика по самой своей природе предполагает ее одобрение или осуждение, выбор или отклонение. В глазах заинтересованных лиц в принципе политика не может быть нейтральной, поскольку она сопряжена с выбором, принятием решений, приверженностью, оценкой и т. д. Она тесно связана с такими ключевыми категориями человеческой жизни как добро и зло, сущее и должное, достойное и недостойное, справедливость и несправедливость. В сфере, где человек занимает центральное место, нельзя игнорировать то, что можно обозначить понятием “человеческое измерение”. Или, иначе говоря, там, где речь идет о понимании и толковании человека, человеческих целей, непременно присутствует морально-этическое, ценностное начало.

Доводы относительно того, что политика должна основываться исключительно на прагматизме, что “чистые руки”, т.е. мораль, несовместимы с политикой, не во всем соотносятся с сущностью политики. В этом контексте неправомерна сама постановка вопроса в форме противопоставления морали и политики. В реальной действительности, политика реализуется в поле пересечения власти и морали. Задача политика состоит в том, чтобы найти оптимальную линию для адекватного отображения мира политического и, соответственно, поиска оптимальных для всего общества решений. Здесь особенно важно не допустить перехлеста в какую-либо одну сторону: профессионализма в ущерб нравственности и, наоборот, нравственного начала в ущерб профессионализму, или

же подчинение императивов права императивам нравственности и, наоборот.

В жизни, особенно в политической, нередки случаи, когда буквалистская, бескомпромиссная приверженность принципу, диктующему всегда и всюду придерживаться его без учета возможных последствий, может привести к непредсказуемым и непоправимым последствиям. Для опытного политика из любого правила или принципа должны быть исключения. Например, во все времена властители, да и политические мыслители отстаивали допустимость лжи во имя укрепления существующей системы, считая ложь во благо вполне допустимым средством политики. Железный канцлер О. Бисмарк как-то заметил: “политик может со спокойной совестью лгать в трех случаях – перед выборами, во время войны и после охоты”. Было бы чистейшей воды лукавством утверждение, что такой-то вполне уважаемый крупный политик или государственный деятель (скажем, У. Черчилль, Ф. Рузвельт, Ш. де Голль) никогда не прибегал к обману, передергиванию или искажению фактов, когда это диктовалось (или так полагали) высшими интересами нации и государства.

В политике необходимо проводить различие между практической целесообразностью и нравственно допустимым. Способность обеспечивать такое различие и делает политику “искусством возможного”, требующим от всех сторон, вовлеченных в политику, способности и готовности идти на компромиссы. Поэтому политику можно было бы характеризовать также как “искусство компромисса”. Достижение приемлемого для всех сторон компромисса требует интуиции, воображения, дисциплины, опыта, умения и т.д. Разумеется, идеальным является тот политик, который стремится к достижению наибольшего блага для наибольшего числа людей. Но ни один политик не может гарантировать этого, тем более предвидеть все возможные последствия своих действий. Политик зачастую оказывается перед дилеммой либо принимать непопулярные и жесткие меры, которые не выдерживают критики с гуманистической и моральной точек зрения, либо, отказавшись от их принятия, оказаться перед перспективой еще более усугубить ситуацию.

Однако особенность всех этических проблем политики обуславливается тем, что она теснейшим образом связана с насилием. К тому же нередко политику отождествляют с корыстным интересом, а нравственность с бескорыстием. “Кто ищет спасения

своей души и других душ, – писал М. Вебер, – тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи – такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви»⁷⁶. Особенно отчетливо верность этого тезиса обнаруживается в сфере международных отношений. Люди в большинстве своем, как правило, отрицательно или с презрением относятся к неспровоцированному убийству и насилию. Так же они относятся и к войне. Однако во внешнеполитической сфере забота о собственной безопасности является определяющим мотивирующим фактором для всех членов международно-политической системы. Главным предназначением государства стали ликвидация или блокирование опасности и стремление обезопасить себя от угроз, исходящих от других акторов мировой политики. Центральное место в их усилиях занимает защита национально-государственных интересов. Поэтому в определенных ситуациях использование силы для этой цели становится неизбежным и, более того, желательным и необходимым.

При таком положении вещей соблюдение норм морали становится весьма трудным делом. Не случайно, что многие исследователи характеризуют международную политику как а-моральную или имморальную. Эта аморальность питается тем, что внимание каждого актора международной политики концентрируется на реализации собственных корыстных целей и интересов, а также осознанием того, что не все акторы играют, соблюдая одни и те же правила игры. Правительства, призванные защищать интересы своих граждан от любой внешней угрозы, не тождественны отдельно взятым гражданам отдельно взятого государства. Поэтому моральные нормы, которым руководствуются отдельные индивиды, не могут служить руководящими нормами для государства. На международной арене главным приоритетом для государства является защита национальных интересов. Эта цель перевешивает любые требования относительно корректного поведения в отношении других акторов. Ситуация еще больше осложняется тем, что разные акторы руководствуются разными культурными и моральными системами.

Например, пацифизм, приверженцы которого ставят под сомнение правомерность с нравственной точки зрения использования силы в решении как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических проблем, как нельзя лучше отвечает общепринятым

морально-этическим императивам. Одним из важнейших принципов пацифизма является приверженность делу разоружения. И действительно, если убийство, насилие и, соответственно, война, которая ассоциируется с ними, аморальны, то, казалось бы, любой человек, приверженный принципам морали, должен был бы выступить против накопления орудий войны, за разоружение.

Но на практике дело обстоит значительно сложнее. Приверженцы пацифизма по сути дела в должной мере не учитывают тот факт, что одна из главных целей правительства любого государства является обеспечение безопасности своих граждан от внешней опасности. Более того, действия правительства в направлении одностороннего ограничения вооружений или разоружения в мире, напичканном самыми современными вооружениями, именно с моральной точки зрения были бы весьма сомнительными.

В сфере международной политики сила играет центральную роль, поскольку она позволяет стране защищать и реализовывать свои национальные интересы. Разумеется, и здесь во все более растущей степени при решении межгосударственных споров используются невоенные и несиловые средства и методы. Однако, когда эти последние оказываются неэффективными, государство выказывает готовность прибегать к силе. Бывают случаи, когда государство, демонстрируя недостаток или отсутствие воли вооружаться и подготовиться дать достойный отпор возможному противнику, способно стимулировать последнего перейти Рубикон и начать войну.

Именно отсутствие такой воли у правительств Великобритании и Франции во второй половине 30-х годов XX века, сделавших ставку на политику умиротворения Гитлера, во многом послужили для последнего стимулом к развязыванию Второй мировой войны. Разумеется, при оценке уже свершившихся исторических фактов аргументы в сослагательном наклонении неприемлемы. Но все же представим себе, что в 1933 г. Франция и Великобритания применили силу, чтобы не допустить к власти А. Гитлера, нарушив тем самым принцип невмешательства во внутренние дела другого государства.

Очевидно, что большинство государств заклеило бы их действия, как противоречащие международному праву и морально-этическим нормам взаимоотношений между государствами. Но, может быть, эти действия предотвратили бы начало той всемирной кровавой бани, которую устроил нацистский режим Германии. То

же самое верно и в отношении политики умиротворения Н. Чемберлена и Даладье, которые своей установкой на достижение мира и стабильности любой ценой пошли на заключение Мюнхенского сговора, тем самым, возможно, помимо своей воли попустительствовали агрессору.

Государственный деятель, прежде чем принять то или иное решение, в том числе решение о применении насилия или объявлении войны, должен сообразовать его с возможными последствиями. Непротивление насилию, отказ от принятия решения об использовании насилия там, где это чревато еще более серьезными последствиями, можно считать деянием аморальным. Здесь действует мораль ответственности. В данном конкретном случае а-моральными можно считать позиции тех, которые именем морали и нравственности призывали к разоружению и миру, а не тех, которые перед лицом неумолимо надвигавшейся войны требовали наращивать вооружения, чтобы остановить Гитлера и его приспешников. В этой связи нельзя не отметить, что после 1945 г. мир не стал ареной очередной всемирной бойни именно потому, что каждая из главных противоборствующих сторон выказывали готовность дать отпор возможной агрессии противной стороны и неуклонно наращивали для этого военную мощь.

Иными словами, взаимное сдерживание, обеспечив при- мерный баланс сил, способствовало сохранению мира, во всяком случае, между великими державами в течение всего послевоенно- го периода. Причем, необходимо подчеркнуть, что на первом этапе – в 50-х-60-х годах – этот баланс был достигнут не в результате разоружения, а наращивания вооружений. В результате каждая из сторон убедилась в том, что после возможного первого удара противника у нее останется достаточно средств для нанесения ему ответного удара. Именно гонка вооружений в течение нескольких послевоенных десятилетий привела к стабилизации международ- ных отношений, во всяком случае, отношений между великими державами, прежде всего СССР и США.

Очевидно, что требования разоружения и защиты мира нельзя всегда автоматически отождествлять с приверженностью при- нципам морали. Поэтому, выдвигая сколько-нибудь ответственные моральные оценки и суждения, нельзя не учитывать их контекст и возможные последствия. Важно учесть, что международно-поли- тическая система – это пространство, где складывается компро- мисс между насилием и жертвенностью, между организующими и

дезорганизующими принципами, между порядком и беспорядком, сущего и должного, реального и идеального.

Определяющая роль интересов в политике выражается в частности в том, что здесь понятия и категории друзей и союзников носят весьма условный характер, которые могут меняться и меняются с изменением интересов. В сфере международных отношений этот постулат весьма кратко, емко и четко выразил известный английский государственный деятель XIX в. лорд Пальмерстон в знаменитой формуле: «У нас нет вечных союзников и вечных врагов. У нас есть постоянные вечные интересы, и мы им должны следовать».

Важнейшим инструментом реализации интереса нередко выступает сила. Исторический опыт человечества, да и современные мировые реальности, не дают какие бы то ни было основания сомневаться в том, что сила всегда была, есть и будет одним из основополагающих структурных элементов государства. Слишком часто она выступала в качестве *prima ratio*, т.е. первого аргумента при решении вопросов, касающихся реализации интересов тех или иных политических сил. Фактор силы связан с самой природой государства, власти, которая, в свою очередь, вытекает из природы самого человека и общества. Сила обладает потенциями не только разрушительными и деструктивными, но также созидательными, стабилизирующими и конструктивными в том смысле, что она является средством стабилизации, интеграции, соединения, закрепления центростремительных тенденций. Сила выступает в качестве орудия политики агрессии и войны, империализма и гегемонизма, захвата чужих территорий и порабощения других народов и т.д. В то же время она служит средством поддержания политического статуса государства в ряду других государств, сохранения равновесия, порядка и мира в обществе, гаранта выполнения принимаемых властями решений и т.д.

Большую часть истории человечества сила служила в качестве определяющего фактора мировой политики, поскольку дух господства и стремление к господству служили ключевым стимулом поведения государств на международной арене. Действие рождает противодействие, сила рождает противовес этой силе. Таков закон взаимодействия государств на мировой авансцене. Именно на этом принципе основывается политика баланса сил, под которым подразумевается динамическое соотношение сил, зависящее от игры всех его слагаемых. Иными словами, сила

представляет собой (и чуть ли не с начала времен считалось таковым) законное, естественное и обязательное орудие политики, подчиненное политике и обслуживающее политику. С этой точки зрения с сожалением приходится констатировать тот факт, что история полна примерами верности тезиса: «прав тот, кто сильнее» (нельзя сказать, что сегодня этот принцип уже изжит). Поэтому с уверенностью можно сказать, что постулат – «победителей не судят» отнюдь не является изобретением Нового времени: во многом он является ровесником самого государства и власти. Можно утверждать, что призрак насилия всегда витает над отношениями между государствами.

Это отнюдь не значит, что внешнеполитическая сфера лишена всякого идеального, или, как говорят, гуманистического начала. В данной связи можно напомнить, что наряду с реалистическим направлением во внешнеполитической мысли нового и новейшего времени занимало направление политического идеализма. В американской внешнеполитической мысли оно получило законченное выражение в вильсоновском идеализме. Идеалисты вильсоновской заправки исходят из убеждения в том, что существует некая естественная или по крайней мере достижимая гармония интересов государств, настроенных на сохранение мира во всём мире. По их мнению, характер существующей в стране системы правления самым непосредственным образом отражается на степени ее агрессивности или миролюбия. Естественно, что диктаторские формы правления более агрессивны, чем демократии, поскольку диктаторы могут предпринимать военные акции по собственной инициативе, не спрашивая мнение своего народа. Они в большинстве своем не приемлют подход, согласно которому политика есть исключительно результат столкновений и конфликтов интересов. В их глазах государство имеет как друзей, так и интересы. Главным условием достижения и сохранения мира они считают завоевание как можно большего числа друзей путем содействия распространению собственных институтов и ценностей.

К сожалению, приходится согласиться с теми аналитиками, которые не без оснований идеализм в политике, в особенности во внешней политике, оценивают как наивную и утопическую позицию, не способную учитывать реальности мировой политики. И действительно, зачастую теории, построенные на идеальных проектах политического устройства, разбивались о реалии мировой политики. Причём, самые что ни на есть идеальные проекты

переустройства общества рано или поздно оказывались сопряжены с силовыми методами борьбы и стремлением к установлению монопольной власти того или иного государства для реализации искомого идеала. Слишком часто приверженцы политического идеализма сознательно или же в силу обстоятельств брали на вооружение путь принудительного, насильственного осчастливления людей.

На протяжении всей истории инициаторами войн и конфликтов были не только разного рода Александры Македонские, Цинь Ши-Хуанди, Цезари, Чингисханы, Тимуры, Наполеоны и другие, условно говоря, реалисты. И идеалисты вроде братьев Гракхов, Марата, Робеспьера, Ленина стали по сути дела инициаторами кровавых гражданских войн. Как известно, Ж.-П. Марат, М. Робеспьер и другие вожди Великой французской революции руководствовались самыми что ни есть благими идеальными или идеалистическими соображениями, но закончили террором, жертвами которого в конечном счете стали и они сами. Возможно, самых высоких идеалов осчастливления человечества придерживались большинство революционеров XX века, в том числе Ленин, Сталин, Мао Цзедун, да и Адольф Гитлер и т.д.

Как правило, особенно легко побеждали именно вооруженные пророки, которые проявили способность умело сочетать силу убеждения силой оружия. Как не без оснований подчеркивал Н. Макиавелли, “Моисей, Кир, Тезей, Ромул не были бы в состоянии надолго обеспечить повиновение установленному ими строю, будь они безоружны, как это случилось с братом Джироламо Савонаролой, который погиб со своими новыми учреждениями, как только толпа начала терять веру в него”⁷⁷. Как показывает исторический опыт, почти все победившие идеальные учения оказывались верны, потому что их носители оказывались всесильны, а не наоборот.

Следует отметить также то, что результатом усилий В. Вильсона, как справедливо отмечал американский историк Л. Гарднер, стало слияние или сделка либерализма с силой. Или, иначе говоря, войны предполагалось ликвидировать с помощью войн, достичь либеральные цели, если понадобится, с помощью силы. В конечном счете, Вильсон оказался неспособен примирить принцип самоопределения наций с идеей “мирового либерального порядка”, его затея оказалась мертворожденной. Напомним в данной связи, что в апреле 1917 года Америка вступила в первую мировую

войну под лозунгом «покончить со всеми войнами». Сильный удар по этой модели был нанесен великим экономическим кризисом 30-х годов, а также политикой ведущих держав, способствовавшей сползанию человечества к новой мировой войне.

Поэтому доводы моралистов относительно того, соответствует ли внешнеполитическое поведение того или иного государства общепринятым морально-этическим нормам, не всегда и не обязательно имеют под собой приемлемые основания. В принципе внешняя политика не может руководствоваться моральными ценностями и принципами. В этом отношении поведение государства радикально отличается от поведения отдельно взятого человека, который вправе жертвовать теми или иными благами, даже жизнью ради высоких морально-этических ценностей.

Как утверждал один из основателей школы политического реализма, известный протестантский деятель Р. Нибур, отдельно взятый человек в своих действиях должен соблюдать закон любви и жертвенности. «С точки зрения того, – писал он, – кто совершает действие, бескорыстие должно оставаться критерием высшей нравственности». Однако, говорил он, это относится к отдельно взятому индивиду, но никак не к государству, которое не может быть жертвенным. Государство, которому доверено интересы и благополучие многих, действует не само по себе, а как представитель всего общества. И, поэтому, бескорыстие и жертвенность не подходят государству⁷⁸. Это вполне объяснимо, если учесть, что деяния отдельно взятого человека касается в основном его самого или же довольно узкого круга людей. Более того, он вправе совершить или не совершить это деяние. Решения же, принимаемые государством, как правило, касается множества людей, коллективов, всего общества, что еще важнее, мирового сообщества, где сталкивается и взаимодействует множество интересов, целей, симпатий, антипатий и т.д. К тому же зачастую государство оказывается в ситуации, когда оно не в состоянии не принимать те или иные решения, жизненно важные для всего общества. Поэтому государственные и политические деятели, принимающие решения, должны быть реалистами и ответственными, в совершенстве владеющими принципами и инструментами политики «как искусства возможного». Иначе говоря, в политике – внешней политике особенно – приоритет принадлежит не морально-этическим или идеологическим принципам и суждениям, а реалистичным и взвешенным оценкам и решениям. Внешняя политика представляет собой не средство

реализации некоторого набора идеологических или морально-этических установок, а инструмент достижения реальных результатов в процессе защиты национально-государственных интересов и обеспечения национальной безопасности.

При всем том, было бы другой крайностью абсолютное противопоставление морали и политики. Политик, во всем отвергающий понятия добра и зла в конечном счете обречен на неудачу. Существует комплекс вопросов, таких как рабство, геноцид, терроризм, пытки, расизм и др., оценка которых невозможна без морально-этического измерения. Другими словами, политика не может полностью игнорировать морально-этические критерии и принципы. Но они должны служить лишь в качестве некоего идеала, к которому может стремиться государство в вопросах, касающихся международной политики, но никак не эталона или руководства к действию. Они преломляются через идеи национального интереса. Как говорится, здесь нравственность уместна в том смысле, который то или иное государство вкладывает в свою идею национального интереса, и лежащий в его основе национальный идеал. Но все же приходится признать, что в рассматриваемой сфере, да и в политике в целом, антиномия соотношения между этикой и конкретным политическим курсом, направленным на защиту национальных интересов и обеспечение национальной безопасности, остается неразрешимой.

* * *

* * *

* * *

Складывается впечатление, что руководство США, которые с исчезновением Советского Союза остались, пожалуй, одной из немногих идеологически ориентированных государств современного мира, именно решение этой антиномии в пользу морально-этического начала на путях продвижения демократии по всему миру с помощью революций и вооруженной агрессии поставило во главе угла своей внешнеполитической стратегии. Дополнительную остроту этой ориентации придает тот факт, что внешнеполитическая стратегия администрации Дж. Буша-мл основывается на идеях и разработках представителей неоконсерватизма – этого праворадикального течения американской общественно-политической мысли. Еще неоконсерваторы первой волны, такие как И. Кристол, Н. Подгорец, Д.П. Мойнихен, Дж. Киркпатрик и др., которые, радикально дистанцировавшись от традиционных консерваторов,

отрицавших необходимость в каких бы то ни было идеологических конструкциях, выступили за реидеологизацию политики, за идеологическое перевооружение внешнеполитической стратегии Америки. Устами И. Кристола они заявили, что «неидеологическая политика — это безоружная политика». Эта установка приняла фундаменталистскую форму у нынешних неоконсерваторов, взявших на себя задачу идеологического обоснования политики экспорта демократии и прав человека по всему миру. С их помощью нынешние руководители США явочным порядком объявили себя единственными носителями единственно верного учения. Одним из стержневых элементов этого учения при администрации Дж. Буша-мл стал так называемый демократический, или как его называл Дж. Сорос, рыночный фундаментализм.

Не случайно многие ведущие представители американского политического и интеллектуального истеблишмента в один голос называют Буша-мл и некоторых ведущих членов его администрации революционерами, а их политику революционной. Один из патриархов мировой дипломатии последней четверти минувшего века Г. Киссинджер по этому поводу писал: «Мне кажется, что неоконсерваторы очень сильно сродни троцкистам в том смысле, что и те, и другие думают, будто внешнеполитические проблемы — это на самом деле проблемы внутренней структуры той или иной страны, и, если ее поменять, то внешнеполитические проблемы решатся сами собой»⁷⁹. Как не без оснований отмечал известный политолог Д. Саймс, акции США в Афганистане и Ираке, основаны на «неотроцкистской вере в перманентную революцию (пусть даже демократическую, а не пролетарскую)»⁸⁰. В рассматриваемом контексте интерес представляют рассуждения газеты *The Financial Times*, которая писала, что американское кредо, которое в сущности ничем не отличается от советского коммунизма, «приводит людей к вере в изначальную непогрешимость Америки». Хотя, продолжала газета, «многие уже высказывались, и неоднократно, в том духе, что Буш существует внутри некоего идеологического пузыря, этот пузырь, во-первых, крепче стали, и, во-вторых, Буш существует в нем вместе с десятками миллионов своих соотечественников»⁸¹.

Разумеется, такие оценки нельзя принимать буквально, на полном серьезе считая Буша и его окружение троцкистами или революционерами. Но в то же время было бы не совсем корректно рассматривать их как вовсе лишённые оснований инсинуации

противников бушевской администрации. Фактом остается то, что многие из отцов-основателей неоконсерватизма – И. Кристол, С. Липсет, Д. Белл, П. Мойнихен, Н. Подгорец и др. – в молодости придерживались левых воззрений социалистического, коммунистического и троцкистского разлива. Так, один из отцов-основателей неоконсерватизма И. Кристол изучал азы политической идеологии, будучи троцкистом. В 70-е-80-е годы они составили костяк идеологической составляющей так называемой неоконсервативной волны. Здесь, как бы подтверждая известный тезис о единстве противоположностей, левый и правый полюса идейно-политического спектра достигли синтеза на базе установок на экспорт общих для них ценностей, идей и институтов.

Во многих аспектах внешнеполитическая стратегия администрации Буша-мл действительно содержит в себе элементы несколько перевернутой формы троцкистской теории перманентной революции, принявшей облик империализма демократии и прав человека, сущностная характеристика которого состоит в экспорте разного рода цветных и иных революций (правда, порой оборачивающихся просто бунтами), осуществляемых при явной или скрытой поддержке США.

Об этом свидетельствует, например, тот факт, что спустя неделю после теракта 11 сентября 2001 года Дж. Буш-мл заявил мировому сообществу: “Либо вы на нашей стороне, либо на стороне террористов”. По сути дела – это парафраз известного выражения В.И. Ленина: “Кто не с нами, тот против нас”. 6 ноября 2003 года, выступая в Вашингтоне по случаю 20-летия основания фонда National Endowment for Democracy, Дж. Буш объявил о «новой внешней политике» США, призванной способствовать «глобальной демократической революции», началом которой была объявлена агрессия против Ирака⁸². Ее целью было провозглашено «освобождение» от авторитарного правления сначала ближневосточные мусульманские страны, а заодно с ними другие, прежде всего постсоветские страны. Здесь уместно напомнить, что National Endowment for Democracy был создан в 1983 году Президентом США Р. Рейганом и американским Конгрессом «для укрепления демократических институтов во всём мире через воздействие на неправительственные институты»⁸³.

3 марта 2005 года, четыре американских конгрессмена – сенаторы Дж. Маккейн и Дж. Либерман, а также члены палаты представителей – Т. Лантос и Ф. Вулф – внесли в Конгресс законо-

проект «Закон о распространении демократии и демократических ценностей в недемократических странах», в составлении которого активное участие принимали сотрудники неоконсервативного Гудзоновского Института М. Палмер, Э. Кадель, М. Горовиц и Б. Тантильо. В качестве главной цели американской внешней политики в законопроекте предусматривалось «распространение свободы и демократии в зарубежных странах»⁸⁴. Иначе говоря, американцы возомнили себя новыми крестоносцами, призванными нести всему остальному миру свет единственно верного учения – рыночно-демократического фундаментализма. Естественно, для реализации такой благородной цели позволительно использовать все средства, в том числе и войну. Другими словами, цели оправдывают средства, и в этом смысле тактика и стратегия радикалов слева и справа мало чем отличаются друг от друга.

Об устремленности американской администрации в этом направлении свидетельствует выступление заместителя госсекретаря США по политическим вопросам Н. Бёрнса на приёме, устроенном 15 декабря 2005 года вашингтонским отделом Европейского института. «Мы должны, – говорил Бёрнс, – продвигать наши американско-европейские демократические цели дальше на восток – в Россию, Украину, Кавказ и Среднюю Азию»⁸⁵. Наиболее зримым практическим воплощением этой стратегии стала ничем не оправданная агрессия Вашингтона против Ирака. Команда Буша по сути дела разработала и осуществляет радикальную программу использования войны против Ирака и свержения С. Хусейна для радикального изменения положения дел на всем Ближнем Востоке. Такую политику многие сторонники самого Буша называют капиталистической революцией (а некоторые – «империализмом прав человека»), призванной экспортировать ценности, принципы и институты демократии американского образца на Ближний Восток, да и на остальной мир.

В этом контексте показательна книга представителей неоконсерватизма У. Кристола и Л.Ф. Каплана «Война за Ирак», в которой черным по белому написано: «Миссия начинается в Багдаде, но им не заканчивается... Мы стоим на рубеже новой исторической эпохи. ... Этот момент имеет решающее значение... Очевидно, что речь идет не просто об Ираке. Речь идет даже не о будущем Ближнего Востока и войны с террором. Речь идет о той роли, которую Соединенные Штаты намерены играть в двадцать первом веке»⁸⁶. В 2004 г. один высокопоставленный советник президента

Буша заметил в разговоре с журналистом Р. Зюскиндом: «Мы теперь – империя, и своими действиями мы формируем рукотворную реальность... Мы движем историю»⁸⁷. О серьезности такого подхода свидетельствует серия так называемых «цветных» революций в ряде постсоветских стран, получивших явную или скрытую поддержку Соединенных Штатов, а также вынашиваемые Вашингтоном планы смены режимов в Иране, Сирии и других странах.

Примерно такой же точки зрения, сформулированной в несколько иной форме придерживался бывший премьер-министр Великобритании Т. Блэр, который, как известно, безоговорочно поддержал курс американской администрации на экспорт демократии. Оправдывая участие Великобритании в агрессии против суверенного Ирака, он в частности утверждал, что в этой войне речь идет «не просто о безопасности и военной тактике. Это – битва ценностей, которую можно выиграть в результате победы терпимости и свободы. Афганистан и Ирак являются необходимыми начальными пунктами этой битвы». Однако успех там нужно сочетать с смелым и последовательным продвижением глобальных ценностей под руководством Вашингтона. Поэтому, утверждал Блэр, объявив войну против терроризма, Запад избрал полем битвы не безопасность, а ценности, поскольку невозможно победить фанатическую идеологию, арестовав или уничтожив ее руководителей, необходимо уничтожить ее ценности. «Мы можем победить, доказав, что наши ценности сильнее, лучше, справедливее, чем альтернативные ценности»⁸⁸. Ключевой смысл этих интервенций состоял не просто в смене режимов, а в изменении ценностных систем, которыми руководствуются соответствующие страны. «Если мы хотим защищать наш образ жизни, то нет альтернативы кроме как бороться за него. Это означает отстаивать наши ценности не просто в наших странах, но и по всему миру»⁸⁹.

Очевидно, что в качестве главной цели ставится ни много ни мало, как изменение самого менталитета, ментальной или парадигмальной основы жизнеустройства всего незападного мира (это примерно 4/5 сего человечества). В современном мире для выживания самого человечества категорическим императивом для всех без исключения народов становится соблюдение нормы Золотого правила, главный девиз которого в складывающемся полицентрическом миропорядке можно было бы сформулировать так: «живи по своим правилам, дай другим народам жить по их собственным правилам». Однако, складывается впечатление, что западный че-

ловека по отношению к восточному человеку считает себя вправе и, более того, обязан игнорировать подобные материи.

При этом нельзя не обратить внимание на своеобразные двойные стандарты в этой секулярной религии. Чуть ли не как сакральная максима провозглашается неприкосновенность частной жизни, куда категорически запрещено какое бы то ни было внешнее вмешательство. В то же время выставление на публику через средства массовой информации нижнего белья так называемых знаменитостей (celebrities) (не путать с знаменитыми с оттенком «великие») со всеми атрибутами стало неотъемлемой частью шоу-бизнеса. На скрижалях этой религии наряду с другими ценностями выгравированы обоснование, пропаганда и даже навязывание гомосексуализма, лесбиянства и других ценностей современного западного образа жизни. Более того эти ценности рассматриваются как некий эталон соблюдения прав и свобод человека. В этом направлении множество исторических и современных героев и персонажей (от Александра Македонского, Леонардо да Винчи и И. Чайковского до множества современных селебритиз из мира политики и шоу-бизнеса) причисляются к сонму гомосексуалистов и лесбиянок (неважно соответствует тот или иной из них приписываемому им статусу). Возможно, никому нельзя запрещать быть субъектами этих феноменов, но в то же время никто не вправе навязать их другим народам, культурам, сообществам.

* * *

* * *

* * *

Однако нельзя забывать, что политика – это искусство возможного, а не наука или утопия о совершенном обществе или совершенном государстве. Если следовать морально-этическим принципам ценностей либерализма, выдаваемых за универсальных, то само собой подразумевалось бы соблюдение принципов «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» и т.д. Но люди не перестают убивать, красть и прелюбодействовать. Причем, «цивилизованный» Запад склонен к этим «отклонениям» не меньше, чем «варварский» Восток. Когда 9 ноября 1989 г. пала Берлинская стена, многие уповали на то, что в Европе, да и в мире в целом, наступит, наконец, период всеобщей гармонии и порядка. Сложилось убеждение, согласно которому тенденция к утверждению во все более растущем числе стран и регионов демократии, в конечном итоге приведет к коренному изменению самой природы внут-

ри- и внешнеполитических отношений во всемирном масштабе. Главным же ее результатом, по мнению многих исследователей и наблюдателей, станет исчезновение войн из жизни человечества в силу формирования международной системы, основанной на фундаментальной идеологической, социальной и экономической трансформации современного мира на путях рыночной экономики и либеральной демократии.

И действительно, с исчезновением фронтального системного, идеологического и военно-политического противостояния ведущих акторов мировой политики как будто исчезли предпосылки для использования войны в качестве инструмента разрешения межгосударственных и международных споров. Если раньше наиболее экономически развитые и мощные военные державы воспринимали друг друга как угрозу, то в нынешних реальностях представляется маловероятной ситуация, при которой индустриально развитые демократические страны Западной Европы и Северной Америки обратят свою вооруженную мощь друг против друга. Создается впечатление, что страны, которые во второй мировой войне боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть, теперь отказались от военной силы в качестве инструмента решения возникающих между ними спорных вопросов.

Однако было бы неразумно делать слишком обобщенные оптимистические выводы из западного опыта послевоенных десятилетий, хотя многое можно сказать о позитивной корреляции между демократией и миром. Нельзя забывать, что в конфронтационный период западноевропейцы были сплочены прежде всего перед лицом грозного противника, угрожавшего, как им казалось, самому их существованию. Стабильность обеспечивалась в рамках двухполюсного миропорядка, где две сверхдержавы жестко диктовали и удерживали своих союзников от каких бы то ни было самостоятельных действий. К тому же одним из парадоксов послевоенного периода следует считать тот факт, что контроль над вооружениями был достигнут в относительно спокойной зоне конфронтации между Востоком и Западом, практически не затронув остальные регионы.

Верно, что взаимоотношения государств в современном мире нельзя представлять как гоббсовскую войну всех против всех. Нельзя также изображать дело таким образом, будто насилие или угроза применения насилия и сейчас постоянно неотвратимо витает над странами и народами. Но все же, необходимо признать

суровую реальность: конфликт и консенсус, противоборство и сотрудничество, война и мир составляют своего рода “диалектические пары”, интенсивность, глубина и направленность каждой из которых во многом определяет характер и жизнеспособность любого человеческого сообщества. Не является в этом отношении исключением современное мировое сообщество.

Человек воевал в глубокой древности, он продолжает воевать в наши дни и, по-видимому, будет воевать также в будущем. Менялись представления о типах и характере войн и армий, системах обороны, силовых методах, соответствующих изменяющимся реальностям, но во все времена человеческие сообщества в различных формах и ипостасях отнюдь не считали мир высшим благом. Более того, в течение большей части истории человечества почти все попытки создания сколько-нибудь крупных держав и империй были связаны с экспансией, завоеванием, вмешательством, оккупацией чужих территорий. Во многом сама история человечества предстает как непрерывная череда войн племен, народов, наций, империй, кланов, партий и т.д. друг с другом. Одни стремились подчинить своему господству чужие страны и народы, другие жаждали воинской славы, третьи считали, что лучше умирать стоя, чем жить, оставаясь на коленях.

С сожалением приходится констатировать, что кардинальные трансформации последних двух-трех десятилетий, в том числе переход все более растущего числа стран и народов на рельсы рыночной экономики и политической демократии не уменьшили риск войн и вооруженных конфликтов. Исторический опыт со всей очевидностью показывает, что нередко демократия не могла служить препятствием для развязывания разного рода и разной интенсивности конфликтов и войн. Зачастую демократические принципы решительно отодвигались на задний план или вовсе игнорировались, когда на карту ставились реальные или превратно понятые национальные интересы. Известно, что Британская и Французская империи расширились вовне, в то время как во внутривнутриполитической сфере утверждались демократические ценности и институты. Известна эпопея становления и институционализации демократии на североамериканском континенте, сопровождавшаяся другой – нередко кровавой – эпопеей заселения огромных просторов так называемых «свободных» земель путем сгона с них и физического уничтожения автохтонных народов и племен. По мере освоения огромных просторов северо-американского конти-

нента Вашингтон во все более растущей степени обращал свой взор на остальной мир. Некоторыми этапами на этом пути стали известные «Доктрина Монро», теория и политика «открытых дверей», испано-американская война 1898 года, за которой последовали по сути дела колониальные территориальные приобретения за пределами северо-американского континента и т.д.

Тезис о способности демократии принести с собой мир подрывается хотя бы тем фактом, что фундаменталистским угрозом могут быть заражены не только радикальные исламисты, но и деятели, называющие себя стопроцентными демократами, но при этом под лозунгом экспорта демократии не брезгующими самой что ни на есть агрессией против суверенного государства. Нельзя забывать также, что демократия (хотя она, возможно, самая справедливая форма правления) сопряжена с множеством издержек именно с точки зрения развязывания страстей, эмоций, враждебности и конфликтов между народами. Было бы опрометчиво полагать, что нынешние демократии застрахованы от подобной болезни. Парадоксальным образом, одновременно с увеличением числа стран, вставших на путь демократического развития, возросло также число этнических, территориальных и иных конфликтов, гражданских и межгосударственных войн.

С одной стороны, предпринимаются усилия по сокращению громадных арсеналов оружия массового уничтожения и предотвращению их распространения, с другой стороны, не прекращаются, а, наоборот, расширяются и интенсифицируются работы по созданию новейших и высокоточных средств ведения войны, основанные на новых физических принципах (например, плазменное, лазерное, психотронное, геофизическое и др.) и нередко сопоставимых по боевой эффективности и результативности с оружием массового поражения. Это свидетельствует о том, что расширение демократии не всегда и не обязательно ведет к утверждению демократических принципов в отношениях между государствами, что ликвидация авторитарных и тоталитарных режимов и переход на рельсы демократизации могут способствовать развязыванию ужасных дремлющих сил межобщинных и этнических ксенофобий и кровавых конфликтов. Они могут оказаться лишь верхушкой айсберга потенциального брожения, от которого, возможно, не застрахованы даже исторически наиболее консолидированные народы и государства.

Причём, почти все войны велись и ведутся именем тех или

иных идей, ценностей и принципов, которые каждый из их носителей считают самыми совершенными, истинными и справедливыми. То же самое имеет место в современном мире. «Аль-Каида» считает своим долгом отомстить Америке за унижение исламского мира. США, в свою очередь, уверены в необходимости наказать Ирак и Афганистан за поддержку террористов.

Поэтому при исследовании и оценке политики и политического курса их надо принимать такими, какие они есть, а не какими нам хотелось бы. Вопрос о том, какими они должны быть – это проблема политико-философских, идеолого-политических, теоретических и т.д. споров, дискуссий.

В результате так называемых свободных выборов к власти приходят те силы, которые именуется радикалами или экстремистами, и они не признаются легитимными. К примеру, когда в Палестине к власти пришло демократически избранное правительство ХАМАС, многие страны по инициативе США прекратили оказывать ему помощь. В результате получается так, что демократия в тех или иных странах приемлема лишь в тех случаях, когда она совпадает со стратегическими и экономическими интересами Америки.

В этом плане особенно показательное положение вещей в Пакистане. Разумеется, на основании того, что в Пакистане время от времени проводятся выборы, П. Мушаррафа просто язык не поворачивается причислить к лику демократов, тем более демократов западного образца. Нельзя назвать его и идеалом для Пакистана. Но в то же время просто трудно себе представить реальные последствия к которым может привести произвольное (не хочется говорить: насильственное) насаждение в этой весьма нестабильной исламской стране с ядерным оружием демократии западного образца.

Государственная система Пакистана основана на воспринятых от Великобритании институтах политической демократии. Но реальная власть принадлежит военным. Здесь гражданское общество весьма слабо, а демократические институты являются лишь дополнением к политическому и военному могуществу военных. Именно им принадлежит главная заслуга в сохранении целостности страны. Сегодняшний ядерный Пакистан – это родина исламского терроризма, убежище и рассадник талибов, тысяч медресе, учащиеся которых ставят своей целью распространение исламского экстремизма по всему миру. В настоящее время Пакистан

является по сути дела единственной страной, где исламские радикалы могут получить доступ к ядерному оружию. Пока что главная гарантия недопущения ситуации, когда ядерный арсенал страны не станет «оружием джихада» – это генералитет. Поэтому возникает резонный вопрос обеспечение какой никакой стабильности в разбалансированной ядерной стране с населением 166 миллионов постоянно растущего населения не лучше ли постоянных потрясений. Так, что для Пакистана на сегодняшний день и в обозримой перспективе та или иная форма участия военных в управлении страной, возможно, остается необходимой предпосылкой как для сохранения целостности страны, так и для обеспечения той или иной степени стабильности.

* * *

* * *

* * *

Глобализация объективный процесс, способствующий единению различных народов, регионов, культур и т.д. Но, тем не менее, о едином человечестве можно говорить лишь условно, при его рассмотрении, так сказать, с высоты птичьего полёта. Чем ниже высота обзора, тем чётче вырисовываются линии разграничения между разными народами, регионами, культурами, верованиям, преследующими собственными, часто противоречащие друг другу, взаимоисключающие и конфликтующие между собой жизненные интересы. Соответственно, разные формы, нюансы и оттенки приобретают и так называемые общечеловеческие ценности.

У понимаемого так человечества, несомненно, есть некоторый комплекс основополагающих ценностей, такие, например, от которых зависит само его выживание. Речь идет в первую очередь, о предотвращении всеобщей термоядерной войны, противостоянии разного рода природным катаклизмам, защита природной среды существования человека и т.д. Однако, даже эти ценности, круг которых весьма узок, понимаются разными народами и даже разными людьми по-разному. Так, если подавляющее большинство государств, независимо от формы политического устройства, считают необходимым подписать Киотский протокол и соблюдать его принципы, то США убеждены в обратном, полагая, что приверженность этим принципам противоречит их национальным интересам. Если США и другие члены ядерной олигополии видят гарантию мира в предотвращении распространения оружия мас-

сового уничтожения, прежде всего ядерного оружия, то ряд других стран именно обладание таким оружием рассматривают как гарантию обороны от притязаний какой-нибудь хулиганствующей ядерной державы. Если одни страны, характеризуя человеческую жизнь как высшую ценность, в законодательном порядке отменили смертную казнь, то другие страны (например, США) придерживаются иных позиций, узаконив ее и, по сути дела, защищая рудименты норм талионного права, отказываются признать человеческую жизнь высшей ценностью.

Беда в том, что у человечества множество общечеловеческих угроз, и ради противодействия им нередко возникает необходимость жертвовать теми или иными общечеловеческими ценностями. Сплошь и рядом возможны случаи, когда во имя предотвращения вызовов, угрожающих безопасности всего человечества, способность принести так называемые универсальные или общечеловеческие ценности интересам сохранения единства и жизнеспособности человечества может оказаться проявлением не беспринципности или трусости, а мужества и мудрости.

Разумеется, разговор о нравственных координатах нового полицентрического миропорядка необходим. При поисках ответов на возникающие при этом вопросы, особенно при анализе методов и средств, избранных, например, для насаждения ценностей и институтов демократии в Ираке, мы неизбежно сталкиваемся с дилеммой цены достижения такой, так сказать, благородной цели. Конечно, Садам Хусейн был большим негодяем, убийцей, душителем свободы и т.д. и т.п., заслуживающим снесения с пьедестала, может быть, и смертной казни. Но здесь возникает множество «Но» (с большой буквы). За четыре года войны убиты сотни тысяч ни в чём не повинных мирных иракцев, при этом страна вместо ожидавшейся демократии, стабильности и процветания получила кровавый хаос, анархию, беззаконие, которым не видно конца.

Во время своего визита в Москву в январе 2007 года бывший Генеральный секретарь ООН 85-летний Бутрос Бутрос Гали сказав, что казнь Саддама Хусейна «бросила тень на все международные суды», добавил: «В некоторых случаях во имя мира мы должны мириться с тем, что виновники не будут наказаны. Поэтому, примирение может быть более важным, чем справедливость»⁹⁰.

События 11 сентября 2001 года, Афганистан, Ирак, проект «Большой Ближний Восток», возня вокруг так называемых государств «оси зла» и т.д. показывают, что новый миропорядок вы-

страивается не в атмосфере воодушевления от всемирного торжества демократии, а в условиях осознания угрозы тотального, бессмысленного, невиданного в мировой истории кровавого террора. После окончания холодной войны и двухполюсного миропорядка в мире отнюдь не воцарились мир и благополучие, реальностью стали нестабильность и непредсказуемость. Можно сказать, что век террора пришел в современный мир на крыльях науки, новейших технологий и прогресса, в немалой степени оказывая влияние на формирование контуров и конфигурации нового полицентрического миропорядка. В каком-то смысле как бы подтверждается прогноз У. Черчилля, который говорил, что каменный век может вернуться к нам на сияющих крыльях науки.

Однако как бы игнорируя эти реальности, в период после распада двухполюсного миропорядка и окончания холодной войны большая часть политического и военного истеблишмента США остается верной афоризму о том, что генералы всегда готовятся к прошедшей войне. Этим, по-видимому, не в последнюю очередь объясняется тот факт, что два-три последних десятилетия во все более растущей степени сокращается разрыв между разрушительным потенциалом и созидательным началом в американской международной политике. Обоснованность этого тезиса подтверждается тем очевидным фактом, что после второй мировой войны Америка показала себя самой агрессивной державой из всех без исключения великих держав современного мира. В наши дни, совершив ничем не оправданную агрессию против суверенного Ирака, США по сути дела укрепили позиции уже вышедшего из бутылки джина фундаментализма и терроризма. Агрессия вывела на поверхность тлеющие в течение десятилетий конфликты, а также породила множество новых трудно разрешимых проблем, в совокупности угрожающих целостности и даже существованию Ирака как единого государства, и подрывающих стабильность во всем ближневосточном регионе. Под флёром борьбы с мировым терроризмом, США по сути дела сеют отравленные примитивным христианским фундаментализмом семена терроризма в мировом масштабе, которые не могут не дать зловещие всходы. Экспорт демократии оборачивается экспортом хаоса. Руководители Египта, Саудовской Аравии и других арабских стран не без основания настойчиво повторяют, что модернизация, которую США предлагают в рамках проекта «Большой Ближний Восток», может «вернуть регион в хаос» и привести к повторению «алжирской траге-

дии», поскольку, как утверждал Х. Мубарак, гражданская война в этой стране была результатом «необузданной свободы и демократии»⁹¹.

Игнорируется та очевидность, что преданность веками установившимся ценностям, жертвенность, решимость сохранить свою национальную, культурную, вероисповедную идентичность требуют от человека сократовского мужества, которое у западного человека неумолимо подвергается эрозии. В этом контексте не могу не согласиться с покойным Ж. Бодрияром, который предлагал отказаться от общепринятой трактовки ненависти всего остального мира к Западу. «Это, – писал он, – не ненависть тех, у кого взяли все и не вернули ничего, скорее ненависть тех, кому все дали так, чтобы они не смогли вернуть. Значит, это не ненависть эксплуатируемых или лишенных собственности, это злоба униженных. И 11 сентября терроризм ответил на унижение: унижением за унижение. А для мировой державы худшее даже не подвергнуться агрессии или быть разрушенной, а претерпеть унижение. 11 сентября она была унижена, так как террористы нанесли ей “удар”, который вернуть она не сможет»⁹².

Как показывает опыт истории, крах какого-либо одного идеала не обязательно означает победу другого более совершенного идеала. Об этом свидетельствует тот факт, что результатом краха коммунистического идеала стал подрыв самого идеологического стержня империи, что, в свою очередь, привело к форменной анархии, разброду, хаосу в идейно-политической сфере. Что касается либерально-демократического идеала, то при всех рассуждениях о конце идеологии и истории якобы в результате полной и окончательной его победы, он продемонстрировал свою неспособность к модернизации в том смысле, что почти все геополитические проекты, построенные на его основе, направлены на борьбу с призраками прошлого или в защиту теней воображаемого светлого демократического будущего всего человечества, построенного на принципах и в интересах Запада, то бишь Соединённых Штатов Америки. Если в России шли поистине революционные трансформации в их позитивном толковании, то демократическая идеология по большому счету стояла на месте, что по сути дела в современном мире равносильно регрессу.

Либерализм, демократическая идея переживают кризис, либерализм и демократия становятся противниками прав и свобод незападных народов и культур, возможно, проводниками своего

Имидж государства в конфликте идеологий

рода новой версии арийства – неоарийства. Как справедливо отмечал Э. Хобсбаум, «мало что бывает опаснее империй, преследующих свои интересы, будучи убежденными в том, что они оказывают человечеству услугу»⁹³. Это опасно! Очень опасно! Пора взывать к тени А. Герцена, который провозгласил «борьбу свободного человека с освободителями человечества».

Примечания

1. Цит. по: Н. Коренев. Третья империя в лицах. М., 1934, с. 142.
2. Г. Лебон. Психология народов. М., 1898, с. 128.
3. Там же, с.120.
4. Г. Лебон. Психология народов. М., 1898, с. 158.
5. Там же, с. 133.
6. К. Манхейм. Диагноз нашего времени. М., 1994, с. 40.
7. А.Н. Уайтхед. Избранные работы по философии. М., 1990, с. 395.
8. Н. Morgenthau. Politics among nations. New York, 1948.
9. Л. Туроу. Будущее капитализма. Как сегодняшние силы формируют завтрашний мир. <http://www.netda.ru/belka/texty/thurow/>.
10. С. Московичи. Век толп. М., 1996, с. 21.
11. См.: А. Lennon (ed.). The Battle for Hearts and Minds: Using Soft Power to Undermine Terrorist Networks. Wash., 2003; J. Nye. The Paradox of American power: why the world's only superpower can't go it alone. Oxford, 2002.
12. D.Rothkopf. In Praise of Cultural Imperialism // Foreign policy, 1997, summer, №107, p.40.
13. М. Кастельс. Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России. В кн.: Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001, с. 75.
14. New York Times Magazine, March 28, 1999.
15. Perspectives on early American history. N.Y., 1973, p. 44.
16. Г. Мелвилл. Белый бушлат. Л. 1974, Гл. 36.
17. W. Williams. The Roots of American empire. N.Y., 1969.
18. Об этом более подробно см.: К.С. Гаджиев. США: эволюция буржуазного сознания. М., 1981, с. 156-195; Его же. Американская нация: национальное самосознание и культура. М., 1990, с. 103-140.
19. Time, March 12, 1957.
20. L.V. Johnson. Public papers. Washington, 1965, vol. 1, p.180.
21. Thanksgiving day proclamation, 1982.
22. Г. Киссинджер. Дипломатия. М., 1997, с. 11.
23. А. Блинов. Мягкая мощь стоит больших денег // Независимая газета, 29 декабря 2006.
24. Там же.
25. D. Croteau. Media/Society: industries, images, and audiences. L., 2000, p. 347.
26. Э. Тоффлер. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2002, с.550.
27. Р. Скидельский. Глобалист: Рождение Запада. Ведомости, 5 апреля 2007.
28. Foreign Policy, November 16, 2005.
29. KM-news. 15.01.2007.
30. Washington times, October 13, 2004.

Имидж государства в конфликте идеологий

31. Christian science monitor, March 12, 2004.
32. USINFO.STATE.GOV, 13 марта 2004.
33. М. Дрюон. Поможем России победить терроризм, который постепенно добирается до всех нас // Известия, 27 сентября 2004.
34. А. Горянин. Русская демократия – не новодел // Эксперт, 2005, №2.
35. Й.Р. Метке. Медведь с балалайкой // Профиль, 2006, №2.
36. Ж. Сапир. Как избавиться от двойственного образа // Независимая газета, 1 февраля 2005.
37. The Wall Street Journal, December 21, 2004.
38. Ю. Олещук. Патология национального самобичевания. Литературная газета, 29 августа 2007.
39. The Wall Street Journal, 9 мая 2006.
40. Washington Post, December 3, 2006.
41. Washington Post, December 14, 2006.
42. П. Быков, А. Громов. Господин Полоний // Эксперт, 4 декабря 2006.
43. Newsweek, April 18, 2005.
44. Новые известия, 12 декабря 2006.
45. Цит. по: Власть, 2006, №50.
46. Foreign Affairs, Spring 2003.
47. Global Politician, April 19, 2005.
48. Ibid.
49. Ж. Сапир Ж. Цит. соч.
50. Washington profile. May 25, 2006.
51. Т. Грэм. Диалектика силы и слабости // Россия в глобальной политике, 2007, №3.
52. Э. Тодд. После империи. Рах Americana. Начало конца. М., 2004, с. 14.
53. Г. Киссинджер. Дипломатия. М., 1997, с. 15.
54. Z. Brzezinski. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N.Y., 2005.
55. The International Herald Tribune, September 15, 2006.
56. Цит. по: Й.Р. Метке. Медведь с балалайкой // Профиль, 2006, №2.
57. Johnson's Russia List, January 24, 2005.
58. Й.Р. Метке. Медведь с балалайкой // Профиль, 2006, №2.
59. The New York Sun, March 13, 2007.
60. В.А. Кононенко. Создать образ России? // Россия в глобальной политике, Март-Апрель 2006, №2.
61. Имидж не все // Коммерсантъ, 19 октября 2006.
62. Там же.
63. Цит. по: П. Быков, О. Власова. Хороший плохой национализм // Эксперт, 2005,

- №18, с. 86.
64. Литературная газета, 10.05. 2006.
65. А. Громов, И. Давыдов. Фантом национализма // Эксперт, 2007, № 1-2, с.84.
66. О. Энкарнасьон. Революция компромиссов // Россия в глобальной политике, 2006, №3.
67. The Independent, January 10, 2006.
68. R. Robertson. Khondker H. Discourses of globalization: Preliminary considerations // International sociology. L., 1999, v. 13, № 1, p. 25-40.
69. К. Поппер. Открытое общество и его враги. Т. 1-2, М., 1992.
70. (А.Ф. Лосев. Жизненный и творческий путь Платона. В кн.: Платон. Собрание сочинений. – Т. I. – М., 1990, с. 4.
71. Г. В. Ф. Гегель. Лекции по истории философии. М., 1993, т. I, с.107.
72. И. Валлерстайн. Ни патриотизм, ни космополитизм. Логос, 2006, №2.
73. М. Уолцер. Сферы привязанности // Логос, 2006, №2.
74. А. Камю. Бунтующий человек. М., 1990, с. 343.
75. Кант И., Соч., т. 4, ч. 1, М., 1965, с. 260.
76. М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990, с. 703.
77. Н. Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996, с. 54.
78. R. Niebuhr. Moral man and immoral society. N.Y., 1932, p. XI, 278, 267.
79. The Times. October 19, 2004.
80. Д. Саймс. Мораль американского реализма // Россия в глобальной политике, № 1, Январь – Февраль 2005.
81. The Financial Times, September 6, 2006.
82. <http://www.state.gov/p/nea/rls/rm/26019.htm>.
83. <http://www.lebed.com/2004/art3813.htm>.
84. <http://www.hudsoninstitute.org>.
85. N. Burns. A Renewed Partnership for Global Engagement // <http://www.state.gov/p/us/rm/2005/58488.htm/>.
86. Цит. по: С. Жижек. Война в Ираке: В чем заключается подлинная опасность? // Логос, 2003, №1.
87. Foreign Policy, September 19, 2006.
88. T. Blair. A Battle for global values // Foreign affairs, January/February, 2007.
89. Ibid.
90. Несправедливость ради мира. Время новостей, 26 января 2007.
91. Le Figaro, 24 novembre, 2003.
92. J. Baudrillard. Power Inferno // Le Monde diplomatique, Novembre 2002. p. 18.
93. Э. Хобсбаум. После победы в войне // Логос, 2003, №1.

Содержание

Предисловие.....	3
Глава 1. Идеология в глобализирующемся мире.....	5
Глава 2. Имидж государства как инструмент идеологической борьбы.....	32
Глава 3. О пользе и ущербности универсальных ценностей.....	86
Примечания.....	123

К.С. Гаджиев

**ИМИДЖ ГОСУДАРСТВА В КОНФЛИКТЕ
ИДЕОЛОГИЙ**

Компьютерная верстка **Б. И. Караджев**

Подписано в печать 26.11.07. Формат 60x90/19
Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №